

НОВЫЙ
АФОНСКИЙ
ПАТРИК

Том III

Анонимный автор

**Новый Афонский
патерик. Том III. Рассказы**

Электронное Издательство "Орфограф"

2011

УДК 271
ББК 86.372

Анонимный автор

Новый Афонский патерик. Том III. Рассказы / Анонимный автор — Электронное Издательство "Орфограф", 2011

ISBN 978-5-9907764-8-1

Составитель этой книги – один из уважаемых афонских старцев, по смирению пожелавший остаться неизвестным. Более 30 лет он собирал и систематизировал повествования и изречения, отражающие аскетическое и исихастское Предание Святой Афонской Горы. Его 800-страничная книга, вышедшая на Афоне в 2011 году, выдержала несколько переизданий. Ради удобства читателей и с благословения старца русский перевод выходит в трёх томах – «Жизнеописания», «Сказания о подвижничестве» и «Рассказы преподобного старца Паисия и других святогорцев», которые объединены общим названием «Новый Афонский патерик».

Основную часть третьего тома составляют яркие изречения преподобного Паисия Святогорца об истинном подвижничестве, исполненном любви и смирения. Поучительные истории, рассказанные другими отцами, дают возможность ещё глубже проникнуться духом старых святогорцев.

УДК 271
ББК 86.372

ISBN 978-5-9907764-8-1

© Анонимный автор, 2011
© Электронное Издательство
"Орфограф", 2011

Содержание

Изречения и рассказы преподобного старца Паисия	8
Дух старых святогорцев	74
Духовные рассказы: случаи и истории	102
Покаяние епископа-отступника	104
Пираты, которые почтили добродетель	105
Добрая кончина послушника	106
Сборище бесов	108
Подвижническая пещера недалеко от Кариес	109
Пресвятая Богородица учит монаха рукоделию	111
Монах, изведший святой источник	112
Труд и утешение монаха	113
Дворец для монаха	114
Добродетельные наследники старца Хаджи-Георгия	115
О том, как сахар изгнал сладость молитвы Иисусовой	116
Тайные делатели молитвы	117
Святые сорок мучеников спасают монахов от смерти	118
Диавол, принявший образ монаха	119
Плод своеволия	120
Пресвятая Богородица утешает молодого монаха	121
Покров Пресвятой Богородицы над нищими	122
Сокрытые святыи моции	123
Скорбь и покаяние иеромонаха за принятый помысл	124
«Живая вода»	125
Терпеть и благодарить Бога подобно Иову	126
Неизгладиимость монашеской схимы	127
Крайнее смирение игумена	128
Извещение монаха о том, чтобы он не уходил	129
Польза от молитвы за усопших	130
«Если захочет Матерь Божия...»	131
Беснование за помысл гордыни	132
Из своевольника монах не получится	133
Невидимые обнажённые старцы[97]	134
Плоды преслушания	139
Бесовские голоса	140
Принятие похвалы привело к прелести	141
Беседа с Госпожой Богородицей	142
Подействовавшее проклятие	143
Пощёчина от святого Павла	144
Прельщённый автобиограф	145
Старец, забывший мир	146
Уклонение от почестей	147
Ангелы напоминают о грехах	148
«Какую же я почувствовал радость!»	149
За похвалой следует искушение	150
Уход святителя Тихона Задонского	151
Нерассудительная ревность	152

Монах, который стал бесноватым	153
Дьявольская брань из-за богослужения	154
Бесовские откровения во сне	155
Пресвятая Богородица тушит пожар	156
Благоговение перед Пресвятой Богородицей и любовь к Ней	157
Благоухающая пещера	159
Последствия осуждения	160
Промысл Пресвятой Богородицы	161
Приобретение и потеря молитвы Иисусовой	162
Дьявол завидует певчим	163
Дьявол мешает покаянию	164
Святые архангелы посещают больного	165
Страшная брань с бесами гордыни	166
«Отец, ты сделал меня христианином»	168
Послушание выше поста	169
Несребролюбие отцов	170
Привязанность к родным	171
Страх из-за преслушания	172
Брань и помощь иеромонаху	173
Старец Иосиф изгоняет искушение	174
Бесы мешают монашескому правилу	175
Подвижник, впавший в прелесть	176
Благоухание от святых мощей прекратилось	177
Смирение тушит пожар	178
Молитва на воздусе	179
Старец, который стал бесноватым	180
Послушник, который не доставил покоя и радости своему старцу	181
Русский монах, Христа ради юродивый	182

Новый Афонский патерик. В 3 т. Том 3. Рассказы преподобного старца Паисия и других святогорцев

*Во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа, в честь Хранительницы нашей Пресвятой Богородицы, в поминовение вечное zde подвижавшихся святогорских отцов, в подражание им, в продолжение и укрепление Предания Святой Афонской Горы и читающим на пользу.
Аминь.*

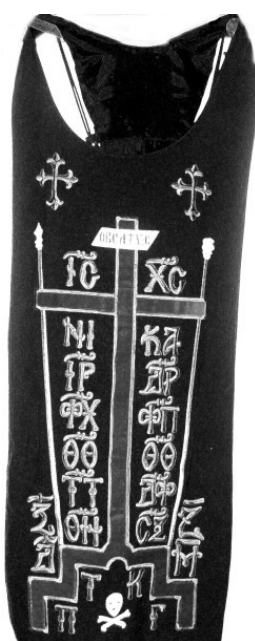
*Новопрозябшим побегам пустыни,
юным инокам и инокиням,
с молитвенным пожеланием
от всего сердца возлюбить монашеское Предание,
укорениться в нём и от него питаться,
дабы в своё время принести плоды, —
посвящается эта книга*

*Если не перестанем сами себя испытывать и сравнивать житие наше с житием прежде нас бывших святых отцов и светил, то найдём, что мы ещё и не вступали на путь истинного подвижничества, ни обета своего как должно не исполнили, но пребываем ещё в мирском устроении.
Преподобного отца нашего Иоанна Лествица, Слово 23, п. 21*

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
№ ИС Р17-709-0350

Перевод на русский язык выполнен братией Свято-Преображенского скита Данилова мужского ставропигиального монастыря г. Москвы с греческого издания:

Ἀπὸ τὴν Ἀσκητικὴ καὶ Ἠσυχαστικὴ Ἀγιορείτικη Παράδοση. Ἅγιον Ὅρος, 2011.

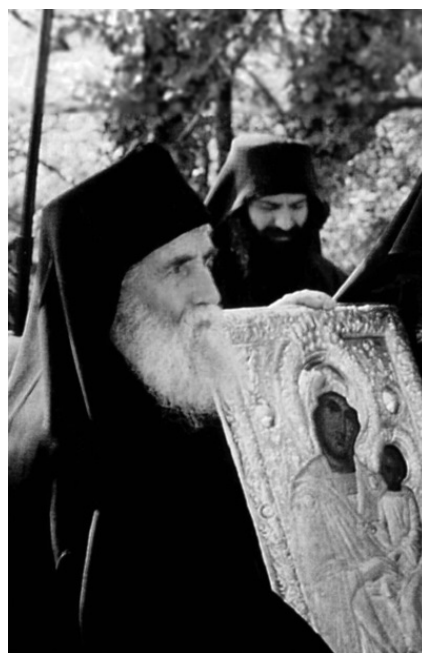
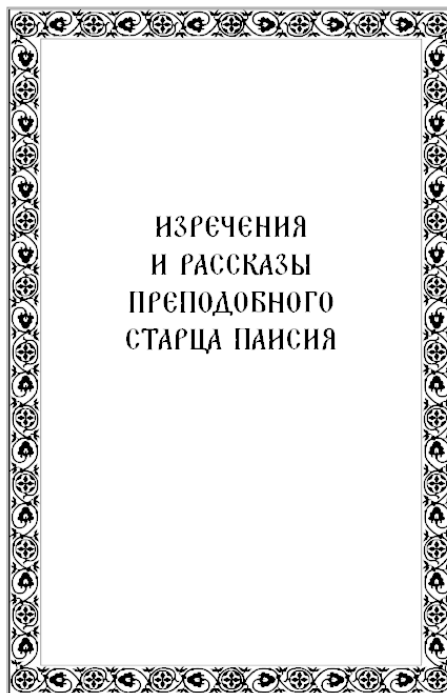

© Γερὸν Ἠσυχαστήριον «Ἅγιος Ἰωάννης ὁ Πρόδρομος», Μεταμόρφωση Χαλκιδικῆς, текст, 2011

© Свято-Преображенское подворье Данилова мужского ставропигиального монастыря г. Москвы, перевод, 2018

© Издательство «Орфограф», вёрстка, Москва, 2018

Изречения и рассказы преподобного старца Паисия

Преподобный Паисий с Иверской иконой Богородицы

В прежние времена общежительные монастыри отличались большим подвижничеством, благоговением, братским духом. Когда человек приходил в монастырь, чтобы стать послушником, отцы сразу же от всего сердца старались помочь ему. Они несли в его келию всё необходимое монаху. Кто-то нёс зажигалку, чтобы возжигать лампы, кто-то – часы, кто-то – скамейку, кто-то – лампу и так далее. Эти вещи отцы хранили у себя от братий, отошедших ко Господу. В те времена в монастырях господствовал дух служения братиям, стремление доставить им покой. Духовными образцами для братии были подвижники, которые любили церковь, а не болтовню и праздношатание. Трапеза предлагалась один раз в день – похлёбка без масла. Отопления в келиях не было. Всё дышало свободой, которая обильно проистекала от внутреннего послушания. И вот в такую обстановку, в такую прекрасную атмосферу погружался юный монах. Словно нежный молодой побег, он попадал в благоприятный климат, чтобы расцвести и принести плод. Не то что ныне, когда во многих монастырях казарменный дух и нездоровое послушание бьют молодой побег (юного инок), словно град и заморозки, и он не может расцвести. В прежние времена были благоговейные старцы, которые подавали монахам добрый пример».

2

«В наши времена¹, к несчастью, для многих святогорцев вся духовность измеряется тем, сколько в монастыре братии и как часто они причащаются».

3

«Женщины – существа слабые. Необходимо, чтобы женские монастыри осеняла мужская тень. Я имею в виду духовника».

4

«Тот, кто говорит или пишет о святых отцах, но при этом сам не очистился от страстей, похож на жестяную банку, в которой хранится мёд, но пахнет от неё керосином».

5

«Человек толковый, какой бы путь ни избрал – семейную жизнь или монашество, – преуспеет, даже если духовник по ошибке укажет ему неверный путь».

¹ Сказано в 1976 году. – Прим. греч. изд.

6

«Новонаначальному монаху, маленькому ребёнку и чрезмерно чувствительному человеку Бог не попускает, чтобы они увидели себя такими, какие они есть, потому что иначе они впадут в отчаяние».

7

«В прежние времена миряне имели больше благоговения к антидору, чем во времена нынешние многие монахи – к Божественному Причащению».

8

«Когда в молитве мы не ощущаем такого утешения и такой радости, как у малого ребёнка, бегущего в объятия мамы, это значит, что либо мы ранили кого-то своим поведением и жестокостью, либо в нас есть гордость».

9

«Монаху очень полезна жизнь в пустыне, потому что там он не отвлекается на внешнее. Жизнь в пустыне проста, и монах может всецело отдать себя духовному деланию».

10

«Человека смиренного, даже если он вдруг сойдёт с верного пути, покрывает благодать Божия. А гордец похож на автомобиль со сбитым рулём, который всегда едет криво, или на косозубую пилу, которой прямо не отпилишь».

11

«Когда монах испытывает сладость молитвы Иисусовой, то не хочет выходить из своей келии, молитва не утомляет его, а доставляет отдохновение. Но если в это время мы выходим из келии по любви к брату и приносим своё безмолвие в жертву ближнему, тогда Бог видит нашу любовь и восполняет то, что мы потеряли».

12

«О дорогах на Афоне пророчествовал преподобный Нил Мироточивый, говоря, что придёт время, когда Святую Гору опояшут тряпичной лентой, и тогда Святая Гора останется только от монастыря святого Павла и дальше»².

² Старец имел в виду местность от монастыря святого Павла до Виглы, поскольку только эта часть пока осталась без автомобильных дорог. – *Прим. греч. изд.*

13

«Будем просто вести себя с другими, и замечания принимать – тоже просто. Если человек ведёт себя просто и возделывает добрые помыслы, то он радуется, когда его ругают».

14

«Пусть на твоём письменном столе всегда лежит раскрытая духовная книга, чтобы не давать диаволу удобного случая подкидывать тебе помыслы».

15

«Одно из благ монашеской жизни – то, что очищаются помыслы, благодаря тому что монах видит и слышит добрые вещи».

16

«Чтения – поменьше, а молитвы Иисусовой – побольше. В молитве и в богослужении мы должны соучаствовать всем сердцем».

17

«Однажды мне явился сатана и сказал: „Я – Христос! Поклонись мне!“ Я ему ответил: „Я моему Христу и так постоянно поклоняюсь. Если бы ты был Христос, то не просил бы, чтобы я тебе поклонился!“».

18

«Монахи должны особенно чтить праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Как Матерь Божия вошла во Святая Святых, так и монахи через постриг входят во святую жизнь монашеского жителства».

19

«В людях духовно не преуспевших их внешнее неустройство показывает внутренний разлад».

20

«Если в нас не будет мужественного духа, то мы не преуспеем. Мужество в том, чтобы всецело с доверием предавать себя Богу. Если у человека есть мужество, то у него есть и любовь, – поэтому и Бог высоко ценит мужество».

21

«Я слышал, что на днях снова начала раскачиваться лампада у Пресвятой Богородицы в Иверском монастыре. Мать Божия пытается разбудить нас, чтобы мы покаялись. Но нынешние люди, сколько бы ни раскачивались лампы, сами не качнутся ни на миллиметр».

22

«Полезно молиться на горах, а не в ущельях или оврагах. Поэтому и Христос поднимался на горы и молился там. Наверху проясняется ум и оживают чувства. Вот поэтому жители Эпйра³ и других горных районов отличаются отвагой и мужеством».

23

«Если человек заведён и весь на нервах, то лучше пока с ним не разговаривать, даже по-доброму. Он похож на поранившегося человека, которому даже ласковое прикосновение причиняет боль».

24

«Душа и дух, о которых говорится в Священном Писании, – это не две разные вещи, как неправильно пишет Макра́кис⁴. Например: *Вели́чит ду́ша́ моя́ Го́спода и возра́довася ду́х мой о Бо́же Спа́се моём...*⁵»

25

«Если простой человек скажет что-то догматически неверное, то не надо в этом придирчиво ковыряться. Отнесёмся к сказанному с добрым помыслом, потому что Бог будет всё судить по-Своему».

26

«Когда человек согрешает, благодать Божия его покидает. Когда он кается, благодать Божия снова к нему приходит и он очищается совершенно. Остаётся только след – как на выстиранной рубашке может быть след от жирного пятна, но и этот след чист, как и вся рубашка. Или это может быть похоже на шов от сварки – он такой прочный, что даже напильник его не берёт».

³ *Эпитир* – горный район Северо-Западной Греции, где прошли детство и юность преподобного Паисия Святогорца. – *Здесь и далее, если иного не оговорено, примечания переводчика.*

⁴ *Макра́кис Апо́столос* (1831–1905) – греческий богослов, отколовшийся от Православной Церкви; зачинатель религиозного обновленческого движения.

⁵ Лк. 1:46–47.

27

«Один колдун рассказывал мне, что когда он зажигает чистую восковую свечу, то бесы не дерзают приблизиться, сколько бы он их ни звал. А вот когда он зажигает свечку парафиновую, то они приходят».

28

«Мы живём в очень тяжёлое время. Сегодня христиане должны очень много терпеть для того, чтобы получить соответствующее воздаяние. Многие святые желали бы жить в нынешнюю эпоху, чтобы получить большую мзду».

29

«Сглаз – это ревность со злом и завистью. Наша ревность должна быть хорошей, без злобы – подражайте добрым примерам. Мы можем понять, какова наша ревность, когда увидим, что с предметом нашей ревности случилось что-то нехорошее. И если мы в этот момент радуемся, то в нашей ревности есть злоба».

30

«Благословение и молитва действуют, когда они исходят от сердца. Поэтому Исаак и повелел Исаву принести ему поесть, чтобы его сердце возрадовалось и он смог благословить сына»⁶.

31

«Человек любочестный⁷ должен больше размышлять о любви Бога к человеку, о Его жертве. А человек жёсткий должен больше вспоминать о суде Божиим и воздаянии. Каждый должен использовать наиболее подходящий ему помысл».

32

«Мы должны приложить усилие к тому, чтобы с корнем вырвать большие страсти, потому что когда ты выкорчёвываешь большую страсть, то вместе с ней вырываются и много страстей малых».

33

«Смирение и любовь – это всё, что нам нужно».

⁶ См. Быт. 27:4.

⁷ *Любочестие* (греч. φιλότιμο) – великодушие, расположенность к жертвенности, презрение к материальному ради нравственного или духовного идеала.

34

«Диавол пал по своей гордости. Ох, насколько это страшно! Он был первым ангелом, а стал врагом Бога и людей. Но это должно вызывать у нас не ненависть, а скорее сострадание и боль из-за того ужасного состояния, в которое он впал».

35

«Однажды в каливу⁸ старца Тихона пришёл сильно располневший диакон, и я посоветовал ему ежедневно держать девятый час⁹. Прошло достаточно времени, я встретил его в Дафни¹⁰ и не узнал – настолько он похудел. Когда человек ест по чуть-чуть, но часто, его организм забирает калории из съеденного. Но когда человек держит девятый час, его организм „открывает холодильник“ и берёт из своих собственных запасов, то есть организм забирает калории из того, что уже есть в нём самом. Вкусная пища и сидячая жизнь делают маленьких детей толстыми и, к несчастью, некоторые из них становятся потом парализованными».

36

«Пожилой монах, который много лет меняет монастыри и нигде не может остановиться, найдёт покой, если всмотрится в самого себя и будет трудиться над своим ветхим человеком. Он не найдёт покоя ни в пятом, ни в десятом монастыре, но лишь в монастыре своего сердца. Другое дело, если человек ещё только собирается стать монахом и со смирением ищет подходящее место».

37

«Каждый человек должен освятить своё призвание, свои способности. Предположим, что я сейчас захотел бы стать певчим в храме Протата¹¹ и занять место диакона Фирфириса¹². Но разве я гоюсь на его место? Не гоюсь. Поэтому мне надо глядеть, на что я способен, чтобы освятить своё собственное призвание. Подобно тому носильщику из порта в Пирее, который воскресил своего мёртвого тестя¹³. Этот грузчик своей святой жизнью освятил целый порт! Многие люди изменились благодаря ему в лучшую сторону. Однако он не говорил: „Ну почему же я не пошёл в монахи?“ Если бы призванием этого человека было монашество, то он бы не женился».

⁸ *Калива* (греч. καλύβα—хижина) – небольшой отдельно стоящий домик, где живут один или несколько монахов. Калива не имеет собственной земли.

⁹ *Соблюдение девятого часа* – полное воздержание от пищи и воды до окончания вечера, которая совершается после чтения девятого часа. В зависимости от времени года девятый час на Афоне может начинаться от 14 до 19 часов по афинскому времени.

¹⁰ *Дафни* – основной порт Афона.

¹¹ *Протат* – 1) Священный Кинот, верховный орган самоуправления Святой Горы; 2) соборный храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, находящийся рядом со зданием Протата в Кариес.

¹² *Иеродиакон Дионисий* (Фирфирис; 1912–1990) – искуснейший исполнитель византийских церковных песнопений.

¹³ См.: *Паисий Святогорец, при.* Слова. Т. 4. Семейная жизнь. М.: Орфограф, 2018. С. 191–192.

38

«Основы основ: смирение, доброта и простота. Доброта – это забота в первую очередь о покое ближнего, а о собственном покое – в последнюю очередь. Бог не несправедлив: впоследствии Он восполнит то, чего мы себя лишили, стараясь помочь брату».

39

«Монахи с горящими глазами и большим эгоизмом должны находиться в послушании, чтобы отсекать своеволие».

40

«Зло расцвело пышным цветом, и в последние годы произошло много серьёзных изменений. Однако ещё сохранилась добрая закваска, ради которой Бог с милосердием относится к прочим людям. Постараемся, чтобы эта закваска сохранилась: горе нам, если она погибнет».

41

«Молитва об усопших – очень важное дело. Когда я из-за усталости или нехватки времени не совершаю молитву об усопших, то ночью во сне я вижу моих родителей, которых я отдельно никогда не поминаю».

42

«В праздники святых преподобных дев-мучениц лучше читать Евангелие о десяти девах¹⁴; поскольку и эти святые сопричислили себя к девам мудрым. Это евангельское зачало по смыслу подходит больше, чем положенное Евангелие о кровоточивой жене¹⁵».

43

«Благоговейные родители, которые хотят, чтобы их дети стали монахами, не должны навязывать им своё желание, но пусть сами живут как монахи. А уж тем более не надо давать такого рода обеты, потому что если у ребёнка нет призвания к монашеской жизни, то он будет мучиться всю последующую жизнь. Если же такой неправильный обет дан, епископ должен прочесть над ребёнком молитву, и монахом он становиться не обязан».

44

«Мы должны со смирением говорить свой помысл старшим по послушаниям и начальствующим. Возможно, так мы поможем им принимать более верные решения».

¹⁴ См. Мф. 25:1-13. Это чтение положено на память первомученицы Феклы.

¹⁵ См. Мк. 5:25–34. Это чтение предписано на память великомученицы Варвары.

«Не пытайтесь прыгнуть выше головы, беритесь за те дела, которые соответствуют вашему духовному состоянию».

«Днём подражай Антонию Великому: немного рукоделия, немного молитвы. Ночью – немного чтения и молитва по чёткам. Немного чтения из сильной книги принесёт огромную пользу».

47

«Человек должен думать о благодеяниях Божиих, о своей неблагодарности и с сокрушением должен просить милости Божией. Во всём происходящем нужно находить поводы для того, чтобы благодарить и славословить Бога».

48

«В нашу эпоху исполнилось пророчество Антония Великого: „Придёт время, когда люди сойдут с ума и, если увидят разумного, будут называть его сумасшедшим, потому что он на них не похож!“¹⁶».

49

«Я знал мужчин, совершенно плотских людей, которые женились на благоговейных христианках. Они настолько сильно чувствовали духовность своих жён, что не дерзали к ним прикоснуться, и в результате даже думали о разводе. Если эти женщины настолько сильно изменили своих плотских мужей, то насколько сильнее Мать Божия изменяет души людей?»

50

«В Евангелии говорится, что *Иисус преуспевал в премудрости и возрасте и в любви*¹⁷. Евангелие не имеет в виду, что вначале Господь был несовершен в знании и добродетели и что Он якобы преуспевал в этом, приходя в больший возраст. Нет: имея изначально всё знание и всю святость (поскольку с момента зачатия в Господе Иисусе человечество было соединено с Божеством), Он постепенно проявлял их людям, чтобы они могли это принять. В противном случае они смотрели бы на Него с ужасом».

51

«Благодать священства – это вещь совершенно ни на что не похожая. Она действует как чужой аккумулятор, к которому мы подключаемся. Подключаться-то мы подключаемся, но наши собственные труды тут ни при чём».

¹⁶ См. Достопамятные сказания. Об авве Антонии, п. 25.

¹⁷ Лк. 2:52.

52

«Христа ради юродивые имеют глубокое смирение и что-то ещё, что отличает их от других святых, поэтому они и познают тайны Божии. В прежние времена здесь, на Святой Горе, можно было увидеть много юродивых ради Христа. Например, когда Священный Кинот совершал какую-то ошибку, они поднимались на колокольню и начинали заупокойный звон¹⁸. Их понимали те, кто перед ними благоговел».

53

«Сегодня диавол своей страшной злобой делает людям большое благо, потому что благоговейные люди, видя то состояние, в котором находится мир, пытаются сблизиться с другими благоговейными людьми, и так одни помогают другим в духовной борьбе».

54

«Во многих людях, которые причащаются регулярно, я не вижу большого духовного преуспевания. Сегодня Божественное Причащение пытаются сделать частью распорядка дня, то есть подобно тому, как мы постимся в понедельник, среду и пятницу, так многие относятся и к Божественному Причащению. В прежние времена в общежительном монастыре мы причащались каждую неделю, а в середине недели – если на будний день выпадал Господский или Богородичный праздник, или память великого святого. Накануне Божественного Причащения мы держали девятый час и перед трапезой пили крещенскую воду».

Преподобный Паисий на пристани в Дафни

55

«Раз отцы имели такое благоговение к святой крещенской воде, то представьте, насколько больше благоговения они имели ко Святому Причащению. Они постились без масла в среду, четверг и пятницу, и после этого трёхдневного строгого поста причащались».

¹⁸ См. Новый Афонский патерик. Т. 1. М.: Орфограф, 2013. С. 99.

56

«Если ты хочешь радоваться всю жизнь, становись монахом».

57

«Грешные люди в будущей жизни будут страдать от своих похотей».

58

«Сердце в духовной жизни – всё равно что бензин для мотора. То, что человек делает от сердца, его не утомляет. Поэтому молодым людям, которые спрашивают меня, на кого им пойти учиться, я советую учиться тому делу, которое им по сердцу. Есть некоторые профессии, например врач, учитель, которые особенно требуют того, чтобы человек их очень любил. И в жизни духовной, в молитве должно соучаствовать сердце».

59

«В жизни духовной необходимо много самоотречения и любочестия».

«Если ты старец и твой послушник приуныл, то надо его ободрить. Если же послушник „залетел высоко“ и страдает эгоизмом, то надо его смирять».

61

«Когда мы возжигаем свечу о душе усопшего человека, то он получает огромную пользу».

62

«Очень часто мы, монахи, не видим боль других людей и ожесточаемся, оттого что не сопереживаем им. А многие несчастные люди в миру, наоборот, отличаются состраданием, потому что они живут рядом с теми, кому больно. Мы должны боль других людей сделать нашей собственной болью и молиться о всех».

63

«Есть люди, которые очень сильно привязаны к своим домашним, но при этом они хотят стать монахами. У них разрывается сердце: на весах любви одна чаша тянет их в одну сторону, другая – в другую. В этих людях есть любовь, и если они смогут отцепиться от плотской любви, то очень сильно преуспеют».

64

«Когда в молитве мы не чувствуем утешения, значит, с нами что-то не так: мы должны покаяться и исправить это. Некоторые считают, что это происходит от зависти дьявола, но они ошибаются. Когда мы не чувствуем утешения в молитве, то этим Бог словно подсказывает

нам: „Я не понимаю, что ты Мне говоришь“. Молитва, подобно Божественному Причащению, есть таинственная пища, поэтому, приступая и к молитве, и к Божественному Причащению, необходимо готовиться и иметь чистую совесть».

65

«Ко мне пришёл один брат и сказал, что, прочитав несколько книг о молитве Иисусовой, он через силу пытался применять на практике прочитанное. В результате у него заболело сердце. Я сказал ему: „У тебя что, нет поводов для смирения? У тебя нет грехов? Смирись. Смирившись, ты почувствуешь необходимость милости Божией к тебе, и молитва будет сама, а не через силу, течь внутри!“».

66

«Часто телесная чистота (девственность) – маска, под которой скрываются все страсти».

67

«Я не впадаю в отчаяние, когда вижу, что в человеке много страстей, но меня страшит, когда в брате нет доброй обеспокоенности. Без неё и борьбу не начнёшь, и внимательным не станешь, и от страстей не избавишься. С того момента, как человек познал самого себя, заметил свои страсти – он начал изменяться. Монах привыкает к определённому образу жизни, и привычка становится его „второй натурой“. После этого ему трудно меняться. Можно жить рядом со святым человеком долгие годы и не измениться к лучшему».

68

«Бог чтит свободу человеческого произволения. Желая вмешаться, Он ждёт, пока мы попросим Его о помощи».

69

«Духовно преуспевший человек понимает намерения людей. Например, он осознаёт, что его хотят использовать или обокрасть, однако он всегда относится к этому с добрым помыслом. Он оправдывает людей их нуждой и, думая так, себя не защищает. У святых есть духовный „рентген“, который высвечивает намерения других людей».

70

«Если нет искренних покаяния и смирения, без которых невозможно почувствовать милость Божию как жизненную необходимость, то одно лишь формальное благочестие и принуждение себя к духовному приводят к прелести».

71

«Пусть наш ум, насколько возможно, находится близ Бога и всегда пребывает в добрых помыслах».

72

«Если мы бросаем в землю горсть пшеничных зёрен, то мы получим с них, предположим, 10 килограммов пшеницы. Точно так же, если мы бросим в землю зёрна сорняков и колючек, то получим сорняки и колючки. Если человек делает добро людям, то это добро родит другое добро. Если человек совершает грехи, то эти грехи произведут другие грехи – большие».

73

«Тело стареет, но сердце (добрые и злые желания) не стареет».

74

«Когда монах находится в начале монашеской жизни, его ум уходит нередко в мирские, богохульные или постыдные помыслы. Когда монах несколько преуспеет в духовной жизни, его ум уходит в помыслы нейтральные, в которых нет ни пользы, ни вреда. Однако потом, когда он ещё более преуспеет, его помысл во время молитвы может заводить беседы на духовные темы. Монах начинает думать, что это хорошо – но это лишь уловка, чтобы оторвать его ум от молитвы. Представь: человек подходит к Божественному Причащению, берёт в руки плат¹⁹, и в этот момент брат заводит с ним духовный разговор. Старец Пётр²⁰ тоже говорил, что во время молитвы искушитель любит влезть со своими „духовными беседами!“».

75

«Живя в пустыне, монах чувствует себя маленьким, и даже незнакомого человека встречает с большой любовью».

«По сути гордость есть недостаток любви, самолюбие».

77

«Один молодой человек, женившись, стал говорить мне, что монашество – не таинство, а вот брак – это таинство. Я ответил ему, что монашество относится к таинствам Церкви торжествующей, поскольку монах ещё на земле начинает жить жизнью ангельской».

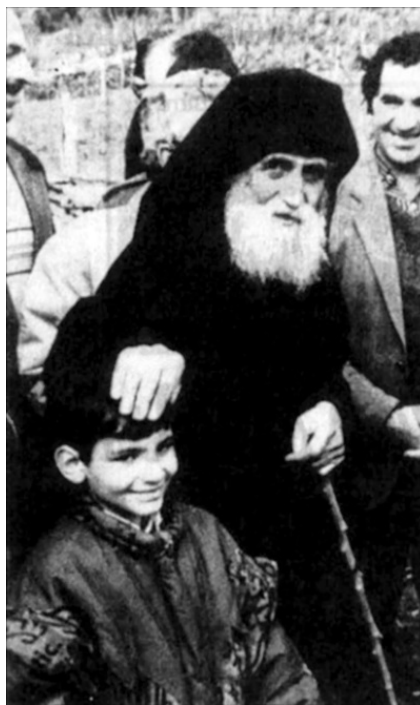
78

«Страдания, боль, стыд изглаживают вечную муку. Как говорит авва Исаак, они „поедают муку!“²¹».

¹⁹ В Греции причащающийся сам держит плат, а другой конец плат зажат у священника в руке, которой он держит Святую Чашу.

²⁰ См. о нём: *Паисий Святогорец, прп.* Отцы-святогорцы и святогорские истории. С. 65–75.

²¹ «Наказуемый здесь за свой срам вкушает своей геенны». См.: *Исаак Сири, прп.* Слова подвижнические. Слово 71. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2008. С. 436.

79

«Очень здорово, когда маленькие дети учатся византийской музыке, потому что их ум занят и не уходит в суетные и греховные вещи. Дети освящаются и славословят Бога».

80

«Диавол не может исцелить какую-нибудь болезнь, например болезнь Паркинсона, однако он может „исцелить!“ человека, который пострадал под воздействием его же, то есть диавольской, энергии».

81

«В молитве мы не должны стремиться к наслаждению, даже если это наслаждение духовное. Стремясь к нему, мы уподобляемся детям, которые любят своего отца, поскольку он даёт им леденцы и шоколадки. Выше наслаждения – состояние душевного мира».

82

«Диавол, поскольку находится в состоянии тьмы, может видеть только тёмные мысли, которые сам и вкладывает в наш ум. Мысли светлые он увидеть не может, и проследить за их ходом он тоже не в состоянии».

83

«Многие монахи, которые впали в прелесть и по воздействию диавола возомнили себя пророками, начали свой монашеский путь не с покаяния и не со внимания к себе, а все силы бросили на посты и всенощные бдения для того, чтобы поскорее освятиться».

84

«Если человек соучаствует в боли ближнего и говорит что-то ради его утешения, то это подобно благословию, и очень часто его слова исполняются на деле».

85

«Недуг самоубийцы – эгоизм. Дьявол омрачает его ум, ввергает в отчаяние и приводит к самоубийству. Если у человека есть смирение, то, даже став причиной какого-то скандала, он всё равно не станет себя убивать. Конечно, если человек страдает психическим расстройством и налагает на себя руки, то разрешается похоронить его на кладбище, потому что у него есть смягчающие вину обстоятельства».

86

«У любого автобуса есть точка отправления, и любое беснование тоже имеет свою отправную точку, свою причину. Поэтому священникам не надо сразу читать над бесноватыми заклинательные молитвы, если сперва не будет найдена причина».

87

«Из тех, кто освяти лея, не все имели святых старцев, но все имели святые помыслы».

88

«Молитва подобна громоотводу, который поставлен для того, чтобы притягивать к себе молнии. Молитва „отменяет!“ гнев Божий. Долг монаха – это молитва о себе самом и о мире».

89

«Смиренный человек тут же забывает всё доброе, что он сам сделал, но помнит и считает великим даже крохотное благодеяние, которое сделали ему, и испытывает за это благодарность».

90

«Монах должен смиренно говорить свой помысл, а не раздавать приказы».

91

«Стяжание святости зависит не от прожитых лет, но от любочестия и нашей смиренной борьбы. Любочестие имеет в себе смирение, благородство и жертвенность».

92

«Псалтирь – это богодухновенная книга, исполненная умиления. И святой псалмопевец Давид похож на человека, который, не имея архитектурного образования, построил дворец, приводящий всех в восхищение».

93

«Есть люди, которых осеняет Божественная благодать и выдаёт их другим. Такие люди чувствуют действие благодати, мир, радость и тому подобное».

94

«Пост и вообще аскеза должны иметь своей отправной точкой жертву, которую мы приносим ради любви ко Христу. Дьявола испепеляет наша любовь ко Христу, а от сухой аскезы такого не бывает».

95

«Когда закроются наши плотские очи и откроются очи нашей души, то мы увидим вещи, которые приведут нас в изумление. В жизни иной нам предстоит удивиться очень многому».

96

«Бывают времена, когда ты должен приносить Богу свой труд. Однако бывает и время, когда ты должен размышлять над своим духовным деланием: что ты читаешь и чем ты занят».

97

«Послушание старцу можно уподобить лекарственному растению, которое исцеляет от простуды. Ты спрашиваешь старца, что тебе выпить. Он показывает тебе это растение, ты его завариваешь и пьёшь. Всё – вопрос закрыт. А подвизаясь без старца, ты пробуешь то одно растение, то другое, пока не найдёшь пригодного, чтобы исцелить именно твою болезнь. И возможно, пока ты будешь его искать, ты разболеешься ещё больше, и нужное растение, когда ты его наконец найдёшь, тебе уже не поможет».

98

«От избытка работы человек дичает. Как и сколько работать, должен определять старец».

99

«В грядущие годы многие люди будут становиться монахами, растратив силы по барам и дискотекам и чувствуя пустоту в своей душе. Они будут приходить в монастырь, подвизаться, поститься, но ничего для себя не найдут, потому что у них не окажется необходимых предпосылок. Чтобы найти ключ к монашеской жизни, надо иметь эти предпосылки. И первая из них – это чуткость. Если у тебя нет чуткого сердца, если ты толстокожий, то какие бы ты подвиги ни нёс, останешься лишь сухим „подвизальщиком!“».

100

«Один человек пришёл ко мне и спросил:

– Можно мне стать монахом?

Он рассказал мне кое-что, и я понял, что в монахи он не годится.

– Нельзя, – говорю я ему.

Через какое-то время он вернулся ко мне и выглядел как настоящий бандит.

– Вот видишь, ты сказал, что мне нельзя становиться монахом, поэтому я и стал таким, – заявил он мне.

– Но, брат ты мой, я же не говорил тебе, что надо становиться бандитом с большой дороги!

А другому юноше, когда он спросил меня о выборе своего пути, я посоветовал стать монахом. Через год он снова пришёл ко мне, обуреваемый своими монашескими проблемами, и с претензией спросил:

– Ну и зачем ты сказал мне становиться монахом?»

101

«Очень печально, что некоторые игумены дошли до того, что стали похожи на директоров заводов. Они живут в состоянии стресса, беспокоясь о том, чтобы всё правильно функционировало. Мы пришли в монашество не за этим. Давайте не будем забывать о нашей главной цели. Я тут недавно был в гостях в одном монастыре и увидел, как игумен бегают по корпусам, контролируя, хорошо ли братия выполняют послушания. Вместо того, чтобы сидеть у себя в келии и по-отечески тянуть чётки о своих детях, он теряет своё драгоценное время на второстепенные вещи».

102

«Если у паломников есть к монахам претензии, что в монастыре нет такого порядка, как в мирских учреждениях, то пусть они едут в какую-нибудь воинскую часть или больницу и смотрят, как вокруг всё „по струнке“. Приезжая же на Святую Гору, они должны искать здесь только духовную жизнь».

103

«Многие ушедшие из обители своего пострига раскаялись и претерпели разные беды».

104

«Живя в пустыне, в начале Великого поста ты вырываешь себе могилу, после чего начинаешь поститься. В монастыре есть некое снисхождение – а здесь ты должен соблюдать законы подвижничества до смерти».

105

«Если бедняки, которые лишены самого необходимого и которым нечего есть, не будут роптать, то получают равную мзду с афонскими подвижниками. Ведь последние подвизаются по собственной воле, и это очень облегчает их труд. Предположим, я несу какой-то подвиг по собственному произволению, и это помогает мне не думать о предстоящих трудностях. Тогда как несчастные бедняки в миру голодают, не желая этого, поэтому они и страдают гораздо сильнее. Бог может дать этим людям большую мзду, чем подвижникам».

106

«Если бы я мог, то нашёл бы какую-нибудь нору или пещеру и зарылся бы там внутри, чтобы радоваться своей монашеской жизни».

107

«Некоторые монахи, которые сняли рясу и ушли в мир, вновь в покаянии вернулись на Святую Афонскую Гору и мирно закончили свою жизнь. Эти монахи, в молодости придя в монастырь, были по-доброму расположены, однако не получили помощи. В такую ситуацию попали многие монахи: отправившись в путь с добрым произволением, они не нашли старца-руководителя и в конечном итоге оставили монашество. Бог использует разные способы, чтобы их обратить, иногда подвергая их позору, лишь бы они вернулись на Святую Гору и мирно на ней скончались. Если бы Бог не возвращал этих людей обратно к Себе, то Божественный Промысл можно было бы обвинить в несправедливости. Ведь эти люди, много лет назад начиная монашескую жизнь, были расположены по-доброму, а Бог такое не забывает».

108

«Лучшим лекарством для нас является мысль о том, что люди испытывают большие страдания, чем мы. Как бы мне ни было больно, когда я думаю о том, как больно другим людям, говорю: „Слава Богу! Будь я парализованным, я не мог бы даже пошевелить рукой. Что бы я тогда делал? Слава Богу, сейчас я как царь!!“»

109

«Наша монашеская жизнь должна быть непрерывным славословием Бога».

110

«Когда Бог приоткрывает будущее, надо быть внимательным. Дело в том, что если человек изменится и впадёт в нерадение, то и Бог отменит приоткрытое. Пути Промысла Божия зависят и от человека».

111

«Переноси свою собственную боль так, словно её не существует».

112

«Когда я жил в Эсфигмене (в то время он уже был общежительным монастырём), то сказал своему духовнику, что хочу пойти подвизаться в пустыню. Духовник ответил: „Сейчас тебе надо запастись смирением. Поживи какое-то время в особножительном монастыре²². Потом, когда ты будешь жить в пустыне, эта «слава»²³ тебе пригодится!“».

113

«Сегодня многие приходят стать монахами, однако закваски нет. Мы уклонились от предания. Быть похожими на святых не стараемся. А ведь нам надо сравнивать себя именно с ними – а не с теми, у кого есть большие или малые страсти».

114

«Чем больше ты трудишься, тем большую радость и благодать ты получишь от Бога».

115

«Когда Бог даёт Свою любовь душе, то она этого не выдерживает, падает ниц. Тогда ей не нужно ничего другого, она хочет оставить всё и затвориться в пещере».

116

«Нам следует знать, что приражение демонической энергии есть, если можно так выразиться, дар Божий согрешающему человеку. Бог попускает это для того, чтобы человек покался, смирился и спасся. Однако если человек вконец ожесточён и в нём нет покаяния, тогда его не искушает диавол, потому что Бог видит, что ожесточение дошло до предела».

²² *Особножители́ный (идиоритмический) монастырь* – обитель, в которой братия не выбирают общего игумена, следуют индивидуальному порядку в духовной жизни и материальном обеспечении себя.

²³ Из-за отклонений от строгости монашеской жизни, которые были в некоторых особножительных монастырях, их имя стало нарицательным.

117

«Раньше я творил молитву Иисусову, и, когда спал, молитва продолжалась сама. Я просыпался и понимал, что молитва не останавливалась. А сейчас не так. Сейчас я живу проблемами людей».

118

«Сегодня на Святую Гору приходит много молодых людей— не из любопытства, а со стремлением найти живые примеры. Поэтому мы должны быть такими, какими хочет нас видеть Бог, чтобы проходящие получали пользу. Иначе нам придётся дать ответ – и не только за себя, но и за всех тех, кто пришел к нам и повредился или даже просто не получил пользы».

119

«Один студент уехал в Индию и прожил там три с половиной года. Он увлекался разными религиозными культами и эзотерикой, пытался найти там истину. Однажды он посетил одного очень известного гуру и с изумлением услышал:

– Зачем ты сюда приехал? То, что ты ищешь, ты найдёшь в православии. В православии – свет. Езжай на Святую Гору и читай „Добротолюбие“. Там ты найдёшь то, что ищешь.

Юноша растерялся, он не ожидал услышать такие слова от гуру. Он вернулся в Грецию, приехал на Святую Гору и рассказал мне, что с ним произошло».

120

«Лукавый приносит человеку помыслы в соответствии с тем состоянием, в котором тот находится».

121

«Для того чтобы наша „фабрика!“ (наш ум) прекратила производить злые помыслы, в нас должно исчезнуть лукавство. Тогда человек приобретает духовное здравие».

122

«Человек должен постараться, чтобы в нём жил Христос, в противном случае он остаётся кабачком».

123

«Самый лёгкий и короткий путь – это послушание. Руководитель на пути послушания – сама Благодать».

124

«Путь к совершенству продолжается и в жизни иной».

125

«Часто человек получает испытания от Бога, но вмешивается диавол и отягощает, очерняет их».

126

«Есть бесы, которые мешают давать духовные советы, и есть бесы, которые мешают слушать советы духовников».

127

«Когда человек духовно преуспевает, то испытывает в себе мир, радость, благодушие».

128

«Чтобы помочь людям стать духовными, мы не должны относиться к ним несправедливо. А несправедливо мы к ним относимся, когда хотим сделать из них свои копии. Например, мы впихиваем в них ту же пищу, какую едим сами, – не думая о том, хочется ли им пить или есть, и чего именно».

129

«Если мы живём последовательно, то люди сами найдут нас, где бы мы ни спрятались – даже за солнцем».

130

«Христос смиростивится над миром и даст людям знамение, когда мир дойдёт до последнего предела. Этим знамением будет Его Второе Пришествие. После Второго Пришествия неверующих не останется: все уверуют во Христа, но такая вера уже не будет иметь ценности».

131

«Люди сойдут с ума. Придёт время, когда в дома они будут входить не через дверь, а запрыгивать через окна, то есть будут совершать абсолютно невысказанные и безумные вещи. А на тех, кто будет входить в дом через дверь, станут показывать пальцем и улюлюкать: „Поглядите, вон пошли сумасшедшие!!“»

132

«Когда вы трудитесь, пусть ваши руки будут заняты работой, а ум пусть находится в Боге. Каждый час делайте паузу и какое-то время молитесь, а потом снова возвращайтесь к работе. В келии на столе держите открытой духовную книгу. Входя в келию, немного читайте из этой книги, чтобы ваш ум собрался, а затем вновь принимайтесь за работу. Потом можно помо-

литься по чёткам – и снова возвращаться к работе. Мы, монахи, не должны всецело отдавать себя работе, подобно людям мирским».

133

Однажды старцу Паисию рассказали, что один человек говорил о нём неподобающие вещи. Старец без осуждения ответил: «Кто знает, с каким помыслом он это сказал?» А в другой раз, когда ему рассказали о несчастье, которое произошло с одним монахом, он, хотя и знал причину несчастья, сказал только: «Кто ведает суды Божии?»

134

«Если не учитывать всё то, за что Бог может нас укорить, то нас можно назвать безукоризненными», – говорил старец в шутку.

135

«Один приходской священник с грустью рассказывал мне, что у него очень маленький приход – всего 100 прихожан. А я ему ответил: „Ты как тот послушник, которому двух старцев было мало: ему нужен был один старец утром, а другой после обеда! Как ты можешь говорить, что 100 человеческих душ – это мало?!!“»

136

«Если человек осознаёт свою ошибку, то это уже половина преуспевания. Великое благо – признавать свою слабость и стараться её исправить. Такой человек находится в лучшем состоянии, чем тот, кто много подвизается, однако слабости свои не признаёт».

137

«Если бы мы непрестанно творили Иисусову молитву и наш ум находился бы в ней, то плотские помыслы не смогли бы сделать нам зла».

138

«Нам не надо говорить, что мы хотим возлюбить Христа, но лучше говорить, что мы не хотим Его расстраивать. Просить в молитве о том, чтобы возлюбить Христа, есть в некотором роде бесстыдство».

139

«Мы легко забываем прочитанное, потому что в чтении не принимает участие наше сердце. Ему ни капельки не больно – поэтому всё тут же вылетает из головы».

140

«Наше сердце должно испытывать боль за каждый сделанный нами грех. В противном случае мы опять легко в него впадём».

141

«Будем молиться о других – и тогда Благий Бог будет посылать нам свою благодать».

142

«Если мы хотим узнать волю Божию по какому-то конкретному вопросу, то надо помолиться и спросить наших отцов».

143

«Добрый помысл в жизни духовной – это всё».

144

«Когда мы подвигаемся, чтобы победить какую-нибудь страсть, а она не уходит, то это значит одно из двух: либо у нас есть эгоизм, либо мы кого-то осуждаем».

145

«Нынешние юноши и девушки похожи на новые двигатели, которые ни разу не заводились и в которых масло от мороза загустело».

146

Одному святогорскому монаху старец посоветовал: «Держись подальше от автомобиля, радио и телефона».

Преподобный Паисий огорчился, когда его фотографировали без спросу

147

О двух простых стареньких монахах, которые не жили в большой аскезе, однако не имели человеческих утешений и связей с людьми мирскими, старец Паисий сказал: «Вот настоящие отшельники».

148

«Каждый старец должен смотреть, кого он постригает в монахи, и упреждать некоторые неприятные вещи. Снисхождение можно оказать одному из десяти. В общежительном монастыре можно оказывать снисхождение двум-трём немощным отцам или братьям со сложным характером. Однако в маленьком братстве снисхождение кому-то оказывать сложно».

149

«Будем молиться как грешники, а не как отцы-созерцатели».

150

«Мы должны научиться жить по райскому типикону, суть которого – непрестанная молитва».

151

«Прежде всего человек должен поисповедоваться своему духовнику, примириться с Богом и духовно привести себя в порядок. И во время молитвы, которую он совершает наедине, ему тоже надо исповедоваться. Это исповедь не священнику, а Богу. Человек молящийся должен смириться пред Богом и сказать:

– Боже мой! Я неблагодарный, грешный, лицемер, я такой-сякой...

А когда он раскается и поисповедует свои грехи Богу, ему надо начинать исправлять все свои страсти и все свои духовные болезни. Тогда нужно говорить:

– Боже мой! В кого я так превращусь?! Если Ты не поможешь мне, то меня не ждёт ничего хорошего!

Если человек будет так говорить Богу, то к нему придёт благодать Божия, он будет чувствовать в себе такую радость, такое утешение, что его сердце не захочет отрываться от молитвы».

152

«Диавол распростёр три щупальца, желая захватить ими весь мир: людей богатых он пытается захватить масонством, бедных – коммунизмом, а людей верующих – экуменизмом».

153

«Мы должны жить духовно, так, чтобы диавол не имел над нами никакой власти».

154

«Настоящая радость рождается от боли. Посредством испытаний усиливается наша вера».

155

«Если человек не возродится духовно, то он годится только для вечной муки».

156

«Когда нам делают замечание, то независимо от того, виноваты мы или нет, мы должны просить прощения. Делая так, мы будем смиряться и исполняться радостью и благодатью».

157

«Сегодня Евангелие отодвигают в сторону, беззаконие делают законным, а грех вводят в моду. Всё готово рассыпаться, но последнее слово будет за Богом».

158

«Когда человек имеет благодать Божию, он ничего не боится, поскольку Сам Христос дал нам власть. Даже если человек выпьет яд, наступит на змею или скорпиона, то они не причинят ему вреда²⁴».

²⁴ См. Мк. 16:18.

159

«Мы не должны путать человеческое средство с Божиим вмешательством. Приведу вам пример. Жил на Провате²⁵ один старец, у которого была сильная плотская брань. Он удручал себя подвигами, но не мог её победить, а в какой-то момент, желая избавиться от этой страсти, схватил камень и сильно ударил себя по голове, чтобы его помиловал Бог. И действительно, Бог, видя его невероятный труд, смиростивился над ним. Но, к сожалению, этот старец сделал вывод, что удар камня по голове освобождает человека от лукавых помыслов. И когда его послушники исповедовались ему в греховных помыслах, старец брал камень и бил их по голове. А поскольку у молодых людей кости черепа не такие жёсткие, как у людей пожилых, то от ударов по голове его послушники становились идиотами. Поэтому мы не должны путать средства, которые используем сами, с милостью Божией».

160

«То, что сильно помогает другим, – это наш пример христианской жизни».

161

«В тот момент, когда человек начинает верить в свою безошибочность, он совершает великую ошибку».

162

«Каждый человек толкует происходящее в соответствии со своим духовным состоянием».

163

«Когда человек ставит себя на место другого, он начинает его действительно любить. А любя своего ближнего по-настоящему, человек очищает свою любовь от самолюбия, научается снисхождению и терпению во всём²⁶».

164

«Когда мы говорим, что ставим себя на место другого человека, чтобы его понять, это не значит, что мы действительно занимаем его место. Разве для того, чтобы понять, как устаёт строитель, обязательно несколько лет проработать на стройке? Если ты сострадаешь человеку, которому больно, который прикован к постели недугом, то ты встанешь на его место. Разве для того, чтобы понять младенца, надо самому стать младенцем? Нет, достаточно подумать о том, как он туго замотан в пелёнки, как он хочет почесаться, пошевелиться, как ему больно, как он плачет и не может ничего сказать. Старому человеку, чтобы понять несчастного младенца, не обязательно ложиться в люльку – да и люлек таких огромных никто не делает».

²⁵ Прова́та – особножительный скит южнее монастыря Каракал.

²⁶ См. 1 Кор. 13:7.

165

«В начале Бог даёт ревность, и мы приходим в монастырь. Затем Он немного умеряет ревность, чтобы мы подвизались смиренно».

166

«Одни говорят, потому что у них от природы есть дар слова. А у других есть дар молчания. Цель каждого в том, чтобы освятить своё собственное призвание».

167

«Монах берёт на себя такие подвиги, тратит столько сил, чтобы отлепить свою душу от мира, – а потом всё равно скучает по миру! Даже борясь с помыслами о выходе в мир, тем самым он думает о мире. Его ум тогда похож на самолёт, который дозаправляют в воздухе, и он не садится на землю. Так вот диавол обводит монахов вокруг пальца: монах проводит свою жизнь в монастыре, а его ум при этом находится в миру».

168

«Когда человек верит в то, что он никчёмный, видит свои немощи и падения, то он чувствует утешение, надежду и уверенность. Тогда человек преуспевает духовно. Если же он лишь болтает о своей никчёмности, то он терзается и отчаивается, его духовное движение неправильное. Чем больше очищаются очи души, тем худшим видит человек своё состояние. Если же духовное зрение расстроено, состояние видится прекрасным. Однако надев духовные очки, человек увидит, что у него всегда есть в чём над собой работать».

169

«Монаху полезно размышлять над своей никчёмностью, если он не склонен впадать в уныние. Духовное сокрушение несёт в себе утешение, а сокрушение диавольское приносит уныние и отчаяние».

170

«Монах никогда не должен оправдывать себя самого, а также не должен принимать помыслы. Сердце такого монаха будет очищаться, а ум – просветляться».

171

«Монахам, живым от природы, очень нужно послушание. Они не должны выходить из пределов послушания, иначе повредятся».

172

«Не оказывая послушания, монах вынуждает своего духовного отца дать ему подзатыльник. Отцу больно, но у него болит не рука, а сердце. То же самое происходит и во взаимоотношениях человека с Богом. Он уже столько претерпел за нас, и сейчас Ему больно так же, как отцу, который бьёт своего ребёнка. Но раз Бог привёл монаха в монастырь, то Он должен и спасти его – пусть и через испытания. Это не очень хороший способ, но Бог вынужден его применять».

173

«Для того чтобы исчезла теплохладность, должна прийти благодать Божия. Однако почему Бог не помогает, ведь я прошу Его о помощи? Он не помогает, потому что я не оказываю послушания, не открываю своего сердца, не очищаю свой внутренний сосуд, но при этом прошу, чтобы Бог налил в него вина. Если Он послушается и нальёт, то вино прокиснет, потому что сосуд грязный. Если Бог и даст мне, неочищенному, духовный дар, то я точно окажусь повреждённым».

174

«Мы должны иметь ревность и прилагать её не к работе, а к духовной жизни».

175

«В прежние времена в одном идиоритмическом монастыре эконоом был очень строг и скуп. Его скупость была такой, что к нему прилипло прозвище „скряга“. И вот, когда „скряга!“ умер, монахи начали открывать сундуки в его келии, искали там золото, однако ничего не нашли. На его погребении погонщики мулов, которые возили монастырский лес, неутешно плакали: оказалось, что „скряга!“ им очень помогал. В соответствии с тем, насколько большая была семья у того или иного рабочего и сколько детей ему надо было кормить, „скряга!“ покупал им мулов – одного, двух или даже трёх».

176

«Католикам неведомо смирение, поэтому к ним не может приблизиться Божественная благодать».

177

«У монаха могут быть врождённые душевные страсти, унаследованные от родителей. Но если он не будет позволять диаволу расковыривать эти страсти, то они останутся мёртвыми, потому что благодать Божия всё побеждает».

178

«Если мы ропщем на наш дом – на монастырь, то потом мы начинаем роптать на Бога».

179

«Для того чтобы умер наш ветхий человек, его надо убить. Ветхий человек должен принять и удары палкой, и оскорбления. Он должен научиться смирению. Надо умертвить эгоизм, гордость, зависть, упрямство, своеволие. Когда ты отсекаешь свою волю, то срубаешь древо своего ветхого человека. Смирение приходит через отсечение своей воли».

180

«В одном строгом общежительном монастыре жил один нерадивый монах. С утра до вечера он только ел, и единственным его послушанием было звонить в колокола. Но некоторые из братии монастыря, сделав свою работу, говорили игумену и всем, что эту работу выполнил тот брат. В конце концов нерадивому брату стало стыдно. Братия были преуспевшими, они совершенно искренне стремились услужить брату и заботились о его покое. Для того чтобы научиться такой любви и при этом не подвергаться опасности повреждения, надо сначала отдать всю свою любовь Богу, чтобы она стала очищенной и обогащённой».

181

«Если ты любишь одного брата меньше, а другого больше, то твоя любовь не божественна».

182

«Монах должен принимать от всех замечания в простоте. Каждому брату монастыря монах должен позволять быть создателем своего нового человека. Монах должен непрестанно иметь свой ум во Христе».

183

«Мир очень сильно отличается от монашества. У мирских язык общий, а поведение у каждого своё. Даже в одной семье отец и мать могут вести себя совсем по-разному. А вот в монастыре и язык у нас общий, и ведём мы себя одинаково. Мы приехали из разных мест, однако у нас одна цель. Мы единомудренны, мы сражаемся одним оружием. Мы должны ощущать себя больше чем братьями, поскольку нас объединяет Христос».

184

«Отсекайте свою волю перед старшим по послушанию так же, как перед старцем. Ведь начальствующий несёт ответственность, с него и спрос за ошибки. Если его не слушаешься, то скоро и старцу начнёшь перечить».

185

«В монашеской жизни нет „правильного!“ и „справедливого“. Правильно то, что приближает нас к цели. Очень часто правильным бывает неправильное. И когда мы не принимаем неправильное слово, то показываем свой младенческий возраст и свой карликовый духовный рост».

186

«Мученичество связано с болью, однако любовь ко Христу сильнее этой боли и её побеждает».

187

«Если монах не может сказать: „Старец правильно сделал, что меня отругал, я сам виноват“, то пусть по крайней мере говорит: „Он меня испытывает“. Совсем плохо будет, если монах насупится и начнёт ныть: „Старец меня не любит!“».

188

«Брат, который, подобно сосуду, наполнен добрым содержимым, добрыми помыслами, не может увлечься злым помыслом. Увлечение злыми помыслами – признак немощной души, удобопреклонной ко страстям. Душа должна признать своё падение и покаяться – и через неделю всё пройдёт».

189

«Типичное мирское отношение к оскорблениям – ударить в ответ. Человек более преуспевший будет держать себя в руках. Бесстрастный же будет радоваться оскорблениям».

190

«Обиженность на весь мир кроет в себе эгоизм, такой человек— неблагодарный. Он брюзжит, раздражается, он самолюбив и упрям. А человек, в котором этого нет, радуется всему».

191

«Самое лучшее надо всегда приносить Богу».

192

«Монах черпает силу от Христа посредством молитвы. А политики думают по-другому, по-мирски, и задаются такими вопросами: „Кто, интересно, нам поможет: Америка или Россия?“»

193

«О человеке, который думает о себе сам, не думает Христос».

194

«Хождение в церкви с места на место, из одной стасидии в другую показывает внутреннее беспокойство человека».

195

«Умиление – это внутреннее духовное изменение во время молитвы. Надо переживать присутствие Божие. Если это происходит, то человека переполняет благодарность, и он всё воспринимает как благословение Божие».

196

«Часто наше самооправдание портит всё, и от нас уходит благодать Божия. Если монах перестаёт оправдывать себя и смиряется, то потом к нему возвращается благодать».

197

«Я долго увещевал одного брата, и он отвечал мне: „Да, но...!“ И вот этим „но!“ он всё разрушал. Это „но“, то есть самооправдание, совсем не имеет в себе соли²⁷, то есть вкуса благодати. Оно всё портит».

198

«Чтобы смотреть на другого как на ангела, надо самому стать ангелом».

199

«Человек, который совершает проступок и принимает замечание, получает пользу и исправляется. Человек, который оправдывает себя, впадает в прелесть».

200

«Будьте очень внимательными при общении с людьми мирскими, потому что сегодня есть люди, которые любую мелочь готовы истолковать неправильно. Помню, мне подарили фонарик-„жучок!“²⁸, который я хранил под подушкой. И вот один человек, случайно заглянув ко мне в келию, потом рассказывал другим: „А у отца Паисия под подушкой пистолет!!“»

²⁷ Здесь на греческом языке игра слов: *ἀλλά* (но) – *αλάτι* (соль).

²⁸ *Фонарик-„жучок“* – фонарь с динамо-машинкой, вырабатывающей электричество при сжимании ладони.

201

«Когда человек доходит до такого состояния, что он с радостью думает своей о смерти, это значит, что умерло его внутреннее „я!“».

202

«В духовной борьбе нет места амбициям. Человек немощный, который не способен крепко подвизаться, может смириться, может оказать своему ближнему любовь, может взять на себя его грех. Если больной принимает свою болезнь со славословием, то он получает большую пользу и смиряется в болезни. У всех нас, в отличие от диавола, есть смягчающие обстоятельства, поскольку все мы, в большей или меньшей степени, испытываем на себе его воздействие. Духовные люди берут на себя ношу другого человека. В этом состоит величайшая любовь, а не в том, чтобы помочь другому на послушании и поднять более тяжёлый груз. Конечно, поднять более тяжёлый груз – это тоже любовь, но в этой любви ты можешь оказаться окраденным гордыней».

203

«Что такое нерадение? То что монах не рад духовной жизни. Он не испытал сладости от духовного делания. Когда душа не расположена к молитве, необходимо понуждать себя, и так постепенно пробуждается вкус к духовному деланию, и душа услаждается. Например, что бы ни ел больной человек – всё кажется ему безвкусным, но он понуждает себя и ест через силу. Вкушая пищу, он постепенно укрепляется, его здоровье улучшается, появляется аппетит, и впоследствии он ощущает, насколько пища вкусна».

204

«Если ты постишься смиренно, то имеешь право на Божественную помощь. Но если сказать: „Пророк Моисей постился сорок дней, а такой-то святой прибавлял к посту и другие подвиги – и я буду подвизаться, как они“, – тогда никакой Божественной помощи ты не получишь. Божественная благодать удаляется от такого человека, и что бы он ни делал – всё это делает лишь человек, побуждаемый эгоизмом. Телесный подвиг помогает, когда он совершается с любочестием».

205

«Читая духовные книги, читайте их понемногу и применяйте прочитанное на деле. Нет смысла читать и читать без конца – это то же самое, что для младенца сосать резиновую соску вместо материнской груди. Не будем читать лишь потому, что это занятие нам нравится, а другие – не очень. Особенно это касается мирских людей. Некоторые из них читают духовные книги часами напролёт и, получая от этого удовольствие, начинают думать, что находятся в некоем духовном состоянии, что они молодцы. Такие люди узнают много полезного, пересказывают это другим, чтобы покрасоваться, и думают, что из себя что-то представляют. Однако если они приходят в монастырь, то не могут там остаться и убегают. В миру они считали себя лучше всех: их хвалили как знатоков духовной жизни (хотя прочитанное они сами никогда и не применяли). А приходя в монастырь, они оказываются на последнем месте, и никто их

не хвалит. Таким духом отличаются западные христиане: они читают, читают, делятся своим мнением по поводу прочитанного, все они дипломированные теологи, их хлебом не корми – дай что-нибудь истолковать».

206

«Общежительный монастырь очень помогает нам увидеть самих себя. Каждый брат для нас – это зеркало. Видя его добродетели (а всем Своим детям Бог дал какую-то добродетель, каждого из нас Он облёк в какие-то добрые качества), ты стараешься ему подражать. Видя недостатки брата, ты вглядываешься в себя и видишь, что такой же недостаток, но в гораздо большей степени, есть и у тебя. Делая так, ты смиряешься и получаешь пользу».

207

«Смиранный человек любое доброе дело, которое он делает, тут же забывает, тогда как любой добрый пустяк, который сделали ему другие, он считает необыкновенно большим делом и испытывает за него благодарность. Он никогда не забывает о сделанной ему доброй мелочи, он чувствует себя должником. Такие смиренные люди действительно есть».

208

«Духовное преуспеяние состоит в том, чтобы монах не помнил за собой ничего доброго. Такой монах достигает чуткости, забывает всё своё доброе и говорит, что ничего хорошего он не сделал».

209

«Мы должны от сердца молиться о других. Одно воздыхание с сердечной болью равно целым часам молитвы».

210

«Будем внимательно относиться к тому, что мы поём в церкви. Наш ум должен быть в словах божественных песнопений, и ни о чём другом он не должен помышлять. Мы должны петь от сердца. Если поёшь от сердца, то как ни спой – всё равно получится хорошо. С благоговением внимайте тому, что вы поёте или читаете в храме. Если вы будете читать и петь с благоговением, то громкое прозвучит сильно благодаря сердцу, а не голосовым связкам, а тихое— смиренно, благоговейно, почтительно, а не сонно».

211

«Служение монахов – это молитва. Разве можем мы, получающие зарплату от Бога, с нерадением относиться к нашей работе – к молитве?»

212

«Когда я был молодым и, что-то читая, не понимал смысла, я делал заметки на полях, спрашивал, и мне это объясняли. Затем я выписывал волнующие меня отрывки из книг в тетрадь. Я старался применить прочитанное на практике. Впоследствии, читая другие книги, я находил места, похожие по смыслу с теми, что я уже выписал, и записывал их рядом. Затем я разделял выписки по темам, чтобы легко находить то, что мне нужно было в конкретный момент. Однажды, когда я захотел что-то дописать, оказалось, что в тетради уже нет места. Тогда я взял новую, большую тетрадь и переписал туда всё с самого начала».

213

«Пока ты юн, ты подвизаешься и совершаешь любочестный подвиг. Тогда ты строг к самому себе и строг к другим. Время идёт. И если ты несёшь тот же самый подвиг – а возможно, и больший, – то становишься более жёстким к самому себе, но более мягким и снисходительным к другим».

214

«Для меня ворочать тяжёлые мешки – это ничего не значащий пустяк по сравнению с тем, чтобы вваливать на свою спину прегрешения другого человека. Мешки ворочать могут и люди мирские, у которых есть эгоизм».

215

«Во время богослужения в церкви новоначальный монах должен в большей степени внимать тому, что поётся и читается, и в меньшей степени творить молитву Иисусову. Пусть сначала выучит устав, запомнит праздники и богослужебные особенности, а потом ему можно больше отдавать себя молитве Иисусовой».

216

«Церковь подобна кораблю: кто-то спит на палубе, кто-то, разинув рот, считает чаек. Корабль продолжает свой путь. Матросы поднимают паруса, борются с волнами. Все они вместе, находясь на корабле, плывут к одной цели. Достаточно быть в церкви. Поэтому будьте внимательны к тому, чтобы всегда быть на богослужениях, и никогда их не пропускайте».

217

«Монахини должны быть очень внимательны, чтобы не скатиться к идиоритмии. В женских монастырях идиоритмия – это „демоноритмия“. Я могу сказать, что женский идиоритмический монастырь в 100 процентах случаев – монастырь „демоноритмический!“».

218

«Что такое монашеское правило? Монашеское правило – это благоприятная возможность попросить у Бога прощения; может быть, последняя. Смотри не упusti, используй эту возможность максимально! В древнейшие времена правило совершалось всеми монахами в храме, но потом отцы решили совершать его по келиям, потому что в храме кто-то плакал, кто-то стонал».

219

«Честной Предтеча проповедовал покаяние и подготавливал людей к тому, чтобы они приняли Христа. Пришёл Христос – мы крестились, а потом перевернули всё с ног на голову. А сейчас Христос вновь приходит во втором крещении – в святой ангельской схиме, чтобы очистить нас, монахов, от грехов. Становясь монахами, мы облакаемся в схиму покаяния».

220

«Монахи, поскольку у них нет тех проблем, которые испытывают люди в миру, спокойны, дремлют и засыпают.

Но расслабляться не в наших интересах. Надо постепенно закручивать собственные гайки, потихоньку ограничивать себя в сне, ограничивать себя в пище; ведь сон и еда идут руку об руку. Многоспание влечёт за собой многоядение, а многоядение нагоняет сон. От еды тучнеет тело, тело хочет сна, а от сна заплывает жиром ум».

221

«Женщинам необходимо немного мужества. Без мужества женщина – самая настоящая размазня».

222

«Монахини по своей женской природе пытливы и сердечны. Однако часто они обращают своё сердце туда, куда не нужно. Им не хватает внимательности. У них словно есть кувшин, и они собираются заполнить его маслом. И вот они тщательно отмывают его, вытирают, сушат, выбирают самое лучшее масло и наполняют им кувшин. Но вместо того, чтобы закрыть горлышко этого кувшина хотя бы дощечкой, они очень красиво накрывают его салфеткой, на которой ещё и вышили цветочки, а потом на эту салфеточку прыгает пара мышей, они проваливаются в масло, и всё масло после этого можно выбросить. Какой смысл тогда был тщательно отмывать кувшин и выбирать самое лучшее масло? Всё: после того, как туда упали мыши, масло остаётся только вылить, и весь твой труд идёт насмарку. Вы не стараетесь обезопасить то доброе, которое имеете».

223

«Если ты переваливаешь ношу на другого, то тебе становится ещё тяжелей. А если берёшь чужую ношу на себя, то тебе становится легче».

224

«Есть люди, которые с ревностью уходят в монастырь, но потом сбиваются с верного направления движения. Это происходит потому, что изначально в этих людях живо их „я“. У них есть ревность, но эта ревность не совсем чистая, к ней подмешивается эгоизм. Предположим, что у такого человека 30 процентов ревности и 70 процентов эгоизма. С течением времени ревность ослабевает, и духовное преуспеяние прекращается. Хорошее топливо закончилось, а на топливе нечистом, с разными примесями, машина не может двигаться вперёд».

225

«Один Христа ради юродивый говорил мне: „Трудно вначале. Вначале, пока не расколется эгоизм, тебе тяжело. Зато потом начинаешь радоваться!“».

226

«Смиренного человека любят все. Смиренного человека забыть невозможно».

227

«Имея гордость, эгоизм, легко повредиться. Это можно понять, даже наблюдая за змеями. Эфу убить легко. Поскольку у неё сильный яд, она не прячется, а поднимает голову, начинает высовывать свой раздвоенный язык и вызывать тебя на бой. Эфа уверена в своей победе, и поэтому тебе легко её опередить. Ты нагибаешься за камнем и разбиваешь ей голову. А другие змеи, не столь ядовитые, уползают, как только видят человека».

228

«Когда друг о друга ударяются два жёстких камня, то высекаются искры. А если один из камней мягок, то насколько бы жёстким ни был другой, искры не будет. Так происходит и с людьми. Смиренный человек мягок и при столкновениях с другими уступает, благодаря чему предотвращается немалый вред».

229

«Представьте себе монаха, отчаявшегося в добром смысле этого слова. Он говорит: „Боже мой, я недостоин. Как я могу молиться о мире?“ – и, сказав это, он не молится о мире, потому что считает себя недостойным о нём молиться. Но если он забудется и у него вдруг непроизвольно вырвется молитва о мире, то такая молитва доходит до Бога во много раз быстрее, чем любая другая».

230

«В прежние времена, если человек допускал оплошность, совершал грех, то ему было стыдно. А сейчас стыд исчез. Людьюми овладевает демон бесчувствия. Он усыпляет нас, а потом

делает с нами всё, что ему вздумается. Поэтому сначала в человеке должна появиться добрая обеспокоенность».

231

«Если мы будем совершать всенощные бдения, земные поклоны, всё, что положено монаху, но в нас не будет монашеского духа, то всё пой дёт насмарку».

«Если человек любит самого себя, то он изолирует себя от Бога. Он строит между собой и Богом непроницаемую стену».

233

«Обычно помыслы приходят извне подобно телеграмме. Только в том случае, когда человек доходит до ужасного состояния, тогда помыслы приходят не от диавола, а их рождает он сам. Он сам, подобно генератору, вырабатывает диавольский ток».

234

«Рассуждение мы приобретаем в самую последнюю очередь. Рассуждение – венец добродетелей, и этот венец Бог даёт подвижающимся в конце их поприща. Нам надо стараться жить в согласии с заповедями Божиими, а Он даст то, что нам необходимо для спасения души».

235

«Необходимо рассуждение: кому можно, а кому нельзя желать „доброго покаяния!“²⁹. Когда ты желаешь „доброго покаяния!“ какому-нибудь „доброму христианину!“ за душой у которого есть несколько добрых дел, то он может посчитать это оскорблением. „Что он на меня несёт? – думает этот человек. – Я что, преступник, раз он мне желает доброго покаяния?“ А на самом деле покаяние необходимо каждому из нас для спасения».

236

«Лучше уж быть транжиром, чем скупцом. Если я буду экономить, то всё равно просчитаюсь. Для того чтобы мне хватало лукама, которым я угощаю посетителей, мне надо было бы разрезать имеющиеся у меня кусочки лукама на более мелкие. Ну, тогда мне бы лукама надолго не хватило. А когда я начал просить посетителей взять ещё по кусочку, то увидел, что лукум не заканчивается. Однако главы семейств должны экономить и не быть расточительными, чтобы помочь своим детям».

237

«Когда человек достигает такого состояния, что он хочет чем-то возгордиться, но не может, – это истинное и совершенное смирение».

²⁹ «Доброго покаяния» – в греческой монашеской традиции одна из принятых форм благопожелания перед постом, перед постригом, после исповеди.

238

«Любовь не утомляет».

239

«Люди становятся похожими на роботов. У них исчезает способность к суждению. Пройдёт немного лет, и способность суждения останется только у тех, кто занимается исследованиями. Прочие будут подобны машинам».

240

«Мы не виноваты в злых помыслах, которые к нам приходят. Мы виноваты, только если их принимаем. Иначе что же получается: они нас беспокоят – а мы ещё и виноваты?»

241

«Бог даёт нам рассудок, чтобы мы возросли до состояния безрассудства».

242

«Я сошёл бы с ума от тех вещей, которые вижу и слышу, если бы не относился ко всему с тем помыслом, что последнее слово остаётся за Богом».

243

«Основание духовной жизни – добрые помыслы».

244

«Когда дети вместе с родителями уходят на Святую Афонскую Гору, то это делает честь и тем и другим».

245

«В румынском скиту жил один послушник-румын. Этот человек никогда не говорил „нет“. Любой насельник монастыря, когда ему нужна была помощь, звал этого брата, и тот шёл, чтобы никому не сказать „нет!“ – так он понимал послушание. Однажды вечером он сел на приступочку возле храма, выбившись из сил. И наступил конец. Он умер. Когда отцы увидели, что он мёртв, они начали говорить:

– Слушай-ка, вот только десять минут назад он помогал мне в саду.

– А я час назад брал его на море вытаскивать сети.

– А совсем недавно этот брат помогал мне в пекарне... Тогда все поняли, отчего умер послушник. Конечно же, послушник пошёл на Небеса, но вопрос в другом: как потом монастырские начальники будут давать ответ Богу?»

246

«Однажды я посетил старенького монаха, жившего по соседству. Раньше я к нему никогда не ходил. Он был очень хороший монах и подвижник. Он сказал мне:

– Я уже старый человек, вот-вот мне умирать, а в жизни я ничего не сделал. Все люди что-то делают в своей жизни. Все они предстанут перед Богом не с пустыми руками. Одному мне нечего будет сказать.

Старец говорил это, а слёзы текли из его глаз.

– Слушай-ка, – сказал я ему, – всё, что мы делаем, мы делаем только для того, чтобы прийти к тому же выводу: что мы ничего не сделали. Сколько бы мы ни совершили подвигов, мы должны прийти к такому итогу – мы ничего из себя не представляем. И если ты вроде как дошёл до этого итога, то зачем тебе всё остальное?

А этот монах был большим подвижником».

247

«Невидимые старцы³⁰, которые живут высоко на Афоне, – это узлы связи, передающие сигнал от земли к Богу».

248

«Один монах идиоритмического монастыря время от времени говорит, что он поехал в Салоники. Но на самом деле он остаётся на Святой Горе, прячется неподалёку в большой заброшенной печи, укрывается парой веток и сидит там двадцать дней, питаясь сухарями и водой».

³⁰ О невидимых старцах см. стр. 191 и далее.

«В одном идиоритмическом монастыре жил монах, который показывал большую ревность в духовной жизни. Старец, видя его стремление к аскезе, дал ему благословение жить в удалённой безмолвной келии, чтобы он мог подвизаться более свободно. Однако он не сумел правильно воспользоваться этой свободой и, не почувствовав от Бога ответа на свою аскезу, очень быстро устал и скатился в полное нерадение. Приходя в монастырь, он листал мирские журналы, оставленные иностранцами в архондарике³¹, и, разглядывая там неприличные фотографии, дошёл до очень сильного плотского разжжения. Днями и ночами он думал о мире и наконец решил снять рясу и оставить монашество. Своему другу в Салониках он написал: „Я раскаялся, что стал монахом. Сейчас хочу вернуться обратно. Я приеду к тебе, найди мне красивую девушку, и я на ней женюсь“. Он всё рассчитал.

Мы с ним были знакомы, и перед отъездом он зашёл ко мне, чтобы попрощаться. Когда я его увидел, то понял, что происходит что-то неладное. Я задал ему несколько вопросов, и он мне всё выложил. Он рассказал, что обращался за помощью к психиатру, что принимает транквилизаторы, и всё равно, будучи не в состоянии справиться со своей страстью, в отчаянии уходит в мир, чтобы жениться, потому что нигде ни от кого не может получить помощи.

– А ну-ка, постой, – сказал я ему. – Вывод-то ты сделал, да вот вывод твой неправильный! В монашеской жизни есть утешение. Просто этого утешения ты не почувствовал.

– Я не собирался становиться монахом, – сказал он мне. – Я пришёл сюда, как в каком-то тумане. И ничего не успев понять, стал монахом, но я не хотел им становиться!

– Ну вот, – ответил я ему, – всё правильно. Разве ты не чувствуешь в этом событии для себя особую честь? Ты не хотел становиться монахом, а Бог тебя избрал и поставил на это место. Все мы перед тем, как стать монахами, об этом думали, мы строили монашеские планы, у нас были мечты о том, как мы пойдём по этому пути. А ты жил своей жизнью, но Бог, увидев твоё сердце, полюбил тебя и привёл в Свой монастырь. Разве ты не чувствуешь особую честь в том, что Бог возлюбил тебя так сильно? Не отчаивайся. Ещё можно всё исправить.

Я говорил с ним очень долго. В конце он начал плакать и раскаиваться в том, что хотел сделать. Он решил начать всё с начала. Я посоветовал ему начать с трёх земных поклонов и 12 чётков в день. Сегодня этот брат совершает 700 земных поклонов в день, как напружиненный, без усталости, и молится часами напролёт. Он чувствует великую радость, когда молится. Он говорит мне:

– Если эта радость – рай, то я хочу жить так, как сейчас, целую вечность.

– Да ты что, с ума сошёл? Разве это рай? У тебя сейчас всё равно что одна песчинка, а ты говоришь, что это райская радость?

Этому брату очень стыдно за то, что произошло. Он иногда приходит ко мне и наводящими вопросами пытается прощупать, не презираю ли я его после того случая. И у него начинают краснеть щёки. Но я делаю вид, что всё забыл, и никогда об этом не напоминаю. Если в монастырь приходит кто-то из наших общих знакомых и начинает смотреть на него чуть пристальнее, чем обычно, он тут же краснеет и опускает голову. Он думает, будто я кому-то его выдал. Сейчас вокруг этого монаха собралось небольшое количество людей, которых он духовно направляет. Он духовно возрос и приносит своей обители большую пользу».

³¹ *Архондарик* – приёмная комната для гостей, а также гостиница для паломников.

250

«Много лет назад в Ивиرون приехал один молодой человек, чтобы стать монахом. Ему было 35 лет. Когда ему было 18 лет, он уехал в Америку и там по юношеской неопытности начал упиваться свободой и деньгами. Он проводил в грехе все ночи напролёт. Сколько денег он ни зарабатывал, всё тратил на женщин. Однако когда ему исполнилось 35 лет, он отчаялся и подумал: „Что я творю? Совсем скотская моя жизнь! Поеду-ка я на Святую Афонскую Гору и стану монахом“. И действительно, он приехал сюда и стал монахом в Иверском монастыре. Поскольку он жил в грехе и устал от греха, он, как это обычно бывает, всеми силами предался аскезе и принёс духовный плод. Он очень крепко подвизался. Бог благословил его, и он пришёл в хорошее духовное устройство.

Однажды иеромонах Афанасий, человек настоящей духовной жизни, решил его испытать: „Ну-ка, посмотрю, может ли измениться его помысл, или он достиг бесстрастия“. Зная, что это искушение пойдёт брату на пользу, отец Афанасий сказал ему:

– Эх, дурень ты дурень, что же ты натворил?!

– А что я натворил?

– Ты хорошо подумал о том, что ты сделал? Вспомни, как ты был в Америке, проводил хорошо время и, бросив всё это, приехал сюда на Святую Гору? Зачем? Ведь здесь только ты ложишься спать – сразу бум-бум, звонят в колокола, и целую ночь надо стоять в церкви на молитве, а там, в Америке, ты бы прекрасно проводил всю ночь в компании красивых девушек! Здесь ты целый день трудишься, а в конце дня тебя ждёт тарелка бобов без масла, тогда как в Америке ты бы и мясца поел, и кружечку пива выпил... Слушай, ты вообще хорошо подумал о том, что сделал?

Сначала брат отвечал, что лучше монашеской жизни ничего нет. Потом он замолчал и, сидя, только глядел на отца Афанасия. А в конце опустил голову и смотрел уже в пол. Отец Афанасий ушёл.

Через пару часов отец Афанасий снова пришёл к нему в келию, посмотреть, что тот делает. И что же он увидел? Брат собирал сумки и готовился уезжать!

– Что ты делаешь? – спросил отец Афанасий.

– Да вот, – с чёрным лицом ответил брат, – я решил вернуться в Америку. Монашество не было моим призванием, и я совершил ошибку, что пришёл в монастырь.

– Ну и балбес! – ответил отец Афанасий. – Я хотел тебе показать, насколько удобоизменчив человек – даже ты после твоих пятнадцати лет монашеской жизни. Всего лишь из-за пары слов ты впал в отчаяние и собираешься в Америку, чтобы отыскать своих старых любовниц! Гляди-ка, покайся в том, что с тобой произошло, горюшко ты моё.

Отец Афанасий утешил его и другими словами, и брат раскаялся, что на какое-то мгновение он отчаялся и захотел уйти из монастыря. Потом всю последующую жизнь он каялся за этот случай».

251

«Давным-давно один монах с Проваты снял рясу, ушёл в мир и женился. Он жил на острове Тасос, долгие годы много работал и смог купить себе шхуну. И вот однажды по торговым делам он на своём корабле пристал к Ватопедскому монастырю и нагрузил корабль древесиной. Когда он отплывал и был между Тасосом и Проватой, поднялся шторм и его корабль потонул. К счастью, он спасся, и с ним спаслись двое его сыновей. Тогда он пришёл в сокрушение, понял причину произошедшего и пришёл к одному духовнику в Эсфигмен. Духовник сказал ему: „Возвращайся в мир, вырасти сначала своих детей, а потом приезжай и поговорим“. У

него было четверо детей: два сына и две маленькие дочки. Потом он вернулся на Афон, и все монахи на Святой Горе называли его „кающийся“. А двое его сыновей – я их тоже знал – ух, это было сущее искушение!»

252

«Был один монах, который стал бесноватым по какой-то причине, целыми днями он не мог успокоиться и бегал туда-сюда. Бесы не оставляли его в покое ни на секунду. „Слушай, может, тебе лучше наложить на себя руки? – говорили ему бесы. – И ты успокоишься, и нам легче будет. Ведь так или иначе, ты уже наш!“ Два раза этот брат хотел броситься в пропасть, но оба раза из Евангелия, которое он носил на груди, исходил огонь и отбрасывал его назад. Но когда он в третий раз захотел броситься в пропасть, к несчастью, ему это удалось, и братия нашли его тело на скалах возле моря».

253

«Отца Порфирия³² я видел два-три раза. Многим он описывал их дом, их село. Другим он открывал, где под землёй скрыта вода, и, когда люди копали, они находили воду. Одному человеку, у которого было три высших образования, он рассказал о всех его проблемах и очень ему помог, тогда как другие духовники не могли этого сделать. Однажды, проходя мимо строительной площадки, на которой работал бульдозер, отец Порфирий сказал: „Будьте внимательны: там в земле скрыт крест, смотрите не сломайте его!“».

254

Когда отцу Ефрему Катунакскому³³ предлагали стать игуменом в Лавре, отец Паисий сказал одному человеку: «Отец Ефрем – это, действительно, великое духовное богатство, это человек невероятной духовной величины на Святой Афонской Горе. Целыми днями он занят духовным и приносит пользу многим людям. Я боюсь, что если он станет игуменом, то от постоянных дел и попечений он много потеряет. Однако я не говорю это другим, потому что люди поймут меня неправильно».

Но потом через одного их общего знакомого старец Паисий передал отцу Ефрему следующее:

– Скажи отцу Ефрему, что нет воли Божией на то, чтобы он становился игуменом.

А отец Ефрем, услышав это, ответил:

– Передайте от меня благодарность старцу Паисию. Я и сам знаю, что нет воли Божией на то, чтобы я стал игуменом.

255

«В Филофее³⁴ жил один монах родом с Крита. Когда он был мирянином, то заживо сжёг одного турка в печи. Потом он стал монахом, жил высокой духовной жизнью, постоянно просил

³² Преподобный Порфирий Кавсокаливий (1906–1991) начал и закончил свою монашескую жизнь на Афоне. Долгие годы был духовником в Афинах. Даром прозорливости, молитвы и любви помог очень многим людям. Канонизирован в Греции в 2013 году. См. о нём: Новый Афонский патерик. Т. 2. М.: Орфограф, 2015. С. 195–203.

³³ Старец Ефрем Катунакский (1912–1998) провёл 65 лет строгой подвижнической жизни на Святой Горе, был духовным преемником старца Иосифа Исихаста, учителем послушания и молитвы. См. Новый Афонский патерик. Т. 2. С. 98–122.

³⁴ Преподобный Паисий вначале как послушник, а позднее как рясофорный инок какое-то время жил в монастыре Фило-

прощения у Бога и часто молился о том, чтобы Господь сподобил его сгореть. Его грех был прощён, но по духовному благородству он просил у Бога смерти от огня, и Бог исполнил его молитвы.

Однажды мы в монастыре увидели дым. Побежали миряне, побежал и я за вёдрами, потому что я тогда нёс послушание кладовщика. По всей вероятности, несчастный сидел возле открытого очага, и уголь от каштановых дров вылетел из очага и попал на его одежду, и она загорелась. Потушить огонь он не смог. Он пытался выбраться из помещения, но задохнулся от дыма. Он, бедный, обуглился как ягнёнок. Этот монах постоянно просил у Бога такой смерти, и Бог услышал его молитву и исполнил его просьбу».

256

«Тело старца одной келии долго не разлагалось в могиле³⁵, поскольку вместо богослужения этот старец посылал своих монахов ловить рыбу».

257

«Я участвовал в извлечении из могилы останков одного румынского старца. Собираясь поднять его главу, я увидел, что плоть старца не истлела. Я пригласил ещё одного старца, и мы решили похоронить тело рядом в новой могиле. Мы пытались понять, в чём причина того, что тело не разложилось. И вот, разбирая книги в келии почившего старца, мы нашли одну книгу из библиотеки скита Честного Предтечи, на которой было написано, что кара постигнет того, кто эту книгу возьмёт себе. Я вернул книгу в монастырскую библиотеку, и вскоре тело старца истлело».

258

«Не оправдывая себя, ты принимаешь радость всей вселенной. А если ты хочешь себя оправдать, то покоя не находишь».

259

«Как мы будем учить монахов удалению от мира, когда сами мы поддерживаем связь с родственниками в миру? Только словами?»

260

«Однажды ночью, когда я жил в монастыре Стѣмион, ко мне пришли бесы и сняли крышу над моей келией. В какой-то момент я увидел над собой небо».

фѣй.

³⁵ По святогорской традиции останки усопшего монаха через три года после кончины достают из могилы и складывают кости и череп в усыпальнице. Если плоть монаха не истлела, это считается признаком его небогоугодной жизни.

261

«Иконописцы должны иметь некоторую свободу, а не бояться нарушить какой-то иконописный канон. Двух одинаковых святых не бывает. Не надо делать иконы похожими на куклы, но надо писать каждого святого с особой выразительностью».

262

«Когда мы молимся святым, необходима простота. Будем разговаривать с ними как дети. Ведь святых зовёшь – и они приходят».

263

«Лучше монаху один раз раскаяться в том, что он в миру получил диплом о высшем образовании, чем сто раз потом раскаиваться в том, что он его не получил».

264

«Посещая какого-то старца – в том числе и меня, – время от времени взвешивайте, получаете ли вы пользу от общения с ним. Если да, то продолжайте его посещать, а если нет, то прекратите».

265

«Даже духовно преуспевшие люди получают пользу, когда отсекают свою волю».

266

«Адская мука – это быть вдали от Бога. Мука для ребёнка— находиться вдали от своей матери».

267

«Как я понял, духовная жизнь – дело совсем не сложное».

268

«Прежние монахи отличались простотой. А монахи нынешние отличаются рационализмом и не верят в чудеса так, как верили в них раньше».

269

«Один мирской человек заявил мне:
– Вы, монахи, и детей не рожаете, и вообще, от вас никакой пользы.

– Благословенная душа, – ответил я ему, – ну, вот сколько ты можешь родить детей? Десять? Предположим, двадцать. Предположим совсем невероятное – тридцать. А монах своей молитвой может родить и 500, и 5000 детей. А кроме этого, он ещё и молится о тех детях, которых родил ты, и о том, чтобы могли родить детей бесплодные пары. Такие чудеса совершал, например, святой Арсений Каппадокийский»³⁶.

270

«Большинство людей настолько поглощены земным, что они совсем не чувствуют любовь Божию».

271

«Должно быть осознание собственной немощи. Признание немощи восполняет строгую аскезу. Человек, который не может подвизаться, признаётся в этом Христу:

– Я должен Тебе, прости меня. Я не могу совершать такие подвиги.

– Ничего страшного, не расстраивайся, – отвечает ему Христос».

272

«Святые отцы говорят, чтобы мы не придавали значения снам. Не принимая сон, который действительно от Бога, мы не лишаем себя возможности услышать то, что Бог хочет нам сказать. Наоборот, такое наше поведение умилило Бога, и Он, желая нашей пользы, откроет нам Свою волю не через сон, а по-другому».

273

«Если человек увлечётся еретическим учением, но у него есть доброе расположение, то он не найдёт там покоя. Однако достоин плача тот, кто уходит в ересь от эгоизма и пребывает в прелести».

274

«Коммунизм хотел сделать всех людей одинаковыми. Это великая несправедливость и неравенство, поскольку все люди разные: один выше и тучнее, и такому требуется пищи больше, чем низенькому и худенькому человеку».

275

«Человек должен отдавать любовь Богу и своему ближнему. А любовь, оставшуюся после этого, распределять на всё прочее творение. А разного рода экологи, защитники животных, по всей видимости, руководствуются только той малой частью любви, которая остаётся от любви христиан к Богу и человеку. Поэтому они любят только создания Божии, а не Самого Бога и не Его образ – человека».

³⁶ Преподобный Арсений Каппадокийский († 1924) благословлял какую-нибудь верёвочку и давал бесплодной женщине ею подпоясаться, и вскоре бесплодие разрешалось. Исцеления происходят и ныне через пояски, приложенные к его мощам.

276

«Мужество состоит в том, чтобы иметь в себе отвагу. Все великие люди, герои имели огромное сердце и отвагу. Мужество – в том, чтобы всецело с доверием предавать себя Богу. Если кто-то скажет тебе жёсткое слово – ничего страшного, подумай: „А я сколько раз согрешил?“ Отвага – в том, чтобы принимать всякое слово, которое тебе говорят. Человек, у которого есть мужество, отличается и любовью, и Бог учитывает это. Мужество – это синоним не наглости, но великодушия. Великодушия, а не жалкого нытья из-за горькой доли».

277

«Если у человека отважная душа, то за что бы он ни взялся, он преуспеет. Если он пойдёт в военные, то со временем станет великим полководцем. Если женится, то станет очень хорошим главой семьи. Если пойдёт в бандиты, то станет главой мафии. А если будет жить духовно, то станет святым».

278

«Когда человек молится от сердца, то сначала он чувствует потепление в области сердца, а впоследствии это тепло разливается по всему телу».

279

«Византийские императоры принесли большую жертву Богу и людям, что построили столько монастырей. Они делали это потому, что в те времена в монастырях люди находили не только духовную, но и материальную пищу».

280

«Бог хочет прежде всего, чтобы мы были внутренне радостны и утешены. Бог – не тиран, чтобы давить на нас. Он оставляет нас свободными».

281

«Давайте вообще не будем поминать имя дьявола. Одному старцу было 100 лет, и когда он почувствовал, как по его телу прыгнула блоха, он сказал: „Вот нечистый!!“ А дьявол тут же спросил его: „Что вам угодно?“ Старец просто остолбенел».

282

«По моему мнению, основное из многих отличий, которые есть между нами и католиками, – это их рационализм».

283

«Монаху не годится с лёгкостью переходить из одного монастыря в другой из-за искушений. Сначала надо использовать все запасы своего терпения до последней капли».

284

«Диавол – большой искусник. Каждого человека он пытается уловить чем-то особенным. Следите за помыслами – это важнее всего».

285

«Рукоделие сатаны – непрестанно подкидывать нам злые помыслы».

286

«Удовольствия я должен сторониться и не создавать его для себя. Еды – сколько потребно по немощи, сна – даже и семь часов можно. Но общий принцип таков: не делать комфорт правилом. В одних случаях у меня больше сил, и я могу больше подвизаться, а в других – меня обуревают искушения, и я могу немного уступить».

287

«Мозги у нас есть. Теперь нам необходим ум».

288

«Вначале над человеком главенствуют злые помыслы, но постепенно у него добрых помыслов становится больше, а злых – меньше. Но и добрые помыслы не возникают сами по себе без человеческих усилий. Хорошая почва для прихода благодати – это опустошение ума от помыслов. Конечно, я не имею в виду опустошение, происходящее от транквилизаторов, которые делают человека больным и естественную силу его ума – инертной».

289

«Когда творишь молитву Иисусову, не думай ни о чём и не принимай никакого помысла: ни злого, ни доброго. Также не старайся смирать себя якобы добрыми помыслами и смотри, чтобы твой ум не уходил в якобы душеполезные образы. Тебе надо быть только внимательным и чувствовать слова молитвы Иисусовой».

290

«То, что действительно нужно, – это просвещение от Бога и личный духовный опыт».

291

«Задача в том, чтобы человек становился праведным по своей доброй воле. Не имеет значения, кем ты станешь – фонарём на городской улице или маяком на скалистом берегу океана. Суть в том, чтобы светить».

292

«Чтобы преуспеть, надо всегда находить другим смягчающие обстоятельства. Надо находить смягчающие обстоятельства даже диаволу, но только самого себя нельзя оправдывать, нельзя перелгать на других ответственность».

293

«Когда человек разговаривает со мной, я его никогда не перебиваю, кроме двух случаев: если он говорит богохульные вещи или несёт ахинею».

294

«Если хочешь привести в негодность духовного монаха, дай ему административное послушание».

295

Одному министру старец посоветовал: «Не давайте денег Святой Горе, потому что монахи оставят своё правило и станут прорабами».

296

Один католический монах был принят в Православную Церковь через Крещение, а после этого вздумал жениться. Старец не одобрил его решение, сказав: «Ты ведь давал обет девства не Будде, не Магомету, а Христу. Как же ты можешь сейчас жениться?»

297

Когда старец Паисий ушёл из келии Честного Креста и искал место для безмолвия, один из его учеников предложил: – Геронда, давайте Вы возьмёте своих ближайших учеников, и все мы поселимся в таком-то полузаброшенном скиту.

– Нет, – ответил старец Паисий. – Даже если у одного из нашего братства появится гордый помысл о том, что мы якобы самые духовные монахи на Святой Горе, то всё – диавол нас разрушил.

298

«Останки одного старца на Провате, когда их достали через три года, были воскового цвета и благоухали. Его послушник, присутствовавший при этом, в сокрушении сказал: „Это

я его освятил. Когда он меня посылал на разные послушания, я ему говорил: «Сам иди!» Я совсем не слушался его, часто мог поднять на него руку, но старец терпел всё!“».

299

«Как-то раз два подвижника-келиота пришли в Иверский монастырь на престольный праздник. После многочасового всенощного бдения на трапезе были предложены рыба и фасоль, потому что престольный праздник выпал на постный день. Один из этих двух подвижников сказал: „Поем рыбы в честь Пресвятой Богородицы“. А другой сказал: „Поем фасоли в честь Пресвятой Богородицы“. После трапезы они взяли свои монашеские сумки и пошли по домам, молча размышляя, кто из них более угодил Пресвятой Богородице. По дороге они устали и присели отдохнуть. Евший фасоль уснул и увидел, как Пресвятая Богородица обращается к тому монаху, который ел рыбу: „Благодарю тебя“. А ему самому говорит: „А тебе Я должница“, поскольку, очевидно, этот монах принёс некую жертву».

300

В кутлумушском скиту в прежние времена я был знаком с отцами, которые находились в высоком духовном устроении. Я не знал отцов такой высоты даже на противоположной стороне Святой Афонской Горы³⁷.

301

Одному монаху, который хотел, подражая древним, не мыть своё тело, старец сказал: «Отцы, которые не мылись, жили в пустыне одни. Кроме того, они строго постились, и поэтому плохо не пахли. А ты живёшь не один, и к тому же вкусно кушаешь. Почему люди, которые находятся возле тебя, должны терпеть запах твоего пота?»

302

Старец говорил о братствах, которые пришли в идиоритмические монастыри на Святой Горе и сделали их общежительными: «Нам надо помочь отцам идиоритмических монастырей своей иноческой жизнью, чтобы они следовали правильным монашеским путём. Если мы будем помогать им только реставрацией зданий и своей внешней активностью, то мы им ничем не поможем».

303

Одному послушнику, который был невнимателен и допускал сосложения³⁸ с плотскими помыслами, старец Паисий сказал, что он не годится в монахи, и отправил его в мир, чтобы тот женился.

³⁷ Относительно келии старца Паисия на противоположной стороне Святой Горы находятся Каруля и Катунки — самые аскетические места Афона, где подвижники живут без утешений, в скалах. Считалось, что там подвизаются наиболее духовные отцы.

³⁸ *Сосложение* (греч. σπυκατάθεσις) с помыслом — замедление в появившихся греховных образах и мечтаниях, которое является внутренней уступкой греху и требует уврачевания покаянием. См.: *Марк Подвижник, прп.* 200 глав о духовном законе. Главы 139–142; и Добротолюбие (в русском переводе). Том 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 532.

304

В ставроникитской келии Святой Троицы жил один добродетельный святой духовник. Как-то два брата позвали его в одну келию в Кариес, чтобы он поисповедовал там монаха, который находился при последнем издыхании. Духовник сказал им идти и пообещал тоже скоро быть. Когда два брата дошли до келии монаха, находящегося при смерти, они увидели там духовника и изумились³⁹».

305

«Старец должен иметь духовный опыт. Если у него нет опыта, он ставит опыты на себе самом. А если у него есть послушники, то ставит опыты ещё и на них. Святые отцы сами испытали на себе разного рода духовные лекарства и от своего опыта приготовили нам целую духовную аптеку».

306

«Тайную гордыню распознать сложно. Но вот один из её признаков: у человека отсутствует внутренний покой.

Когда психически больной человек гордится и этого не скрывает, то Бог даёт ему утешение и радость, а у тайно гордящегося нет ни внутреннего покоя, ни утешения. После того, как будет поставлен верный духовный диагноз, такой человек должен не принимать похвалы и отвергать любой возносящийся помысл о себе самом. Если ты примешь похвалу о добродетели, которая у тебя есть, то это полгреха. Если ты примешь похвалу о добродетели, которой у тебя нет, то на тебе – полтора греха. Всё доброе, что есть у человека, это не его собственность. Всё доброе – от Бога. Человек может убаюкать свой помысл. Но свою совесть убаюкать невозможно, – конечно, если она не ожесточилась».

307

«Спутником любой аскезы должно быть внутреннее духовное делание, и она должна совершаться ради любви ко Христу».

308

«Монаху, даже если он прав, негоже себя оправдывать. Самооправдание делает душу человека прибежищем бесов».

³⁹ Речь идёт о добродетельном русском духовнике Арсении. Устное предание, которое пересказал старец, подтверждается в книге иеромонаха Антония «Βίοι Αθωνιτών του ιθ' αιώνος» (русский перевод: «Жизнеописание афонских подвижников благочестия XIX века». Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013. С. 42–43). – *Прим. греч. изд.*

309

Посмотри, как древние отцы сильно подвизались. Ведь пройти святую Четыредесятницу в те времена было делом нелёгким, поэтому преподобный Феодор Студит и говорит: «Преполовйше⁴⁰ Четыредесятницу, давайте наберёмся ещё мужества для её окончания»⁴¹.

310

«Когда диавол беседует с душой, он распознаёт её помыслы и ответы. Поэтому может казаться, что иногда он отвечает и противоречит тебе. Однако диавол не может распознать добрые помыслы, которые мы включаем в работу».

311

Одному паломнику который посетил старца в монастыре Стомион, отец Паисий рассказал, что иногда, собираясь совершить молебный канон Пресвятой Богородице, перед этим читает несколько тропарей из Великого покаянного канона, который старец красивым почерком переписал себе в блокнот. Он делал это потому, что чувствовал себя недостойным даже помолиться Пресвятой Богородице.

312

«Когда ты встречаешься со змеей, то она сначала разглядывает тебя и пытается понять, что ты за человек. Если она понимает, что на тебе почивает благодать Святого Духа, то ползает к тебе, чувствует тебя своим хозяином, облизывает тебя, поклоняется тебе, потому что это создание тоже чувствует благодать Святого Духа. Все звери это чувствуют. Однако если на тебе нет благодати Духа Святого, то змея пугается тебя и быстро уползает».

313

«Святую Афонскую Гору ждёт расцвет. На ней появятся подвижники, которые достигнут высокого духовного устроения. Общежительные монастыри заполнятся хорошими монахами. Материал, который есть сейчас⁴², очень хорош. И в следующем поколении, которое придёт, тоже будет хороший материал. Однако потом придут другие, израненные миром. В миру они испробуют всё, что можно, но нигде не найдут утешения и покоя, и тогда придут в монашество. Однако и эти люди, если захотят, тоже смогут преуспеть».

«Нам надо совершать молитву Иисусову, и пусть себе пёс лает (то есть пусть диавол приносит нам помыслы). Рано или поздно он нас оставит, решив: „Ну нет, я не буду помогать ему становиться святым!“».

⁴⁰ В греческом языке «преполовить» (ὑπερμεεῖν) имеет значение «достигнуть половины с трудом и усилием, преодолеть половину».

⁴¹ См.: *Феодор Студит, прп.* Творения. В 3 т. Т. 1. Великое оглашение. Ч. I. Оглашение 69. М.: Сибирская благовонница, 2010. С. 392–393.

⁴² Произнесено в 1978 году.

317

«Монаху надо научиться не университетскому, но опытному богословию».

318

«Человек просит Бога открыть ему глаза, чтобы духовно видеть, но, как только он начинает видеть одним глазом, тут же принимается уничтожать других людей, которые не видят. Как тут Богу поступать? Если человек слеп, он не может этого вытерпеть. А если начинает хоть немного видеть, сразу же начинает мучить других».

319

«Давным-давно на Святую Гору приехал из Афин один юноша для того, чтобы стать монахом. Любовь к родителям не давала ему покоя. Он вернулся в родительский дом. Оттуда сильно горящее стремление к монашеской жизни вновь возвратило его на Афон. Это повторялось много раз, и он ездил то туда, то обратно. Наконец юноша решил: если помысл будет внушать ему снова вернуться в родительский дом, то он пойдёт туда пешком. И действительно, он пешком пошёл со Святой Горы в Афины⁴³. Потом ему вновь захотелось вернуться на Святую Гору и он пошёл на Афон опять пешком. Благой Бог, видя его труд, помог ему: в конце концов он остался на Святой Горе монахом и преуспел».

320

«В прежние времена недоброго было мало. Один монах был лучше другого. Нерадивые встречались редко. Если и попадался какой-нибудь нерадивый монах, то другие тянули его за собой. А сейчас монахи не могут отличить мирское от монашеского. В прежние времена добро было добром. Тогда духовному преуспеянию способствовал общий царивший дух. Сегодня ты хочешь помочь брату, но тебе сложно это сделать, потому что всё перепуталось. В наши времена необходима большая рассудительность».

321

«Случаев, когда Сам Бог, желая прославить Своё Имя, изменяет порядок вещей и законы естества, – немного. Например, евангельский случай со слепым от рождения. Но обычно действуют духовные законы, и человек сам виноват в том, что уходит благодать Божия. Например, ты сидишь в холодном ущелье на берегу ручья и считаешь ворон. Потом простужаешься и начинаешь молиться: „Господи, исцели меня!“ Однако если ты пришёл в это ущелье, не подозревая о том, что можешь заболеть, то Бог тебе поможет».

322

«Если кто-то поёт церковные песнопения, то даже тот, кто не знает византийскую музыку, слушая его, может понять, поёт он для Бога или ради людей».

⁴³ Расстояние примерно 700 км.

323

«Ничто не может произойти, если это не попустит Бог. Даже диавол, чтобы войти в свиней, попросил на это разрешения у Бога. Диавол не имеет над человеком власти, когда человек сам не даёт ему прав над собой. Человека, который не даёт ему прав над собой, диавол боится. Когда бесноватый видит такого человека, его это беспокоит. Необходимо смирение».

324

«Если у человека есть смирение, то он не раздражает гордеца. Эгоистов раздражают эгоисты, а от смиренного человека эгоисты получают пользу, потому что смиренный человек имеет благодать».

325

«Смиренного человека выдаёт благодать Божия, и его любят. Для того чтобы пришла благодать, должны уйти эгоизм, гордыня, зависть, тщеславие. Для того чтобы они ушли, необходимо смириться. А для того чтобы смириться, необходимо оказывать послушание, отсекав свою волю».

326

«Не надо оправдываться. Виноваты мы или не виноваты, будем просить прощения. Делая так, мы смиряемся и получаем благодать Божию. Если нас обвиняют неправильно, то давайте терпеть несправедливое обвинение с радостью. Если мы будем так делать, то Бог может простить нам какой-нибудь грех. А что? Вот когда мы были в миру, разве мы не огорчали наших родителей, наших братьев и сестёр, других людей? Как будут изглажены эти грехи? Думаете, одной только исповедью и разрешительной молитвой?»

327

«В Святом Крещении Бог изглаживает вину первородного греха, однако оставляет его последствия – наследственные страсти – для того, чтобы в этой жизни нам было над чем работать».

328

«Лишние оправдания – лишние недопонимания. Лучше поспешим облегчить труды нашего брата и будем ждать воздаяния не в сей жизни, но в жизни будущей. Сейчас господствует мирской дух. Не будем опираться на чувство собственного достоинства, не будем бояться несправедливых обид, не будем стремиться, чтобы признали наши заслуги. Разве такие обеты давали мы при постриге?»

329

«Когда диавол воздвигает на тебя брань, это значит, что ты тоже воюешь. А если диавол не ведёт против тебя брани, это значит, что ты заключаешь с ним перемирие».

330

«Ощущай свою обитель своим домом, своей семьёй и послушание своё носи от сердца. Не делай различий между временем, которое ты проводишь у себя в келии, и временем, которое ты проводишь, служа братии».

331

«Гордыня и самость омрачают ум и внушают нам перекладывать ответственность на других. У человека гордого – сплошь самооправдание, тогда как человек смиренный оправдывает других и осуждает самого себя».

332

«Один монах, живший в скиту, в Прощёное воскресенье говорил своим соседям:

– Ну что, пойду я, заработаю в Ватопеде денег.

– Вот непутёвый! – говорили монахи. – Все люди в эти святые дни закрываются у себя в келиях, а он... В самом начале святой Четыредесятницы идёт зарабатывать деньги в Ватопед!

Этот монах шёл в Ватопед и работал там первую седмицу. Потом он говорил:

– Ну что, пойду я, поработаю в Хиландаре и заработаю ещё денег.

Он набивал свою монашескую сумку сухарями и вместо Хиландара шёл на вершину Афона. После Пасхи он возвращался к себе в скит. Все насельники скита считали его сумасшедшим, однако этот монах был „на заработках!“ у Самого Христа».

333

Однажды старец Паисий встретил молодого монаха и увидел в нём некие тревожные признаки. Старец рассказывал: «Мне стало жаль этого беднягу. Он совсем не имел на себе Божественной благодати». Потом этот монах снял рясу и вернулся в мир.

334

Старцу Паисию рассказали об одном иеромонахе, который отчитывал бесноватых. Этот иеромонах создал свою собственную «церковь», одно из ответвлений старостильников⁴⁴. Старец сказал: «Пусть сначала изгонит тех бесов, которые сидят в нём самом».

⁴⁴ Старостильники откололись от Элладской Православной Церкви, не признав её переход на новый календарный стиль в 1924 году.

335

«Люди, которые никогда не болели, впадают в панику, если с ними что-то случается и они испытывают боль».

336

Об одном человеке старец сказал: «Не превозносите его, не раздувайте его своими похвалами. Он и так еле на ногах стоит».

Преподобный принимает паломников возле кельи Панагуда

337

Однажды старца Паисия посетил один послушник со своим отцом. Отец был разъярён, он пытался помешать своему сыну стать монахом. Старец побеседовал с отцом и сказал ему: «Ах, если бы вы знали, какую честь оказал вам Бог, посватав у вас сына! Вся ваша родня собралась бы и устроила самую настоящую свадьбу!» Старец сказал отцу и другие вещи, и отец ушёл от него радостный; он дал своему сыну благословение стать монахом, что и произошло впоследствии.

338

«Старайтесь иметь между собой любовь, иначе киновийный монастырь превратите в кинологический питомник».

339

«Бог не исцеляет больных людей, чтобы они не потеряли своей mzды. Отец не даёт сразу всё своё имущество детям, чтобы они его не растратили. Так и Бог оставляет что-то для будущей жизни».

340

«Монах время от времени должен перечитывать последование пострига во святую схиму, чтобы не забывать об обетах, которые он дал в день своего пострига».

341

«Когда человек смиряется перед другим, то сам он возвышается, духовно возносится. Однако бывает и такое: человек смиряется перед другим, а тот смиряет его ещё больше».

342

«Если ты живёшь один в келии и оставляешь кого-то на ночлег, то весь твой распорядок дня идёт насмарку. Если у тебя остаётся человек, то его нужно занимать разговором, с ним нужно сидеть. Тогда как в монастыре он легко может переночевать в архондарике».

343

«Свеча – это антенна⁴⁵, которая помогает нам вступить в контакт с Богом».

344

«Святой Иоанн Златоуст, когда ложился спать, зажигал большую свечу и прилеплял её к куску жести. В определённом месте он втыкал в свечу гвоздь. Когда огонь достигал гвоздя, то гвоздь падал на кусок жести, и от этого звука святой Иоанн Златоуст просыпался».

345

В каливе Честного Креста перед входом в келию был покрытый кровельной жестью навес. Он стоял на двух подпорках. Одна из этих подпорок была прямо на дороге и мешала входить в келию. Кто-то посоветовал старцу перенести эту подпорку в сторону. И старец, для того чтобы научить того человека уважению к традиции, ответил: «На этом месте подпорку поставил мой старец. Что я буду сейчас её переносить на другое место?»

346

«В Эсфигмен пришёл один человек, чтобы стать монахом. В годы оккупации своими руками он отправил мать на виселицу. Отцы по человеколюбию оставили его у себя. Этот несчастный был одержим бесом и часто начинал блехать, бодаться и вести себя как животное. И словно этого ему не хватало, он хотел изображать из себя Христа ради юродивого. Однажды он взял гнилую дыню и начал есть её перед паломниками.

– Зачем ты это делаешь? – спрашивали его.

– Потому что я Христа ради юродивый».

⁴⁵ Игра слов: κερι (свеча) – κεραία (антенна).

«Когда нас обуревают искушения, будем принимать их с радостью, потому что благодаря им нас посещает благодать Божия. Сколько бы искушений на нас ни обрушилось, если мы находимся вблизи Христа, то в нашем сердце будет сладко, потому что Господь – наша сладость».

347

«Послушание – это надёжная дорога, которая ведёт к свободе и к смирению».

348

«Будем всегда оправдывать других, включая в работу добрые помыслы о них. А обвинять будем только самих себя».

349

«Когда нас обуревают искушения, будем принимать их с радостью, потому что благодаря им нас посещает благодать Божия. Сколько бы искушений на нас ни обрушилось, если мы находимся вблизи Христа, то в нашем сердце будет сладко, потому что Господь – наша сладость».

350

Один выпускник медицинского института хотел стать монахом, но колебался, стоит ли ему это делать. Юноша думал о том, что, работая врачом в миру, он сможет помочь многим людям. Он спросил старца Паисия, и тот ответил: «В миру есть много врачей – добрых христиан, которые совершают эту миссию. Если ты хочешь посвятить себя Христу то оставь мирским то, что они могут делать и без тебя. Если хочешь что-то сделать в своей жизни, делай это правильно».

351

Одному юноше, который хотел стать монахом, однако пытался отнестись к своему выбору рационально и постоянно приводил себе доводы «за» и «против», старец сказал: «Чтобы стать монахом, надо, чтобы какой-нибудь винтик в голове был немного раскручен. Люди „абсолютно разумные“, рационалисты, монахами стать не могут».

352

«Если Бог хочет кого-то привлечь к Себе, то Он угощает его шоколадкой, чтобы подсластить его выбор. Вкусив эту шоколадку, душа сходит с ума от радости и идёт к Богу. Как только Бог соединяет душу с Собой посредством Своего святого страха, тогда Он долгое время не даёт ей никакого утешения. Однако всё это время Бог готовит этой душе целую шоколадную фабрику».

353

«Если у нас есть смирение, то будет и молитва Иисусова. Только не по привычке надо тянуть чётки, не формально. Один монах, ловя рыбу, про себя повторял молитву Иисусову.

Однако когда рыба съедала у него наживку или срывалась с крючка, то он и к лешему её мог послать, и „чтоб ты сдохла!“ сказать».

354

Юношам, стремившимся к монашеству, старец говорил: «А ещё запомните, что монахами вы станете не только для того, чтобы спасти свои души, но и ради каждого вашего ближнего».

355

«Чтение Ветхого Завета человеку с чистой душой очень помогает, а человеку, у которого нет чистоты, вредит. Многие места в Ветхом Завете на современный язык переведены неправильно. К примеру, когда говорится, что Бог *раскаялся*, имеется в виду не то, что Бог *покаялся*, а что Он пожалел Своё создание⁴⁶».

356

«В прежние времена люди восходили к ведению, начиная с простоты. А сегодня люди получают внешнее образование и своё знание используют не там, где нужно. Они пытаются впихнуть логику туда, куда она не влезает. В конечном итоге они терпят неудачу и впадают в ещё большее неведение и прелесть».

357

«Человек, у которого нет терпения, вредит сам себе».

358

«Если ты идёшь помочь беззащитному сироте, то делаешь это не для того, чтобы продать или дать взаймы свою любовь, а идёшь просто потому, что ты движим любовью и болью души. Задача в том, чтобы чужая боль стала твоей собственной болью. А молитва, чтобы принести плоды и достичь высот, должна быть сердечной. В противном случае ничего не выйдет».

359

«Праведные, жившие до Христа, в аду совсем не испытывали мук».

360

«Если бы были хорошие духовники, то не было бы психиатров».

⁴⁶ См. напр.: 2 Цар. 24:16, Пс. 105:45.

361

«Обвинения от людей мы должны принимать с радостью, поскольку они идут нам на пользу, тогда как похвалы делают нас должниками».

362

«Станем делателями. Всё, что с нами происходит, будем говорить старцу и с просто-той принимать его советы, чтобы тангалашки⁴⁷ с помощью помыслов не жарили нас на сковороде».

363

Юноше, стремившемуся к монашеству, старец сказал: «Я не могу постричь тебя в монахи из-за твоего бесовского смеха и равнодушия. В церкви я не могу засмеяться, что бы ни вытворял и как бы меня ни смешил другой человек, я могу только плакать о своих грехах. Смех в церкви – это бесовское воздействие. Не надо считать это пустяком. Необходимо внимание и борьба».

364

«Бог не хочет, чтобы у нас были волнение и тревога. Однако, с другой стороны, мы не должны и дремать. В нас должно присутствовать святое беспокойство. Если мы дремлем, спим, то враги нашего спасения используют нас в своих тёмных делах. Например, они могут подсунуть нам тяжеленный мешок и наврать, что в этом мешке находятся строительные материалы, которые нам надо поднять на гору, чтобы отреставрировать там церковь. Однако в этом мешке, который мы по невниманию потащим в гору на своих плечах, может быть динамит, или в нём может сидеть даже сам диавол».

365

Когда старец жил в монастыре Стомион, он рассказывал одному человеку: «Вчера ночью я стоял в храме перед Царскими вратами и молился. Внезапно передо мной появился страшный, похожий на льва зверь и начал глумиться надо мной, высовывая язык. Я ушёл в алтарь и спрятался за святым престолом».

366

«Когда я был маленьким, мы ещё с одним мальчиком ходили мимо кладбища и боялись. Чуть подальше было турецкое кладбище. Тогда я увидел диавола, он был похож на лисицу и прыгал по деревьям».

⁴⁷ *Тангала́шка* (греч. *ταγκαλάκι*) – такое прозвище преподобный Паисий дал диаволу. *Тангала́ки* (или *башибузу́ки*) – это нерегулярные и почти неуправляемые военные отряды в Османской империи, состоявшие из сорвиголов, славившихся своей жестокостью; им не платили жалованья, а питались они за счёт мародёрства, грабя и убивая мирное население.

367

«Я не знаю, почему наверху про нас забыли. Почему святые не вмешиваются? Я прошу их сделать что-то для людей, явить чудо. Неужели они не видят, до чего докатился мир? Святые должны вмешаться, иначе ничего доброго нас не ждёт».

368

«Когда человек доходит до состояния божественного рачения, божественного безумия, тогда от многой любви он обнимает и лобызает всякого находящегося перед ним. Любящий Бога видит, как сильно Бог любит мир. Ведь как только ты это увидишь, то божественная любовь появится и в тебе. Как жаль, что люди этого не понимают! Как прельщает людей дьявол!»

369

«Сегодня бушует пожар, всё горит и разрушается. Остаётся только молиться».

370

«Когда пророк Давид восклицает: *Да исчезнут грёшницы от земли и беззаконицы, якоже не быти им*⁴⁸, то он говорит не об уничтожении Богом грешников, а молится о том, чтобы грешники покалялись и стали добрыми».

371

«Молитва благоугодна Богу, когда мы её чувствуем».

372

«Смирение есть основание любого начинания и дела. Смирение – предпосылка нашего приношения Церкви».

373

«Виноват или не виноват – если хочешь увидеть лицо Божие, то принимай несправедливость».

374

«Когда мы, хвастаясь, хвалим свой монастырь, то мы даём дьяволу в руки оружие, чтобы он из него по нам стрелял».

⁴⁸ Пс. 103:35.

375

«В прежние времена у людей были небольшие искушения. Сей час они стали больше, а впоследствии станут ещё большими, так что будет нужда в святых, молящихся о людях».

376

Паломники рассказали старцу о том, что газеты упиваются падением одного священнослужителя, о котором всем стало известно. Старец с вниманием выслушал посетителей, не потеряв мира и не приняв участия в осуждении, а потом со спокойствием и смирением ответил: «Я не знаю, что там точно произошло. Но если всё это правда, то, вероятно, Бог пожалел этого человека, потому что у него было очень много эгоизма, и попустил ему это падение, чтобы он покался и спасся».

Преподобный Паисий и сделанные им деревянные иконки

377

«Мы должны быть подвижниками, а не просто восхищаться святыми. Если будем просто восхищаться святыми, то нам это не принесёт пользы. Мы должны сами выйти на поприще, засучить рукава и начать бороться. Многие привыкают, развалившись на диване и щёлкая семечки, радоваться чужим победам, но при этом сами палец о палец не ударят. Так не преуспеешь».

378

«Необходимо внимание. Даже если человек на собственном опыте пережил чудеса, но потом стал нерадивым, то грех и недобрая привычка могут опять увлечь его в сети зла. Сюда

приходил один бесноватый, и бес вышел из него. Но впоследствии этот человек потерял бдительность, вернулся к разврату, и бес снова вошёл в него».

379

«Будем отдавать себя своему брату, чтобы Христос отдал Себя нам».

380

Во дворе келии Панагуда, где жил старец, росло масличное дерево. Между этим деревом и стеной келии старец натянул проволоку, на которой сушил свою майку. По этой проволоке ползали муравьи. Муравьям было трудно перебираться с проволоки на стену келии, и старец укрепил между проволокой и стеной специальную дощечку, сделав для муравьёв широкий «проспект». Если старец так думал и заботился о муравьях, то можно себе представить, что он делал для каждого человека и для Бога!

381

Один человек привёз к старцу своего друга – юношу с серьёзным психическим расстройством, – чтобы отец Паисий ему помог. Старец спросил этого несчастного: «А ты помнишь; какой именно помысл свёл тебя с ума?» Юноша не помнил, и старец в точности рассказал ему какой помысл он принял перед тем, как заболеть. Старец сформулировал одну великую истину. Истину о том, что страстные помыслы не только сводят с ума, но и приводят нас к вечной муке. Так и святые отцы говорят: «Один помысл спасает; и один помысл губит».

382

Один студент богословского факультета посетил старца в каливе Честного Креста. Находясь под впечатлением от беседы, юноша решил стать монахом и остаться вместе со старцем. Но отец Паисий сказал: «Воля Божия о тебе в том, чтобы ты стал монахом в общежительном монастыре; а не в пустыне. Обойди все монастыри и останься там, где просветит тебя Пресвятая Богородица и где ты почувствуешь духовный покой; а я готов помогать тебе на твоём монашеском поприще молитвой и, если понадобится; советом».

383

«Монахи не пишут книг – только если есть сильная необходимость. А сейчас человек ещё не успел переселиться на Святую Гору и стать монахом, как уже хочет рассказывать и писать об Афоне. Кто-то приехал на Святую Гору в паломническую поездку и тут же, смотришь, выпустил книгу о Святой Афонской Горе. А другой, едва успев стать монахом, уже начинает писать догматические книги и судить всех и вся. Всё это неестественно. Такие люди похожи на младенцев, которые рождаются с зубами и сразу начинают кусаться».

384

«Монаху надо держаться подальше от археологических раскопок истроек, чтобы и самому, оставив монашеские обязанности, не превратиться в кирпичи и песок».

385

«В монастыре может жить 50 монахов, но часто от одного из них пользы больше, чем от всех остальных, вместе взятых».

386

«Помысл некоторых людей похож на вино. Когда помысл, подобно вину, начинает прокисать, то этот процесс уже не остановить, пока всё не превратится в уксус».

387

«На Святой Горе появилось тесто – молодые монахи. Но какую закваску эти молодые монахи нашли в нас, монахах нынешних?»

388

«Если бы у нас был хоть один святой, то мы бы разобрались со всеми проблемами! Ты не знаешь, где мне найти святого?»

389

«Своё сердце я не отдаю никому. Несколько раз я отдавал его другим, и они радовались: „Какое прекрасное сердце!!“ – и, сказав это, начинали, как камнем, колоть моим сердцем орехи⁴⁹».

390

«В своей борьбе больше налегайте на молитву. Молитва – это наш духовный барометр. Сделайте всю свою жизнь сплошной молитвой Богу».

391

«Мы должны иметь в своей борьбе постоянство. Мы не должны быть похожи на горный поток, который за один день уносит всю воду с гор, а потом превращается в пересохшее русло, так что путнику даже нечем утолить жажду».

392

«Человек может совершать чудеса, а лукавый при этом – внушать ему помыслы, что Бога нет».

⁴⁹ Игра слов: καρδιά (сердце) – καρύδια (грецкие орехи).

393

«У нас, нынешних монахов, нет самоотверженности, и поэтому мы не преуспеваем духовно и не живём подобно святым отцам».

394

Один монах сказал старцу, что ежегодно в пасхальные дни он посещает разные места Святой Горы как паломник. Старец полушутя, но тонко при этом показывая своё несогласие с поведением монаха, сказал ему: «Что, отпуск берёшь?»

395

Когда старец посетил один женский монастырь, сёстры угостили его кофе. Они поставили кофе на стол, покрытый белоснежной выглаженной скатертью с изящной вышивкой. Старец, чтобы научить монахинь монашеской простоте, начал с того, что вылил кофе на скатерть, скомкал её, чтобы она побольше испачкалась и, передав игуменье, сказал: «А вот сейчас, матушка игуменья, повесьте чётки на гвоздик, идите и займитесь стиркой и отглаживанием скатерти».

396

«Чего только не делает своеволие с монахом! В одном общежительном монастыре жил монах, который всё время сказывался больным и ничего не делал. А как только он ушёл из обители и поселился в келии, он вообще не может усидеть на месте! Откуда он только находит силы? А другой, живя в общежитии, всё время не соглашался с отцами, постоянно спорил с ними, призывая к аскезе. Как только его сделали представителем монастыря в Священном Киноте и он сам стал начальником; то сделал монастырский конак⁵⁰ похожим на дворец».

397

«Будем принимать все испытания со смирением и терпением».

398

«Бог не хочет от нас ничего другого, кроме нашего чистого сердца».

399

«Пусть лучше в монастырском братстве один раз пройдёт какая-то сильная эпидемия – её можно будет вылечить сильными антибиотиками, – чем постоянно держится повышенная температура».

⁵⁰ *Конак*—подворье афонского монастыря в Кариес, Дафни, где оно обычно представляет собой отдельную келью с храмом, или вне Афона (в Салониках или Афинах), где часто афонский конак – просто квартира в жилом многоэтажном доме.

400

«Для того чтобы преуспеть, послушник должен забыть мир и постоянно помнить великую честь, которую оказал ему Бог: из человека захотел сделать ангелом. Послушник должен иметь любочестие, смирение и подвижнический дух. Без них он будет похож на квадратное колесо, которое надо постоянно толкать. А круглое колесо толкнул разок – и оно само катится».

401

«Молодой певчей на монастырском клиросе лучше быть немного зажатой, чем раскованной. Послушница, молодая сестра, не должна выделяться на псалмопении, она должна подстраиваться под старших сестёр. Все молодые монахи поют по-мирски. Они ведь не знают даже, что такое монашество, – как же они будут знать, что такое монашеское пение?»

402

«Любочестие не может существовать без смирения и любви. Любочестию присуща незаметность. В противном случае мы питаем свой эгоизм. Между любочестием и эгоизмом такая же большая разница, как между покаянием и отчаянием. Иуда отчаялся из-за эгоизма. Святой апостол Пётр покаялся благодаря любочестию».

403

«Если человек живёт духовно, то открываются очи его души: даже свои маленькие ошибки он видит очень большими, он становится неприятен сам себе. Если это происходит, он ощущает в себе и Божественное утешение, поскольку он смиряется и его осеняет благодать Божия».

404

«В духовной жизни человек пытается увидеть всю нечистоту, которая есть у него внутри. А в жизни мирской наоборот: люди стараются скрыть свою нечистоту, желая, чтобы их внешний человек выглядел хорошо. Эти люди изготавливают шаблоны внешнего поведения, и эти шаблоны превращаются в непроницаемую стену, через которую не может пройти Божественная благодать». ⁵¹

405

Старец приводил одну загадку: «Когда я забираю некрасивое, то чувствую себя прекрасно, а когда выгоняю некрасивое, то чувствую себя плохо». Он имел в виду, что, принимая несправедливость, человек ощущает покой, тогда как желание справедливости покоя ему не приносит.

⁵¹ Старец приводил одну загадку: «Когда я забираю некрасивое, то чувствую себя прекрасно, а когда выгоняю некрасивое, то чувствую себя плохо». Он имел в виду, что, принимая несправедливость, человек ощущает покой, тогда как желание справедливости покоя ему не приносит.

406

«Чем больше мы хотим того, чтобы люди к нам относились хорошо, тем меньше люди обращают на нас внимания. Однако если мы смиряемся, то мизансцена меняется».

407

«Где нет Христа, там печаль – это страсть⁵²».

408

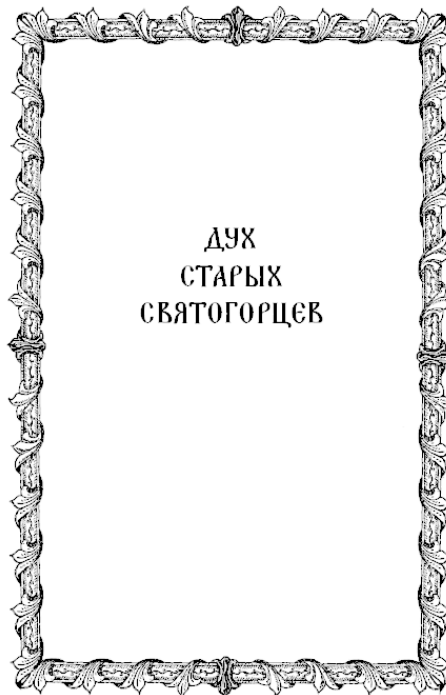
«Как нам приобрести ревность по Богу? Только прогнав другую ревность, то есть зависть».

409

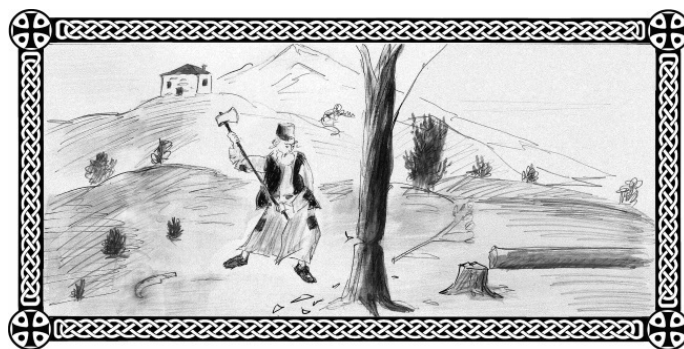
«Подвижники жили в пещерах без внешних источников света. Там в темноте они видели Свет Христов. Если мы стремимся к комфорту и электрическим лампочкам, то одни эти мирские лампочки у нас и останутся».

⁵² Игра слов: λείπη (отсутствует, нет)—λύπη (печаль).

Дух старых святогорцев

Встреча со старцем на троне в Кerasъе

Старец рассказывал: «Старые монахи, которых я застал в монастыре святого Павла, не были дипломированными богословами. Однако на меня произвело впечатление их послушание и их ощущение общежительного жития. В те времена мы причащались раз в две-три недели. Прежние отцы переняли такой устав у старших и так передали нам. Когда в монастыре стали придерживаться частого Божественного Причащения, то старые монахи поначалу были против. Но когда игумен принял такой устав, они оказали ему послушание. И надо сказать, что впредь самыми расположенными и готовыми к частому Божественному Причащению были именно те старые монахи, которые поначалу его не хотели. Некоторые из более молодых потихоньку роптали, однако старые монахи не придавали этому значения. Они старались тщательно блюсти послушание во всём.

Тогда в монастыре у нас не было ни сладостей, ни одеял, ни тонких маек, ни тонких носков.

В те времена единственной сладостью в архондарике было варенье из плодов померанцевого дерева, которое росло в монастырском саду. Ещё варили айвовое варенье. Если мы, молодые монахи, просили чуть-чуть сладенького у архондаричного, он нам давал. Однако в те годы, когда послушание архондаричного нёс старец Митрофан⁵³, в ответ на наши просьбы он с подчёркнутым удивлением восклицал: „Господи, помилуй! Монах – и сладкое?“ Что такое бананы, мы не знали. Яйца монастырь покупал только на Пасху, мы варили их и ели до праздника Вознесения, пока они не портились.

При игумене Серафиме шаровары для братии шили из мешков, в которых привозили на Афон сахар и муку. Когда отцы, постирав шаровары, развешивали их сушиться, то были видны напечатанные на этих мешках буквы и цифры».

Старец рассказывал: «В монастыре Григориат прежние отцы питали огромную любовь к обители и к тому, что принадлежало обители. Они старались, чтобы из-за них монастырь и его покровитель святитель Николай не потерпели никакого ущерба. Отцы были необыкновенно трудолюбивы. Они подвизались в посте. Они с радостью спешили на богослужение, приходили в храм до начала службы. Богослужение было их жизнью, и они участвовали в нём со всем вниманием. До глубокой старости, пока у них были силы волочить ноги, все они не прекращали работать и приходили на богослужение. Все старые отцы просыпались за два часа до полунощницы, чтобы совершить своё монашеское правило. Отцы испытывали очень острую потребность исповедоваться. Они хотели в любой момент быть готовыми к переходу в жизнь

⁵³ См. о нём: Новый Афонский патерик. Т. 1. С. 288–302.

иную. Если их беспокоила любая мелочь, то они тут же бежали искать духовника и исповедовали ему даже самые мелкие прегрешения.

За чтением в храме и на трапезе отцы следили с большим вниманием. Те несколько отцов, которые были неграмотными, слушали чтение, затаив дыхание. К слову, в те времена был такой обычай: в храме, начиная с сентября и до Вербного воскресенья, читали патерик, а на трапезе – жития святых.

Перед богоустановленным старчеством отцы очень благоговели, хотя по возрасту игумен мог годиться им во внуки. Прожив в монашестве полвека и даже больше, они держали себя перед игуменом словно молоденькие, только что пришедшие послушники.

Всегда во время сбора маслин, который занимал два-три месяца и во время которого отцы работали по 10–12 часов в день, один из них не работал, но стоял и тянул чётки, вслух произнося молитву Иисусову для того, чтобы и другие отцы её слышали. Через каждые три чётки говорили „Слава, и ныне!“⁵⁴, и читающий молитву менялся. Также во время общих послушаний, в которых принимала участие вся братия обители, шесть раз читался Акафист Пресвятой Богородице. Все старые монахи участвовали в общих послушаниях, даже если послушания эти были самыми тяжёлыми.

В келиях у отцов не было печек. Только в храме, в притворе, стояла печка-буржуйка, где и разводили огонь. И возле трапезной было ещё одно большое помещение, где тоже разжигали огонь. Там стояла большая жаровня с железной трубой, через которую выходил дым. Назначался брат, ответственный за поддержание огня. И если какой-то старый монах замерзал или был болен, он приходил из своей келии и спал возле этой жаровни. Однако койки для стареньких монахов, ночевавших там, огораживались особыми занавесками, чтобы каждый из них чувствовал уединение и не отвлекался.

Старые монахи рано вечером уходили в свои келии, чтобы ночью подняться вовремя. Монастырские эпитропы⁵⁵ ежедневно собирались за два часа до вечерни с целью обсудить вопросы управления обителью, так чтобы после повечерия быть свободными и вовремя разойтись по келиям.

В прежние времена в Григориате у многих старых монахов были в келиях верёвки, прикреплённые к потолку, за которые они держались, чтобы стоять на ногах. По ночам отцы не ложились спать на койки, но дремали, висая на этих верёвках, пропущенных под мышками.

Многие старые григориатские отцы по ночам усиленно понуждали себя к бдению и молитве. Чтобы бороться со сном, они бродили по монастырскому саду и коридорам и творили молитву Иисусову. Один старенький монах, восьмидесяти пяти лет, обычно каждую ночь подолгу молился перед дверями параклиса⁵⁶ святой Анастасии с воздетыми руками.

Конечно, как люди эти старые монахи имели человеческие слабости, но весь их ум был на Святой Афонской

Горе, в месте их монашеского пострига. Всё своё старание они прилагали ко спасению. Неукоснительно они соблюдали монашеский распорядок и устав монастыря. Они очень много работали, но лишних забот у них не было.

Главными святынями в их жизни были родная обитель, её небесный покровитель, Святая Гора Афон и Отечество. Этим святыням они с любовью отдали всю свою жизнь».

⁵⁴ Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

⁵⁵ *Эпитропы* – два старца из Духовного собора, которые ежегодно меняются и участвуют непосредственно в управлении обителью. Игумен все официальные действия совершает при эпитропах.

⁵⁶ *Параклис* (от греч. *παρεκκλησιον* – «при церкви») – в афонских монастырях придел соборного храма или небольшая церковка, например в братском корпусе или монастырской больнице.

Старец рассказывал: «В прежние времена на трапезе в монастыре Дионисиат перед монахом ставили тарелку с достаточным количеством еды, но салатов и прочих закусок никогда не было. Когда на трапезе предлагались бобовые, то в непостные дни давался и небольшой кусок сыра – это была вся пища. А могло быть и такое блюдо: порезанные помидоры, а сверху – сардинка из консервов. Трапеза была скудной, разнообразия в пище не было. Вино предлагалось в дни, когда разрешалась пища с растительным маслом. Вино и масло немного поддерживали отцов. В Дионисиате было достаточно вина и масла, потому что виноградники и масличные деревья были на монастырском метохе⁵⁷ Моноксилите. Но масло, производимое там, было кислым (15-процентной кислотности). Это происходило потому, что во время сбора маслин уже собранный урожай ждал отправки в монастырь и успевал заплесневеть. На баркасе маслины привозили в монастырь, и там они ещё раз успевали заплесневеть перед тем, как из них делали масло.

В комнатке, куда мог зайти каждый из братии, лежали хлеб и маслины. И если кто-то был голоден, благословлялось пойти и перекусить. Также там можно было сварить кофе.

В монастырь приходили пустыnnики, чтобы взять что-то в благословение: сухари, бобовые, овощи из монастырского огорода и вино для совершения Божественной Литургии. Подвижники из пустыни брали всё с осторожностью, только самое необходимое, потому что, взяв что-то, они должны были воздать за это соразмерной молитвой по чёткам.

Тогда всё было строго. Однажды в Дионисиат на корабле привезли пшеницу, и все отцы вышли её разгружать и носить наверх в монастырь, а один из отцов отошёл, залез на смоковницу и ел смоквы. Об этом узнал игумен, и он послал этого брата на шесть месяцев в ссылку⁵⁸ в монастырь Григориат.

Для самих себя отцы покупали всегда самые дешёвую рыбу, яйца, фрукты и другие продукты. Они покупали всё в Дафни. И самое дешёвое они покупали не ради экономии (монастырь Дионисиат был богатым), а ради монашеской акривии⁵⁹. Зимой в келиях никто из дионисиатских отцов не зажигал огня, даже больные и старые придерживались этого правила. И в церкви никакой печки не было в прежние времена.

Приблизительно до 1930 года в монастыре была такая вещь, как постный стол. Раньше отцы причащались каждые две недели, и перед причащением надо было обязательно три дня поститься без растительного масла. Однако те из отцов, которые хотели причащаться каждую неделю, постились и каждый четверг. Таким образом, вместе со средой и пятницей, когда постились все, у них получался трёхдневный пост перед причащением в субботу. Что же касается вторника, который посвящён Честному Предтече – исключительному постнику, в честь которого освящён монастырь, – то в Дионисиате была древнейшая традиция поститься также и в этот день. Обычно по вторникам вся братия вкушала постную пищу с растительным маслом, воздерживаясь от молочного, яиц и рыбы.

В прежние времена в Дионисиате был следующий обычай: если летом в монастырь приходил пожилой или уставший от жары паломник, то ему мыли ноги. Это была обязанность архондаричного. Сейчас этот монашеский обычай утерян».

⁵⁷ *Метох* — хозяйственное подворье монастыря на Афонском полуострове или вне его.

⁵⁸ Ссылка как дисциплинарная мера есть на Афоне до сих пор: провинившегося брата отправляют в другой монастырь в пределах Святой Горы, где к нему относятся весьма строго.

⁵⁹ *Акривия* (греч. ακρίβεια – точность, строгость) – принцип отношения к священным канонам, монашеским правилам и установлениям и вообще к Преданию Церкви с позиции строгой определённости и ненарушимости.

Насельник монастыря Каракал рассказывал: «Я приехал на Святую Гору в 1955 году и стал монахом в общежительном монастыре Каракал. Игуменом тогда был иеромонах Павел, родом из селения Вавдос на Халкидикей. Отец Павел прожил в монастыре 50 лет, 30 из которых нёс послушание игумена. Он пришёл на Афон молодым, и поскольку у него не было бороды, его на время послали на подворье монастыря в Кердйлии. Впоследствии он нёс послушание секретаря в Священном Киноте и был ответственным от Священного Кинота за школу – Афониаду. Отец Павел был одним из трёх игуменов, которых Священный Кинот посылал по важным вопросам монастырского управления в Греческое правительство (двое других игуменов были Виссарион Григориатский и Гавриил Дионисиатский).

Я застал в монастыре 50 отцов – один лучше другого. Были некоторые старые монахи 70–80 лет и старше, лица которых сияли. Они причащались не реже чем раз в неделю, тогда как мы, более юные монахи, причащались раз в две недели. Перед Причастием старенькие монахи один день постились, не вкушая растительного масла.

Тогда послушнический искус перед постригом длился три года. Лично я пробыл послушником семь лет. Послушники оказывали доброе послушание и выполняли тяжёлые работы. Для заботы о послушниках монастырь выделял наиболее благоговейного из эпитропов, и он давал послушникам всё необходимое. Таким образом, у них не было абсолютно никаких контактов с людьми мирскими. В те времена было немыслимо, чтобы монахи, а тем более послушники, болтали с мирскими посетителями на монастырских балконах.

В те годы кусочек лукама можно было взять на Пасху, Рождество, на заговенье и в престольный праздник святого Гедео́на. Вообще распорядок дня в монастыре был весьма аскетичным. Конечно, монастырь мог покупать в миру разные вещи, но отцы, управлявшие тогда монастырём, не хотели ничего покупать, они считали всё это роскошью. Чтобы угощать паломников, мы варили померанцевое варенье, варенье из айвы, делали масти́ку⁶⁰, воду с вишнёвым сиропом, джем. Кофе мы покупали в зёрнах, сами его жарили, толкли эти зёрна на мраморной доске, просеивали через сито и снова толкли его в ступе. Кофейной мельницы у нас не было. Всё, что не было монашеским, отцы не позволяли. У игумена не было особой трапезы или особых вещей, он жил как и все. Тогда на трапезу часто подавали большие кабачки, которые отличались сладковатым вкусом, и есть их было не очень-то приятно. А игумен, чтобы побудить отцов есть эти кабачки, во время трапезы нахваливал их и кричал трапезнику: „А ну-ка, принеси ещё тарелочку кабачков! Ах, какие вкусные кабачки!“ Обычной нашей пищей были бобовые и дешёвая консервированная рыба. В Великий пост мы ели один раз в день, и нашей пищей была тарелка гороха и 10 грецких орехов, толчённых в меду.

У каждого из нас было тряпичное полотенце, которыми мы после еды вытирали свои вилку и ложку. Вытерев их, каждый клал их на полочку под столешницей на том месте, где сидел. В те времена не было бумажных салфеток и лишнего мытья посуды. Отцы были очень нестяжательны. Некоторые шили одежду из мешков. Одни мыли своё тело раз в два-три месяца, другие – ещё реже, третьи – вообще никогда не мыли. Ради аскезы отцы не разводили в келии огонь. Только в монастырской больнице была печка и в притворе храма ставили жаровню с углями. При игумене Павле в монастырских келиях были установлены печки.

Когда между братьями случалось какое-то искушение или недоразумение, они клали друг другу поклон и тут же об этом забывали. А сейчас и поклон положат, и всё равно продолжают держать друг на друга зло.

В те времена, когда на Духовном соборе монастыря отцы не соглашались между собой по какому-то вопросу, то они говорили: „Давайте оставим этот вопрос до следующего Духовного собора, а пока отслужим молебен, помолимся, чтобы Бог нас просветил“. Так отцы просили у Бога просвещения и избегали ошибок».

⁶⁰ *Мастика* – смола особого мастичного дерева, которое растёт на острове Хиос.

Ради аскезы и безмолвия монахам, живущим в скитах, не разрешалось иметь животных⁶¹. Один старец из скита святой Анны рассказывает: «В 1949 году я пришёл на Святую Гору и поселился в скиту святой Анны. Только у одного насельника скита были три мула, и все скитские отцы брали у него этих мулов, чтобы перевозить тяжёлые грузы. Лёгкие грузы отцы носили на своих плечах».

Старец из скита святого Василия рассказывал: «В прежние времена в скиту святого Василия у отцов не было воды. Особенно трудно было после августа, и тогда отцы, чтобы постирать свою одежду, были вынуждены ходить в Керасью или в келию святого Петра. Там они стирали одежду, совершали вечерню, пока она сохла, и возвращались. Они делали это каждый месяц. Жизнь здесь была очень тяжёлой. Еле-еле хватало необходимого. Поэтому старые отцы говорили: „Тот, кто оставит свои кости в скиту святого Василия, имеет надежду на спасение“».

Святая Гора изменилась. Это видно даже по нашему братству. Молодые просят устроить по средам две трапезы. А я отвечаю им: „Нет! Ведь один благочестивый старец из прежних говорил: «Если хочешь вкушать пищу два раза в день, то один раз ешь вне нашей келии»“».

Насколько это возможно, вы, молодые, должны ограничивать выезды в мир. Тогда хотя бы одна основная добродетель у вас точно будет. Говорят, что монах, выезжая в мир со Святой Афонской Горы, теряет благодать Пресвятой Богородицы. Я не знал, как теряется благодать Пресвятой

Богородицы, но один старец рассказал мне: „Я на себе это испытал. Никогда не выезжал в мир, но меня затянули в одну склоку в скиту святой Анны и сделали меня свидетелем. Мне пришлось ехать в Салоники, и там заодно я купил нитки для плетения чёток для всех отцов скита, чтобы они не выезжали в мир. Вернувшись, я увидел, что все мирские образы, которые я привёз из Салоник, начали приумножаться. Когда я только приехал на Афон в юности, мирские картинки в моей голове быстро стёрлись, а сейчас те картинки, которые я привёз как монах, никак не исчезают. Вот так теряется благодать Пресвятой Богородицы“».

Как-то давно в Новом скиту собрались отцы, среди которых был и епископ Мосхонийский. Один старец говорил, что с этого времени и впредь на Святой Горе останется одна-единственная добродетель – чтобы монахи не выезжали в мир. И все отцы согласились. Даже люди мирские признают, что не выезжать в мир – это добродетель. Они говорят: „Поглядите, вот такой-то монах столько-то лет не выезжает в мир!!“ Когда блаженнопочивший иеромонах Модест с Керасьи, который 50 лет не покидал Афона, выехал в мир по какому-то неотложному делу, то люди мирские брали себе в благословение волосы из его бороды и отрезали кусочки от его рясы, потому что они восхищались, как он смог прожить полвека на Святой Горе, не выезжая в мир.

Удаление монаха от мира и его самоограничение на Святой Афонской Горе – это молчаливая проповедь для мира. Даже если монах захочет скрыть это, запаять свой рот оловом, его пример всё равно молчаливо учит других. Люди начинают задумываться о том, что монах

⁶¹ Имеются в виду выючные животные: ослы, мулы и лошади. Тем более отцы не держали у себя домашних животных – ни кошек, ни собак.

оставил всё, ушёл на Святую Афонскую Гору, и раз он прожил на ней столько лет, то уж какую-то добродетель он, наверное, приобрёл.

Насколько можно, будем копировать обычаи бывших перед нами отцов. Если мы начинаем свою монашескую жизнь не по преданию, то всё идёт насмарку. Я вижу что сегодня мы не следуем по стопам отцов, прошедших перед нами. Сегодня мы не можем совершать великие подвиги. Так будем же удерживать две вещи: любовь между собой и неуклонение от монашеского предания. Лукавый не даёт монашескому братству жить в любви. И в прежние времена у нас были искушения, но тогда старец успевал их вовремя заметить и прогнать. Сегодня даже старец не может этого сделать, потому что у нынешних монахов длинные языки, и слово старца они принимают с трудом или вообще отталкивают его.

Конечно, всё это начинается не на Святой Горе. Нынешнее общество и образование порождают не послушников, а бунтарей. Сегодня молодёжь очень умна, но что толку от такого ума? Люди в миру живут вдали от Христа, а монахи живут вдали от монашеского предания.

У старых людей были по-другому устроены мозги. Они совершали добродетель и её скрывали, а мы пытаемся похвастаться даже тем, чего у нас нет.

В прежние времена здесь, на Святой Афонской Горе, была тяжёлая жизнь. Даже сахара у нас не было. Я застал одно братство, которое два года питалось только кашей. Когда об этом узнал один врач, он сказал: „Научная медицина доходит только до Дафни, а после Дафни начинается другая наука“.

Старые отцы имели имели самоотверженность и доверие Пресвятой Богородице. Помню, мы как-то служили всенощное бдение, и к нам пришёл иеромонах Ксенофонт с Капсалы. Он почувствовал себя плохо, у него поднялась температура. Кто-то из нас принёс градусник. „Нет, не нужно, – ответил отец Ксенофонт. – Матерь Божия Сама знает, какая у меня температура“. Когда всенощное бдение закончилось, отец Ксенофонт вместе со своим послушником пешком вернулся на Капсалу⁶². Сегодня таких людей уже не найдёшь. Нынешнее поколение слабое, а времена, в которые мы живём, тяжёлые. Эти времена плохо подходят для преуспевания. Но, по крайней мере, будем удерживать то, что у нас есть. Не будем скатываться вниз. Сегодня не на кого равняться.

Разгрузка судна на пристани. Фото 1928 года

⁶² От скита святого Василия до Капсалы очень долгая и трудная дорога: 8-10 часов пешком по горным тропам через высокий перевал.

До 1991 года в скиту святого Василия не было животных. Данилѐи⁶³ на мулах поднимали нам грузы до своей келии, а оттуда вверх мы тащили всё на своих спинах. Старец объяснял нам, что если мы не будем роптать, то Бог будет облегчать нам ношу. И действительно, мы переживали это на собственном опыте. Мы поднимались сюда, меняли майку и чувствовали себя так, словно находимся в Царстве Небесном. Мы испытывали такую радость, такой восторг, особенно когда на своих плечах мы поднимали в скит вещи не для себя, а для других – для стареньких монахов!

В те годы в жизни присутствовал труд. Однако этот труд рождал любовь, сострадание в братстве и между соседями. А сейчас, когда чуть ли не у каждого есть мулы, когда жизнь не такая тяжёлая, эти тёплые отношения между людьми испаряются. Можно сказать, что труд и трудности соединяют нас между собой, тогда как комфорт и облегчения отдаляют нас друг от друга».

Старец-келиот из Кариес рассказывал: «Сегодня на Святой Афонской Горе много мирского духа, много дорог и современных вещей, которых раньше не было. Раньше были тропинки и вымощенные камнем дорожки, и монахи, если им надо было куда-то добраться, шли пешком. И своё рукоделие на продажу в Кариес они также несли на себе. Ослы и мулы были весьма у немногих.

В те времена господствовала исихия. На Афоне было много отцов и мало паломников. Сейчас нас главным образом изменило это: обилие мирских людей и современных мирских вещей. Конечно, слово „паломники“ не подходит к тем, кто сегодня приезжает на Святую Афонскую Гору. Паломников среди них очень мало, в основном это туристы. Они приезжают сюда якобы за благословением, но на самом деле – потому что на Святой Горе с них не берут денег за еду и проживание.

В прежние времена на Святой Горе было запрещено паломнику ходить в майке с короткими рукавами или вообще без рукавов. Таких выгоняли, также выгоняли и мирян, у которых были длинные волосы. Все паломники сначала приходили в Священный Кинот, и если твой внешний вид был неприличен, то тебя отправляли обратно в мир на вечернем корабле. Сейчас видишь, что в Протате, прямо перед окнами Священной Эпистасии⁶⁴ и даже внутри храма Протата мирские люди ходят в майках без рукавов. Сегодня приезжающие на Святую Гору не приходят в Кинот, и их никто не контролирует.

В прежние времена здесь, в Кариес, во всех келиях жили выдающиеся отцы. Антипроспы всех монастырей жили на своих конаках, и на службах в Протате все стасидии были заполнены уважаемыми старцами с белыми бородами.

В те годы у Эпистасии была реальная власть, она следила за порядком. Если совершалось что-то противозаконное или возникал какой-то беспорядок, то мы сообщали об этом в Эпистасию, и она тут же вмешивалась.

Когда полвека назад я пришёл на Святую Гору, чтобы стать монахом, целый год я жил в Кариес, но ни разу не спустился на площадь. Послушники и молодые монахи тогда помалкивали. Молча делали своё рукоделие, оказывали послушание старцу и никаких разговоров не

⁶³ Данилѐи—братия из общежительной келии Данилеев на Катунаках, основанной в 1880 г. блаженным старцем Даниилом, другом святителя Нектария Эгинского.

⁶⁴ Священная Эпистасия – исполнительный орган при Священном Киноте, координирующий повседневную жизнь святогорских монастырей.

заводили. Да как мы могли открыть рот и дерзнуть заговорить?! А сегодня? Одна болтовня и беседы.

У нынешних монахов нет терпения. Помню, в прежние времена человек приходил в монастырь или келию, проходил послушнический искуc и оставался. Он не уходил, жил в том месте, которое сам выбрал, до смерти. Конечно, были искушения, но монахи терпели. Сегодня от пустякового искушения они уходят, выпрашивают себе какую-нибудь полуразрушенную келию, едут в мир, начинают собирать там деньги на реставрацию келии и живут в ней по своей воле. Всё это не имеет отношения к жизни монашеской.

Наши дни сочтены, и скоро мы уйдём. Однако я не вижу, чтобы положение дел на Святой Афонской Горе менялось, чтобы мы возвращались к преданию. Скорее наоборот, мы идём от плохого к худшему. Насколько можете, вы, молодые монахи, будьте терпеливыми и оказывайте послушание. Терпение и послушание сегодня из монашеской жизни исчезают.

В 1961 году в Кариес не было ни одного автомобиля. Сейчас автомобилей – как в городе, и мы потеряли безмолвие. Мы потеряли благоговение и духовность. Сегодня, к несчастью, отсутствует любовь, которая была в прежнюю эпоху, отсутствует милостыня, отсутствует справедливость. Нет той монашеской подлинности, которая была раньше. Раньше, если у монаха был какой-то недостаток, это было видно, а сегодня мы хотим показать всем, что мы святые, прячем свои недостатки.

В прежние времена владельцы магазинов в Кариес ждали, когда закончится воскресная Литургия, а потом открывали свои лавочки и работали до полудня. После обеда они были опять закрыты. Торговля в воскресенье была неким снисхождением, предусмотренным уставной хартией Святой Горы. Оно оказывалось потому, что многие монахи трудились в лесу, и не было автомобилей, на которых они могли бы в будние дни быстро приехать и купить в Кариес то, что нужно. Монахи, трудившиеся в лесах, приходили на Литургию в Протат в воскресенье, затем покупали необходимое и расходились по своим келиям.

Центральная улица Кариес. Фото 1904 года

В прежние времена молодым монахам, которые жили в Кариес, старцы не разрешали выходить за порог келии. Только в воскресный день они ходили в храм Протата на Божествен-

ную Литургию, и раз в год – на крестный ход с иконой „Достойно есть“. В те годы совершались пышные празднества по поводу тысячелетия Святой Афонской Горы, но молодые монахи даже не выходили из своих келий.

Эта строгость по отношению к молодым монахам была по любви, чтобы уберечь их, чтобы они научились монашеской жизни и смогли войти в правильный ритм.

Сегодня дерзость молодых монахов удивительна. Раньше, когда совершалась Божественная Литургия в келии, то потом на угощении мы не разговаривали. Молодой монах должен быть немногословным. Он должен слушать и не выражать своего мнения. А сегодня с молодыми монахами происходит прямо противоположное».

Старец рассказывал: «В прежние времена в скиту Кавсокаливия жили 200 отцов. Основой их жизни были послушание, молчание, молитва Иисусова и рукоделие. Все они молча трудились над своим рукоделием, про себя творя молитву Иисусову. Зайдя в скит, можно было подумать, что здесь никто не живёт – никого не было слышно. Когда два монаха из скита встречались, то они клали друг перед другом поклон и обычным был следующий разговор: – Благословите!

– Господь благословит.

– Как поживает старец?

– Вашими молитвами, хорошо.

Всё. Это были все слова, которыми они обменивались. Здесь у нас, в скиту, прежние отцы были понудителями себя. На всенощных бдениях в соборном храме скита они стояли неподвижно, как колонны, и, склонив головы, тянули чётки. Они не были богатырями – такие же люди, как мы. Большинство из них были старыми и больными, но они отличались великой ревностью. Настоящие подвижники.

В соборный храм скита отцы приходили, надевая на камилавку куколь. Они почитали и соблюдали уставы. Они были достойны уважения, потому что и сами уважали то, что установлено Церковью.

Когда братия собиралась вместе, первым говорил старший, за ним следующий по чину и так далее. Молодые никогда не вступали в разговор, пока до них не доходила очередь. Сегодня – всё: эта традиция тоже потерялась.

В прежние времена было „простите и благословите“. Конечно, были и человеческие немощи и страсти, но „простите и благословите!“ было сильнее. Даже старший монах клал поклон перед младшим и говорил ему „прости и благослови“.

В прежние времена на Кавсокаливии жили благоговейные и добродетельные подвижники-старцы. В течение года они совершали в соборном храме скита около 60 всенощных бдений. Даже самые старенькие и больные монахи, несмотря на трудности, поднимались в храм за полчаса до начала всенощного бдения и ждали, когда начнут звонить в колокола. Они никогда не мыли своё тело и при этом благоухали. Когда они умирали и из могилы доставали их останки, они были глубоко жёлтого цвета».

Старец сказал: «В прежние времена, особенно здесь, на Катунаках, монашеская жизнь была связана с трудом. Всё необходимое мы приносили на себе. Источника воды у нас не было. Мы собирали в цистерну дождевую воду. Для того чтобы выпечь хлеб, мы заказывали у тор-

говцев пшеницу, на себе носили её на мельницу в скит святой Анны, а оттуда сами обратно носили муку к нам в скит. Также на себе мы поднимали на Катунаки все вещи от пристани. А сейчас у нас есть всё: сады, деревья, – и нам могут поднять на животных всё, что мы захотим. Сейчас наши келии – полные чаши. Конечно, это не плохо, но жизнь прежних отцов была лучше, чем наша. Есть разница между ними и нами. Прежние отцы были большими подвижниками, более благоговейными и внимательными».

Замес теста в келии на Керасье

Старец рассказывал: «Прежние отцы здесь, в ксенофонтском скиту, придерживались строгого общежительного духа, потому что раньше они жили в русском монастыре. Для того чтобы пойти в соседнюю келию попросить инструмент, надо было на подрясник надеть жилетку, а волосы подобрать под скуфью.

В скиту присутствовал дух взаимопомощи, жила любовь. Когда кто-то из братии пёк хлеб, то выпекал его много и раздавал другим отцам. Потом, когда хлеб пекли в другой келии, они тоже делились. Когда у нас не было муки, мы брали её взаймы у соседей, а потом возвращали им муку или хлеб.

На всенощных бдениях и в воскресные дни, когда богослужение длилось пять часов, все отцы скита собирались вместе. После Литургии оставались одни старцы и пили кофе. Мы, молодые монахи, расходились по келиям. По воскресным дням и праздникам мы не работали, а сидели в безмолвии в своих келиях и восполняли наши духовные обязанности, которые могли упустить на неделе, или читали духовные книги. Даже по субботным дням мы не работали. Самое большое в субботу – подмести пол, а уж в воскресные дни, что бы ни происходило, мы никогда не нарушали устав – не работали.

Нынешние монахи немного изменили монашескую жизнь, и причина этого в том, что испортилась семья. Юноши, которые приходят, чтобы стать монахами, не имеют у себя дома того чёткого порядка, который был у нас. Кроме того, виноваты и учителя. Тогда в школе нас учили ходить в церковь, молиться перед уроком, правильно учили нас Закону Божию. Сегодня родители в основном рожают мало детей, они безразличны к их воспитанию, а только и думают, как бы их лучше развлечь.

В прежние времена не разрешался въезд на Святую Гору маленьким детям и безбородым юношам. И это было очень верное правило. Сейчас мы эти традиции упразднили.

В прежние времена все отцы здесь, в ксенофонтском скиту, занимались земледелием. Мы отдавали овощи в русский монастырь и зарабатывали за счёт этого скромные средства. На те небольшие деньги, которые давал нам монастырь, мы покупали пшеницу и сами перемалывали её в муку здесь, на водяной мельнице. Мы сами производили масло и немного вина. Иногда мы съедали кусочек сыра и были всем довольны. Ну на что ещё можно было потратить деньги? На пару башмаков да на подрясник – вот и всё. Мы говорили: „Слава Тебе, Боже! Пережили мы и этот год!“ – и так из года в год».

Старец Афанасий из келии святого Климента в прежние времена был знаком на Кавсокаливии с подвижниками, которые всю неделю держали девятый час и пост без растительного масла. Эти отцы разрешали свой пост только по субботам и воскресеньям.

В глубокой старости отец Александр, бывший проэстамен⁶⁵ Великой Лавры, как-то сидел у лаврских ворот. Он увидел молодого монаха, который подвернул рукава подрясника до локтей. В огорчении старец Александр сказал: «Эх, Лавра!.. Какой я тебя застал – и какой я тебя сейчас оставляю? У нас всегда рукава были опущены ниже запястья, чтобы ничего не было видно».

Иеромонах Дионисий из Колицу сказал: «Святая Гора очень изменилась с того времени, когда Священный Кинот разрешил сюда въезд туристам».

Старец иеромонах Ефрем Катунаский говорил: «В прежние времена было много труда. Необходимое мы поднимали от моря на спине в корзинах. Сейчас молодые монахи не могут даже этого. Сыр мы ели очень редко. Сейчас в непостные дни монахи хотят обязательно съесть сыр и отрезают по большому куску. Все вещи на Катунаски поднимают на мулах, а ещё хотят на другого мула залезть сами. Даже если у них нет груза, они всё равно не хотят подниматься пешком. Сегодня у молодых монахов нет сил. В прежние времена люди были слеплены из более крепкой глины».

Старец Констанций из кутлумушской келии святых Архангелов, старец отца Рафаила, говорил: «Имея Руководительницей Пресвятую Богородицу, будем идти вперёд, пока не умрём

⁶⁵ *Прозэстамен* – один из нескольких монахов особножительного монастыря, координирующих общие административно-хозяйственные вопросы обители.

здесь, на Святой Афонской Горе. Перед нами были отцы, сейчас их место заняли мы, потом на наше место встанут другие, если, конечно, на Святой Горе останется монашеский дух. Чем дальше, тем всё больше Святая Гора теряет своё безмолвие, своё благоговение к старому, к тому, что мы застали. В молодёжи – новый дух, оторванный от предания».

Старец Макарий Кутлумушский из келии Эставромёну сказал: «Когда я пришёл на Святую Гору, здесь жило 12 000 человек – монахов и мирских работников. Добродетельных среди них было не счесть. Святая Афонская Гора в те годы была не похожа на нынешнюю. Сейчас она развилась в другом смысле. Тогда на Святой Горе был во всём иной порядок: в отношении еды, в отношении материальных попечений, богослужения, – да что там говорить, во всём Святая Гора была иной. После полуночи вся она заливалась светом свечей. Отовсюду слышались песнопения, священнические возгласы, звон колоколов, и приходила мысль, что нигде, ни в одном месте земного шара Бог не прославляется так, как Он прославляется здесь, на Святой Афонской Горе. А сегодня Святая Гора живёт по другому порядку, не так, как раньше. В прежние времена были отцы высокой жизни, достойные удивления. Но и сейчас они тоже остались: они были и есть. Сейчас, в последние годы, у нас был старец Паисий».

Старец Паисий Святогорец сказал: «Во многих нынешних общежительных монастырях утерян дух свободы и дух благородства, который некогда в них был. В те времена монах был хозяином на своём послушании. Я не имею в виду, что он поступал по своей воле. Но например, он мог работать, когда он был расположен к этому, а когда у него была необходимость молиться, он молился. Например, пекарь, если по каким-то причинам был не в силах совершать своё духовное делание, мог спуститься в пекарню даже ночью и просеивать там муку, а вместе с этим отсеять и диавола. Сегодня же во многих общежительных монастырях всё происходит по казарменному уставу, так что монах не может развиваться правильно. Некоторые монастыри похожи на сиротские приюты. А в те годы у каждого монаха было стремление доставить покой своему брату».

Один старец-келиот рассказывал: «В прежние времена была любовь. Конечно; иногда монахи могли поругаться; но уже в следующую минуту они снова были вместе. У тебя язык уставал говорить „благословите!“; всех ты приветствовал; склоняя голову. Лицемерия тогда не было. Всё; что брат хотел тебе сказать; он говорил тебе в лицо с простотой; а не шептался за твоей спиной. Тогда все трудились, все делали какую-то работу. Сегодня монахи не хотят выйти из своей келии, всё ждут готовым, не желая лишнего шага сделать. Раньше, когда монах-келиот умирал, то монастырь запечатывал дверь его келии, а открывали её только через 40 дней. Сегодня всё это потерялось».

Старец рассказывал: «Когда я пришёл в монастырь для того, чтобы стать монахом, здесь было 100 братий. В те времена выгоняли за любой мало-мальский проступок. Если ты хоть чуть-чуть не оказывал послушания, то на следующий день приходил брат и тебя просили покинуть обитель.

Старец как только меня не называл: и „животным“, и „скотиной!“ – и всё это прилюдно. Он стирал меня в прах, но был настоящим отцом. Он любил меня от всего сердца, а не на словах. Возможно, всё это он делал специально, чтобы доставить мне пользу. А может быть, он делал это ещё и потому, что видел, что я смогу это вынести. Ведь наше поколение было приучено к злостраданиям, когда мы ещё жили в миру. Мы пережили тяжёлые годы».

Рассказ старца: «Я приехал на Святую Гору в 1959 году. Тогда жизнь была простая, полная лишений. Нынешнего комфорта не было. Братские келии были простые, в них не было абсолютно никакого комфорта. Все братья были хорошими, заботились о своём спасении. Куда бы ты ни пошёл, можно было услышать слово духовного назидания. Тогда был другой дух, не такой, как сейчас. Монахи не выезжали в мир, им было стыдно это делать. И паломников было мало. Даже в идиоритмических монастырях, где некоторые ели мясо, монахи тоже не болтались по миру, и их не занимали пустые мирские вещи. Они были простыми и неграмотными людьми, но у них был страх Божий. Эти неграмотные монахи хранили веру и не попирали свою совесть.

До 1990 года на Святую Гору приезжало мало паломников, и они уставали ходить пешком. Паломникам было хорошо в монастырях, они беседовали с монахами и получали духовную пользу. Сейчас паломники приезжают на автомобилях, куда-то торопятся и всё время ищут, с каким бы монахом им поговорить. На Святой Афонской Горе с таким великим преданием и с такой духовной крепостью никогда не прекращалась Божественная Литургия и всегда горели лампы, много ли было братии или мало – не имело значения. Каждый из нас на своём месте должен совершать монашеские дела, и благодать Божия нас не оставит».

Рассказ старца: «Мы застали прежних отцов, духовных.

Вот они подвизались! Мы сегодня держимся еле-еле. У отцов было смирение, они всегда были расположены к духовному деланию и бегом бежали на службу. Сегодня дух смиренного мудрия иссяк. Древние отцы словно соревновались друг с другом, кто из них больше смирится, кто будет больше подвизаться, кто первым скажет „прости и благослови!“ – без разницы, прав он или виноват. К несчастью, за последние 35 лет в монашестве появился этот новый современный дух. Сейчас мы видим, как монашество стремительно катится в сторону мирского.

Сегодня у нас есть мозги, есть образование, а если мы ещё при этом более-менее выполняем своё правило, то всё: мы задираем нос, не хотим никого слушать, не можем сказать нашему ближнему „прости и благослови“. Как несолёная пища безвкусна, так и добродетели, если в них отсутствует смирение, бесполезны. Прежние отцы имели самоукорение, самообладание, и таким образом они удерживали смирение. Прежние отцы говорили: „Удерживай смирение, и Бог будет с тобой. Делай что хочешь, иди куда хочешь – если у тебя действительно есть искреннее смирение, то Бог будет с тобой“.

Нам нечем будет оправдаться. Бог дал нам всё, а мы не делаем ничего. Я – первый. Мы живём в трудные годы. Будем принуждать себя к молитве Иисусовой: „Господи Иисусе Христе,

помилуй мя“. Мы живём на Святой Афонской Горе много лет, но получили ли мы пользу от этих лет? Никогда не будем жаловаться на других. Мы что, хотим, чтобы другие люди были ангелами? Лучше станем ангелами сами. Разве Господь не говорит, что мы должны терпеть скорби и искушения? Если у нас этого нет, то наши дела неприятны Богу. И сегодня Бог дал нам многую благодать, благодать, которой не было у прежних отцов, несмотря на то что они совершали большие подвиги. Они питались одними сухарями, да и теми не досыта, и считали глотки воды, которую пили. Они подвизались, терпели скорби и искушения, лицом к лицу вели брань с бесами. А мы сегодня объедаемся, пьём без меры, спим вволю (я когда это говорю, первого имею в виду себя), и ещё искушений у нас нет! Но смотрите: если вдруг к нам приходит какое-то искушение и мы творим молитву Иисусову, то бесы исчезают! Представляете, какую силу и благодать дал нам Бог, даже в эти годы, когда нам нечем перед Ним оправдаться!»

Старец рассказывал: «В прежние годы на Святой Афонской Горе было очень безмолвно, тихо. Сейчас всё поменялось. Мы, монахи, привезли сюда многое, чтобы облегчить себе жизнь: генераторы, тракторы, бензопилы, – и безмолвие исчезло. Молодые монахи не могут вынести трудностей монашеской жизни. Старцы, желая оказать им снисхождение, идут на какие-то уступки. Я не осуждаю их – что делать? Но я хочу сказать, что потихоньку многое в монашестве поменялось. Конечно, я не собираюсь никого исправлять, и даже осуждать их нельзя».

Старец сказал: «Нам тревожно за нынешнее монашеское предание Святой Афонской Горы. Оно теряется, поскольку исчезло правильное отношение к старцам, которое должно регулировать всё в нашей жизни. Сегодня у нас тоже есть старцы, но мы их не спрашиваем и делаем, что нам вздумается».

Старец сказал: «Прежние отцы имели другой монашеский дух, другой нрав. У них была великая простота и вера Богу. Они доверяли Богу. Они почитали монашеские установления и уважали самих себя. Поэтому они были достойны уважения. Всегда, спускаясь из келии в Кариес, они надевали рясу. В те времена господствовало уважение к старым монахам. Мы должны соблюдать эти традиции, но при этом у нас не должно быть помыслов, что мы ведём себя правильнее других, и также мы не должны соблюдать эти традиции напоказ, чтобы обличить тех, кто эти традиции не соблюдает».

Старец сказал: «Мы – монахи восьмого дня. Мы не делаем ничего доброго. Мы не можем нести больших подвигов. Будем, по крайней мере, терпеть и не забывать про „Господи, помилуй!“ – и Пресвятая Богородица нас спасёт».

Старец сказал: «В прежние времена отцы ночью выходили с фонариком и на рассвете поднимались на афонскую вершину. Они поднимались туда по благоговению, чтобы поклониться месту, на котором стояли пречистые ноги Пресвятой Богородицы, когда Она явилась святому Максиму Кавсокаливиту».

Старец сказал: «Прежние отцы обладали многим терпением. Невероятным терпением. Что бы ни произошло, они склоняли голову ниц и молчали. Сегодня нам такое поведение не под силу. В прежние времена было много простоты. Монах мог ходить босиком, и никого это не смущало. Монахи были одеты в заплатанные рваные одежды, и никто на это не обращал внимания. Как-то раз один монах, идя по тропинке, встретил старца, который присел отдохнуть и снял скуфью. Как только старец увидел этого монаха, он быстро поднялся и положил перед ним поклон со словами: „Прости, что я был без скуфьи“. В те времена монахи вели себя просто, с искреннейшим уважением друг ко другу. Когда в человеке есть простота, он всё видит хорошим и прекрасным, всех видит святыми. Прежние монахи не знали, что такое обращение „на Вы!“ и „на ты!“; они говорили на своём монашеском языке. Например, они говорили „твоеё преподобие!“ или „твоеё высокопреподобие“, обращаясь к иеромонаху или к игумену. В прежние времена обращения „на Вы!“ не было, однако люди уважали друг друга больше, чем сейчас. Прежние монахи обладали „добрым лицемерием“. У них были добродетели, и они скрывали их, показывали другим, что они якобы страстные люди. Сегодня мы ведём себя совсем по-другому».

Старец рассказывал: «В прежние времена было очень много добродетельных отцов, подвижников, отличавшихся самоотверженностью и странничеством. Но в те времена это не было чем-то удивительным, а было обычным делом, не производило впечатления, не казалось выдающимся. Если бы эти монахи жили сегодня, то мы бы поклонялись им как святым».

Старец рассказывал: «Старые святогорцы жили в нищете.

Их нищета была выстрадана ими. Они предпочитали нищету, хотя могли улучшить свою жизнь. Они тяпкой вскапывали огород и сажали грядку бобов, грядку фасоли – и этого им хватало. Они были настоящими аскетами. А когда Святую Гору наводнили русские и принесли с собой роскошь, то многие отцы этому противостояли. Пока не пришли русские, они освещали свои келии масляными светильниками, и когда заходило солнце, закрывались в келиях и пребывали в безмолвии. Русские привезли с собой керосиновые лампы. Прежние отцы считали эти керосиновые лампы уступкой миру. Все эти уступки – это были мирские бесы для Святой Афонской Горы. А что бы отцы сказали, если бы увидели нас сегодня? Сегодня керосиновые лампы считаются следованием традиции и подвижнической вещью».

Старец сказал: «В прежние времена, когда ты входил в храм и видел отцов, как они стоят в стасидиях, тебя охватывало чувство священного страха. Тогда действительно были настоящие монахи, а сейчас мы любим приятно проводить время».

Старец сказал: «Сегодня в большинстве монастырей оставили прежние обычаи. Например, раньше, когда надо было месить тесто, то сразу после окончания утрени уставщик зажигал переносную лампу, отцы шли за ним, и все вместе месили, творя молитву Иисусову. Один творил молитву Иисусову вслух, а другие работали. Сегодня – всё: такого обычая уже нет. Также сейчас отцы, члены Духовного собора, не говорят прямо или вообще отмалчиваются, когда видят, что принимаются неправильные решения».

Старец сказал: «В прежние времена, когда монахи собирались на престольные праздники, говорили старцы, а мы, молодые, только слушали. Сейчас молодые монахи шутят, а мы, старики, смеемся».

Старец сказал: «С того времени, как я пришёл на Святую Афонскую Гору – 50 лет назад, – монашеская жизнь изменилась процентов на 80. Сейчас к монахам можно применить изречение „спасая спасай свою душу!“⁶⁶. Великий Антоний говорил, что в последние годы, в которые мы живём, человекоубийца будет неистовствовать, поэтому современные святые получают великую благодать⁶⁷, подобно святому Нектарию Эгинскому, который совершает больше чудес, чем древние святые. Несмотря на то что святой Нектарий не совершал великих подвигов, Бог наделил его столь великой благодатью».

Старец рассказывал: «Сегодня монашеская жизнь стала расхлябанной. Возможно, эта расхлябанность – порождение нашей эпохи и явление временное, которое относится не ко всему монашеству, а к отдельным лицам, общинам. И если не будут искажены принципы монашества, если не будет сбита наша цель, то всё можно исправить. Я не боюсь расхлябанности, я боюсь подлога. Святые отцы ставили целью жизни без остатка прилепиться всем своим умом ко Святой Троице. Эта священная цель была для них мерой и компасом на пути ко Христу».

⁶⁶ См. Быт. 19:17.

⁶⁷ См. Достопамятные сказания. Об авве Исхирионе.

Старец сказал: «В прежние времена на Святой Горе было много труда. У нас не было даже мулов. Всё мы делали руками, а передвигались по Афону пешком. Тогда была великая нищета».

Старец сказал: «В прежние времена в общежительных монастырях монашеские постриги, включая постриги в великую схиму, совершались в одном из приделов. Сейчас постригают в соборном храме, торжественно, будто престольный праздник. В те времена всё было просто, потому что тогда думали: „Мы постригаем человека в монахи, а не свадьбу играем, – обойдёмся без оркестра!“».

Старец сказал: «Я не могу осуждать нынешнее состояние, но меня расстраивает и доставляет боль то, что между монахами иссякла любовь. Мы думаем не о том, что нужно нашему ближнему, жив он или уже умер, – но только о себе.

Также в нынешние времена иссякли искренность и прямота. В 1960-70-е годы, когда мы были молодыми монахами, казалось, что это годы греховные. Сегодня же я вижу, что тогда люди не лицемерили, они говорили прямо и поступали честно. Один старенький монах говорил, что Пресвятая Богородица не простит нам отсутствие любви и злоязычие».

Старец рассказывал: «В прежние времена почти все отцы находились в духовном состоянии. После Второй Мировой войны, а главным образом после празднования тысячелетия Афона, дух Святой Горы начал мало-помалу меняться».

Старец сказал: «В прежние времена всё было по-другому, не так, как сейчас. Тогда монахи были малограмотными, но при этом – людьми другого сорта. Они оказывали большее послушание. Сейчас монахи больны рационализмом, и им сложно помочь. Наш игумен говорил: „Пятьдесят пять монахов не доставляют нам столько проблем, сколько один образованный!“».

Старец сказал: «Всякий раз, когда я отдавал работе все свои силы, я не изнемогал. В миру я был болен туберкулёзом, однако Божественная благодать даёт мне силы, и я тружусь без устали. Конечно, иногда я тоже могу возроптать, но, заметив это, я говорю себе: „Заткнись и делай своё дело“. Мы сегодня – жалкие нытики, у нас нет жертвенности. А ведь мы должны приносить себя в жертву ради другого. Но вместо этого мы всё время себя оправдываем, всё время сказываемся хворыми и хотим, чтобы другие заметили, что мы больны. Наш старец называет нынешних „болящее поколение!“».

Старец рассказывал: «В прежние времена отцы умели прощать. Возможно, как и у всех людей, у них иногда случались между собой какие-то недоразумения. Но они тут же прощали друг друга, не держали никакого зла. Сегодня, к несчастью, есть такие монахи, которые могут не разговаривать с братом по целому году, даже не говорить ему „благословите“. Да сегодня действительно много подвижников, но это подвижничество по преслушанию, ради собственной воли. И прежние монахи имели странности и даже страсти, но их добродетели и простота были больше и сильнее.

В прежние времена мы иногда выходили из монастыря и сидели возле монастырской беседки. Мы, молодые, садились внизу на каменную приступку, а старые монахи – выше. Болтовни и сплетен, как сейчас, не было. Можно было услышать, как старые монахи говорят о серьёзных вещах. Но сегодня молодёжь стариков не слушает».

Старец сказал: «Есть некоторые молодые монахи, которые хотят быть неуправляемыми. Но монах, который не подчиняется, – не монах. Я 45 лет был послушником и был тогда совершенно беззаботным. Что бы со мной ни происходило, я отвечал: „У меня есть старец“. А сейчас я сам несу за всё ответственность.

Сегодня всё поменялось. Мы любим мир и часто выезжаем со Святой Афонской Горы. У нас есть всё, кроме монашеской жизни. Возможно, причина в том, что на Афон сейчас приезжает много мирских людей, или в том, что у нас переизбыток всяких материальных благ и мы не испытываем лишений. Когда мне изредка надо выехать в мир, я могу встретить в Дафни аж 50 монахов, которые ждут корабля, чтобы выехать в мир. Ну куда они все едут? Они выезжают в мир так часто и так надолго! Неужели им это по душе?

Мой старец говорил одному человеку: „Я не оставлю своим монахам ни драхмы. Как я работал много лет, пусть так же работают и они. Старцы, которые оставили своим монахам деньги, подложили им свинью: потом их монахи сняли рясы и ушли в мир“. Спаси, Господи, моего старца. Мы приняли его последнее благословение, и всё у нас хорошо».

Старец сказал: «Сегодня монахи поменялись. Они не любят труд».

Старец сказал: «Эх, молодёжь!.. Каждый знает, что ему следует по закону, на что он имеет право... Пусть лучше молодой монах делает добро, живёт правильно, пока он жив. Или он надеется, что после смерти ему помогут панихиды? Так или иначе прежние монахи жили простой жизнью. Они не могли насытиться чтением и молитвой, особенно в Великий пост. В прежние времена было много добродетельных отцов».

Старец сказал: «В прежние времена бензопил не было.

Лес валили топорами. Так и говорили: „У нас сегодня в лесу работает столько-то топоров“. Тогда на Святой Афонской Горе было безмолвие. Слышался только стук топоров да цоканье копыт по мощёным горным тропам».

Старец сказал: «Мы должны удерживать предание, уставы наших отцов и не должны модернизировать их, следуя новым уставам, потому что за это мы дадим ответ Богу. Мы должны с почтением относиться к тому, что нам передано от бывших перед нами отцов».

Старец сказал: «Монаху доставляют пользу не столько аскеза и посты, сколько удаление от общения с миром.

Именно общение с миром так испортило монашество сегодня, и нет уже прежнего духа, который имели тогда все отцы, жившие духовно и стяжавшие добродетели».

Старец сказал: «Сегодня Святая Гора изобилует монахами, но не духовной жизнью».

Старец сказал: «Сегодня тяжело найти человека, который сам живёт монашеской жизнью и тебе сможет рассказать о ней. Я говорю тебе это со скорбью. Прости меня, что я говорю об этом, но такого человека действительно не найдёшь».

Старец сказал: «В прежние времена, если монах дотронулся до кошки, то 24 часа ему нельзя было причащаться».

Старец сказал: «Сегодня – время послушания самоуправству. Погляди: все каливы и пустыня заполнились монахами. В раю Адам хотел спастись без Бога, а сегодня мы хотим спастись без старца. Однако путь монашеской жизни один – послушание. А учение нашей эпохи – жизнь по собственной воле. Однако монашеский опыт показывает, что живущий по своей воле либо становится бесноватым, либо впадает в прелесть».

Старец сказал: «Когда в 1942 году я пришёл на Святую Афонскую Гору, чтобы стать монахом, я застал здесь необыкновенное духовное сокровище. Я познакомился со многими отцами, которые были велики в терпении. Я спрашивал у них совета, и они мне говорили: „Если хочешь стать хорошим монахом, оказывай послушание. Кроме послушания не ищи ничего другого“.

В те времена на Святой Горе было 3 500 монахов и между отцами была любовь. Сегодня, к несчастью, любовь иссякла. В те годы была духовная любовь, с помощью которой мы носили немощи своего брата. Что бы ни произошло, мы должны говорить, что мы сами – причина искушений и соблазнов.

В келии, где я жил, я застал трёх старых монахов. Вода у нас была дождевая из цистерны. И мы её пили. Одежду я клал в тележку, которую сам смастерил, и возил её на горный ручей, чтобы там стирать. У нас был устав: не выходить из каливы без великой нужды. Мы приносили в каливу два мешка сухарей, и этого нам хватало на зиму, чтобы питаться и не выходить из каливы.

В Великий пост первые три дня мы воздерживались от пищи и воды. На Преждеосвященной Литургии в среду причащались, но потом всё равно не вкушали, только пили кофе с сухариком, а трапеза была уже в субботу. Про четверг и пятницу старец говорил нам: „Каждый пусть постится по силам. Кто не может, благословляется выпить чаю“.

Великим постом трапеза была у нас раз в день – в 6 часов по святогорскому времени (около полудня). Мы молились по чёткам, но и службы по книгам тоже читали. Старец говорил: „Чётки – дело хорошее, но благодаря службе ты приобретаешь знание“. Старец учил нас, что величайшим подвигом монаха является послушание.

На Святой Афонской Горе монашеский чин сохранился до сего дня. От нашего произволения зависит – удастся ли нам передать следующему поколению то, что мы переняли от святых отцов-святогорцев. У нас есть живые примеры – наши старцы. То, что они нам говорили, они не на базаре купили, а приняли это от своих старцев. И так, если идти от старцев к старцам вглубь веков, мы дойдём до самого преподобного Афанасия Афонского».

Старец сказал: «В прежние времена было много добродетельных отцов, которых сегодня уже не встретишь. Сегодня приходят молодые люди, чада современной эпохи, и они думают, что Святая Гора – это то, что они видят перед собой сейчас. Они не видят и примеров от нас, старых монахов. А ведь каждый следует той традиции, которую он воспринимает. Однако сегодня Святая Афонская Гора совсем не такая, как прежде.

Сегодня такая эпоха, что каждому надо постараться сдерживать себя, чтобы не увлечься этим общим расслабленным духом и не впасть в нерадение. Как это сделать? Через послушание, любовь, чтение аскетических творений, дающих нам силу, через совершение богослужений и наших монашеских обязанностей. Чем больше человек будет прилагать к этому усердие, тем большую мудрость будет давать ему Господь. Он подаст ему и рассуждение, как себя вести, и желание подниматься в эту духовную гору.

Годы, которые мы переживаем, очень тяжёлые. Куда бы ты ни обратился взгляд, везде наткнёшься на что-то недоброе. Сегодня мирские люди со своими проблемами утомили монахов. Монахи устали, они хотят безмолвия. И они не расположены рассказывать о прежних старцах. Кроме того, у нас появилось неистовое желание строить, строить и строить. Вместо того чтобы созидать нашу душу и нравственность, мы созидаем кирпичные стены, выкладываем красивые арки, мраморные полы, и думаем, что за всё это нам скажут: „Какие вы молодцы!!“ Но молодцами назовёт нас Бог за наши добродетели или даже люди, если они увидят не кирпичи с цементом, а добродетели. А за стройки люди нас ещё и осуждают, так как они чрезмерны. Люди начинают думать о том, откуда у монахов-нестяжателей столько денег.

Однако сегодня молодые монахи не могут этого понять. Поэтому мы, опираясь на наших отцов, стараемся идти вперёд. После пищи телесной пусть это старание будет нашей пищей, а недостающее восполнит благодать Божия. Хорошего во многом не найдёшь. Хорошее найдёшь в малом и в применении этого малого на деле».

Старец сказал: «Какую же сильную веру и какое подвижничество мы видели в прежних отцах! Мы, новое поколение, так не живём, и нам кажется, что всё это далеко-далеко. Это внушает беспокойство. Те старцы были настоящим сокровищем. А у более молодых – другой дух. С нами произошла та же беда, что и в коммунистических государствах: там потеряли преемственность предания. Монахи в тех странах не имели старцев, чтобы получить совет, и оказались духовными сиротами.

Я смотрел на старых монахов в нашем монастыре и удивлялся: „Какие же они жёсткие! Но почему они такие жёсткие? Жить столько лет в монастыре и иметь такую жёсткость? Не могу этого понять“. А когда прошло много лет, то все мои недоумения разрешились. Я увидел, что кончина этих старых монахов была доброй и мирной. В старости они стали очень мягкими, кроткими, как ягнята. Ведь ягнёнок — это самое милое животное из всех. Именно такими и стали к старости некогда жёсткие монахи. Так Бог, Всеведец, Который знает настоящее и будущее, увидев, что монах достигает доброго духовного устройства, скажем так, бесстрастия, забирает его, и душа этого человека улетает к Богу, подобно птичке.

Мы, более молодые, поддаёмся искушению, которое всё портит. Господь говорит нам: *Не судите, да не судимы будете*, а также: *В нюже мѣру мѣрите, отмѣрится вам*⁶⁸. Мы не храним этой заповеди, мы судим и осуждаем. Тем самым ведём себя непоследовательно, да ещё и не придаём этому значения. Вот здесь – подводный риф, на который налетает наш духовный

⁶⁸ Мф. 7:1–2.

корабль. И как после всего этого мы можем достичь той жизни, которой жили прежние отцы? У нас нет права судить других, мы должны осуждать только самих себя. Мы должны всегда говорить: „Боже мой, прости меня. Это я виноват во всём. Помоги мне“. Однако со своей стороны слова „Бог тебя простит!“ нам приходится из себя выдавливать, и мы не прощаем нашего ближнего, если он в чём-то перед нами виноват».

Старец сказал: «К несчастью, сегодня ушло тепло в отношениях между монахами. В прежние времена ты приходил в монастырь, чтобы поклониться святыням, и первым делом тебя вели в архондарик, угощали, расспрашивали, как твои дела. Смысл был не в угощении, а скорее в братском общении. Сегодня приходишь в монастырь, и тебе говорят: „Поднимись на такой-то этаж, там стоят кружки и вода с лукумом – угостись сам“. К счастью, так не везде, и я рад, что в некоторых монастырях отцы придерживаются старой традиции.

В прежние времена в монастырях запрещалось иметь церковные лавки. Только монахам-келиотам было разрешено продавать своё рукоделие, чтобы заработать себе на жизнь.

Приходят на память сцены, которые я видел раньше, когда был молодым, после престольных праздников в монастырях: отцы-келиоты уходили из обителей с полными сумками благословений – с хлебом, сыром, маслом, вином... Сейчас такого почти не встретишь. И это происходило несмотря на то, что в те годы монастыри были намного беднее. Монастыри были беднее, но милостыня в них была богаче.

Сегодня, к несчастью, мы видим равнодушие к духовному. Нас в большей степени интересует материальное. В прежние времена, даже в не столь большие праздники, запрещалось работать, а сегодня, увы, на Святой Горе происходит то же самое, что в миру: к нам пришло пресловутое обмирщение. А в те времена даже в небольшие праздники в монастырях строго следили за тем, чтобы никто не работал. Вот и ответь: благословенны ли те здания, которые сегодня строятся в праздничные дни?»

Старец сказал: «В те годы, когда я пришёл на Святую Афонскую Гору, незадолго до 1950 года, монашество было не таким, как сегодня. Тогда, чтобы выехать в мир, должна была быть очень веская причина, например какая-то серьёзная болезнь и необходимость лечь в больницу. Сделав своё дело, монахи тут же возвращались на Афон. Для встреч с родителями и родственниками монахи в мир не выезжали. А сегодня чуть ли не каждый день: туда-обратно. Сегодня монашеская жизнь разболталась.

В прежние времена отцы, жившие в нашей местности на Афоне, были зилóтами⁶⁹, однако очень многие из них были хорошими монахами и подвижниками.

Монашеская жизнь основывается на послушании, простоте и искренности. Послушник должен иметь доверие к своему старцу и всё совершать по послушанию. Он не должен ничего скрывать от своего старца и не должен иметь собственной воли. Если он так поступает, то он получает благодать Божию и преуспевает. Собственная воля для монаха – это сам диавол.

Сегодня на Святой Афонской Горе появилось очень много разболтанности, однако Афон не перестал быть Святой Горой, и на нём есть монахи, которые подвизаются. Расхлябанность и ревность зависят от того, какой багаж монах принёс с собой из мира. Будем благодарить Бога, Который забрал нас из мирской суеты и причислил нас к ангельскому житию. Не будем забывать, для чего мы стали монахами, и постараемся хорошо закончить то, что мы начали. Как говорили прежние отцы, приветствуя один другого: „Да подаст нам Бог добрую старость!“ – или как мы сейчас говорим: „... кончину благую!“».

Старец сказал: «Вообще-то сведений о жизни старых монахов сохранилось очень мало. Это произошло потому, что в прежние времена не было этого нынешнего духа раскапывания чужой личной жизни. Каждый был занят собственной борьбой, и даже если послушники какого-нибудь старца что-то о нём знали, то не рассказывали об этом всем, они держали это в тайне. Они могли рассказать что-то духовно близким отцам. Особенностью прежних отцов было сохранение тайны подвига, а также страх, что их подвиг заметят другие. Они стремились избежать преувеличений, похвалы, человекоугодия. Отцы берегли то, что с таким трудом старались приобрести».

Старец сказал: «Я пришёл на Святую Гору в 1936 году. Я был знаком с преподобным Силуаном Афонским, с отцом Софронием (Сахаровым) и со старцем Тихоном. В те времена был не один Силуан, было много таких подвижников.

Монашеская жизнь требует подвига, борьбы. Наш злейший враг – это мы сами. Если молодой монах будет болтаться туда-сюда, то для него это станет величайшей катастрофой».

⁶⁹ Зилóты – «ревнители чистой веры», не поддерживающие молитвенного общения со Вселенской Патриархией по причине её экуменических контактов и перехода на новый стиль.

Старец сказал: «Все старые отцы считали добродетель странничества⁷⁰ монашеским долгом. Сегодня мы, более молодые, „перелистнули эту страницу“. Уклонение от мира уже не стоит для нас в ряду монашеских обетов, и мы начинаем свою монашескую жизнь, не относясь к странничеству как к долгу, – конечно, кроме немногих тех, кто действительно подвизается».

Старец сказал: «В прежние времена, когда я приходил в какой-нибудь монастырь и видел старых отцов, то мной овладевало чувство священного трепета. А сейчас нам этого духа не хватает. В прежние времена не было дорог, и тем не менее духовное сообщение между отцами было лучше. Если мы шли пешком, то по дороге встречали других отцов, которые тоже куда-то шли. Автомобильные дороги испортили Святую Афонскую Гору, не надо было их делать. Ведь те, кому нравилась простая жизнь, хоть она и была трудной, всё равно приезжали бы сюда и боролись здесь, и таким образом продолжалось бы предание. А когда проложили дороги, то увеличилось число паломников. И сейчас, чтобы монастырям справляться с их наплывом, надо прилагать очень много труда и усилий. В прежние времена, в какой бы ты монастырь ни пришёл, тебя всегда оставляли на ночь, оказывали гостеприимство. Поэтому, насколько можем, будем жить просто и смиренно, без роскоши и комфорта, и не будем выезжать в мир. Вот безопасный путь. Выезжая в мир, монах получает вред. Мир сожрал многих монахов».

Добродетельный старец сказал: «Когда вы увидите на Святой Горе свинью с железным рылом, то есть бульдозер, знайте, что приближается конец Святой Афонской Горы».

Старец сказал: «В прежние времена монашеская жизнь имела ограничения; она не была такой; как сейчас. В те времена послушник никуда не ходил без благословения. Отправляясь по делу он приходил, говорил, что надо, и уходил без сплетен и лишних бесед. В прежние времена было очень мало монахов, которые хотели узнать новости, поболтать. Сегодня наоборот. В те годы вместо радио у нас была Псалтирь, и монашеское правило было на своём месте.

С того времени, как я пришёл на Афон, и до сегодняшнего дня дела идут всё хуже и хуже. Мы повторяем: „Это не страшно, то не страшно!“ – всему находим оправдание.

В прежние времена монахи не выезжали в мир, не получив благословения от монастыря и разрешения от Священного Кинота.

Насколько возможно, будем со вниманием относиться к послушанию, к нашему монашескому правилу, к богослужению и к частому Божественному Причащению. Будем внимательны в словах, не будем говорить ложь. Будем избегать компаний и любопытства. Будем читать духовные книги и избегать чтения газет.

Молитву Иисусову можно творить круглые сутки, кроме, конечно, времени, когда мы спим. Но днём, если мы не находимся на общей молитве, будем творить молитву Иисусову.

И если нам тяжело творить её в уме, будем произносить её вслух».

⁷⁰ Странничество – решительное отречение от мира, прерывание связи со своими родными и близкими.

Старые святогорцы говорили:

«Послушание – жизнь, преслушание – смерть».

«В греческом алфавите 24 буквы. В монашеском алфавите букв только две: „прости!“ и „да будет благословенно!“».

«Лучше с чётками – ив рай, чем с епитрахилью – ив вечную муку».

«Ты не можешь стать старцем, если сам не позаботишься о старости и последних днях своего старца».

«Лучше испортить отношения с Богом, чем со своим старцем».

«Кто уважает и любит своего старца, тот уважает и любит Самого Бога».

«Хороший послушник становится хорошим старцем».

«Ты похоронил старца? Не бойся: найдётся монах, который похоронит тебя».

«Как молодой монах начнёт свою монашескую жизнь, таким будет и его конец».

«В начале монах должен иметь ревность высотой с Афонскую Гору, чтобы под конец жизни у него осталось ревности размером с маленький камушек».

«Если монахи совершают свои духовные обязанности, то Пресвятая Богородица даёт им всё необходимое для жизни».

«Ты нашёл хорошего старца и подходящий климат для твоего здоровья? Ты нашёл рай».

«Кто ни разу не поднимался на вершину Афона – не святогорец».

«Если монах не может усидеть на одном месте, то пусть он, по крайней мере, привяжет себя к вершине Афона длинной верёвкой и ходит вокруг Святой Горы, но в мир не выезжает».

«Доброго терпения много раз!»

«Бойся трёх вещей: печки, которая дымит, крыши, которая протекает, и монашеского братства, которое ропщет».

«Человек женатый становится святым, а монах не становится. (Конечно, есть и исключения)»⁷¹.

«Чтобы преуспеть, монах должен принимать поругания и замечания, подобно тому, как вершина Афона принимает на себя молнии и грозы, после которых она выглядит ещё прекраснее».

«Если ты вспотел, поменяй майку. На Афоне заболел не один добрый молодец».

«Когда иеромонах уже не может стоять на ногах перед святым престолом, то он должен оставить служение Божественной Литургии. Так говорит предание отцов».

«На престольном празднике келии званые гости – это гости хозяина, а незваные – это гости святого, память которого совершается. Нельзя выгонять никого, кто пришёл на престольный праздник».

«Когда голова станет ногами, а ноги – головой, то есть когда юные заберут власть у старцев, тогда придёт конец монашеской жизни».

«Сейчас патерик изменился. В нынешнем патерике написано: „Юнец рече“, тогда как в прежние времена в нём было написано: „Старец рече!“».

«За добродетельной жизнью следует и добрая кончина».

«Если старец не воспитывает своего послушника, то в иной жизни тот будет его проклинать».

«Монашеская жизнь не для леженок и сладкоежек».

«Если ты кого-то осуждал, то впадёшь в то же самое».

«Чем больше ты берёшь, тем больше заполняются твои руки. Чем больше ты отдаёшь, тем больше наполняется твоё сердце».

⁷¹ Вероятно, старцы говорили так по смирению.

Прежние отцы пророчески говорили: «Придёт время, когда человек будет идти от Лавры в Кариес и не встретит ни одного монаха. Конечно, он встретит много людей в рясах, но молящихся монахов среди них не будет».

«Пресвятая Богородица выгнала всех демонов со Святой Горы и оставила только одного бесёнка, чтобы он немного искушал монахов и они подвизались и не впадали в нерадение». (А насельники Лавры говорят, что святой Афанасий изгнал бесов в места Юра́ или в Сканзу́ра).

Старые святогорцы:

Не выезжали в мир.

По воскресеньям и в праздничные дни они не только не работали, но даже и не запрягали животных, чтобы пойти в Кариес или Дафни за покупками.

Великим постом они запасались продовольствием, чтобы у них не было нужды ходить в Кариес. Весь Великий пост они сидели у себя в келиях, пребывая в безмолвии, покаянии и молитве. Разговоров, в которых не было крайней необходимости, они не вели даже внутри братства.

Они хранили настоящее странничество. Они не писали писем и не звонили по телефону (да в прежние времена и не было никаких телефонов). Они не посещали своих родственников по плоти.

Собираясь пройти через площадь в Кариес, они надевали рясу. А в более давние времена ещё и куколь.

Они ходили пешком с Виглы в Кариес⁷², чтобы продать своё рукоделие. Они шли 5–6 часов с мешком за плечами и чётками в руках и в тот же самый день возвращались к себе в келию. Прежние отцы рассказывали, что в те времена на Святой Горе было столько деревьев, что почти всю дорогу они шли в тени. Впоследствии русские монахи срубили эти деревья, чтобы сделать уголь.

Подвижники из скита святой Анны приплывали в Дафни на вёсельной лодке⁷³, совершая в пути богослужение.

В прежние времена монахи перед каждым Божественным Причащением строго постились три дня, не вкушая даже растительного масла. Этот пост исполнялся непременно. Монахи причащались каждые две недели.

Земля на Святой Афонской Горе освящена следами святых, а также тем, что полита потом и кровью отцов. Давным-давно один мирянин осуждал монахов за то, что они строят келии. Тогда ему явился ангел и сказал: «Возьми горсть земли и сожми её». Человек сделал это, и из земли потекла кровь.

В прежние времена на Святой Афонской Горе было уважение и благоговение юных монахов к старцам.

Отец Никанор Кавсокаливит рассказывал, что, когда он был послушником, в скиту было ещё человек десять послушников. Во время богослужения им не разрешалось стоять ни в храме, ни в притворе. Они стояли ещё дальше, там, где хранились веники да швабры.

Старец Хрисанф рассказывал, что в Протате послушники стояли вне храма под аркой, где были для них стасидии. В те времена молодой монах даже не мог помыслить, чтобы приблизиться к клиросу и петь.

В кутлумушском скиту был один старец, который, видя, что молодой монах прогуливается по скиту, давал ему палкой по спине – если, конечно, монах не шёл куда-то по послушанию.

⁷² Расстояние от Виглы до Кариес около 30–40 км.

⁷³ От скита св. Анны до Дафни корабль плывёт около часа, а лодка, естественно, гораздо дольше.

Один монах из Кариес, которому было больше 70 лет, ни разу в жизни не ходил ни в Ивиرون, ни даже в Кутлумуш⁷⁴, поскольку, когда он был молодым, старцы их келии не разрешили ходить куда-то без особой надобности.

В прежние времена в монастырях была следующая традиция: периодически в обитель приглашали духовника извне, обычно из пустыни. Монахи, у которых были помыслы против игумена и недоразумения с ним, исповедовались этому духовнику, и духовник помогал им восстановить отношения с игуменом. И в целом он помогал своей рассудительностью и добродетелью всему монастырю⁷⁵.

В те времена отцы были нищими и очень нуждались, но их лица светились от радости. Они очень много трудились, сажали овощи на огороде, а сегодня монахи всё покупают. В прежние времена было уважение. Чтобы пойти в Кариес, надо было надеть рясу и куколь.

В прежние времена Лавра не разрешала, чтобы молодые монахи жили в келиях без духовного руководства. В лаврские келии посылали лесничих, и они спрашивали молодых монахов: «У тебя есть духовник? Кто?» И если они убеждались, что у монаха нет духовника или он посещает его редко, то они его выгоняли из келии.

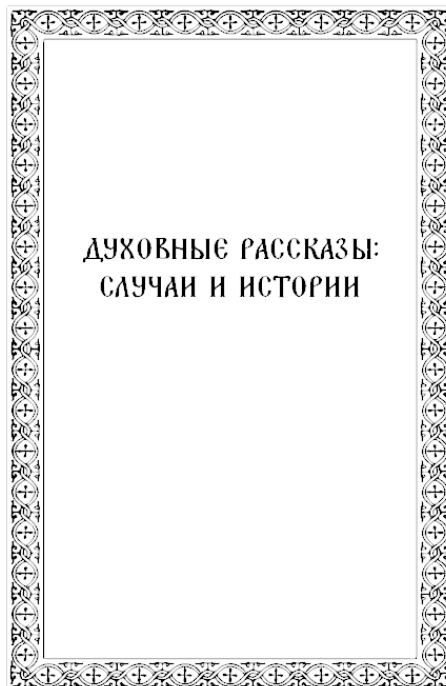
В прежние времена у духовника была власть, и все это признавали. Духовники были уважаемыми людьми, и их слово было непререкаемым, пусть даже некоторые и расстраивались. Если кто-то говорил: «Так мне благословил духовник», то все смирялись и соглашались с этим. Сегодня всё по-другому.

Прежние монахи имели добродетель и скрывались. Некоторые изображали из себя сумасшедших. Старцы были жёсткими людьми. Ты боялся с ними заговорить, однако они были настоящими монахами.

⁷⁴ Пешего хода от Кариес до Ивирона – около часа, до Кутлумуша — около 10 минут.

⁷⁵ В афонских монастырях игумен является и духовником, которому исповедуется вся братия.

Духовные рассказы: случаи и истории

Гора Кармил на Афонском полуострове

Храм пророка Божия Илии на вершине горы Кармил

Покаяние епископа-отступника

В эпоху турецкого владычества один из епископов Вселенской Патриархии по зависти лукавого отступил от христианской веры и стал мусульманином. Однажды во время праздника Вайрам, когда все турки пировали и веселились, отступника попросили изобразить христианские таинства всем на потеху. Тот начал отказываться, однако турки настаивали. Бывший епископ взял кубок, высоко поднял его и мелодично, нараспев возглашая: «Всех вас да помянет Господь Бог...», медленно пошёл вокруг стола, за которым сидели и пировали турки. Потом он поставил кубок на стол и обернулся посмотреть, развлёк ли он их таким способом. С изумлением он увидел, что турки вовсе не смеялись, а смотрели на него, дрожа от страха.

– Ну что же вы, – сказал он, – я вас тут смешу, смешу, а вы на меня пялитесь, как на безумца?

Один из турков прервал молчание:

– Папа́ эфёнди⁷⁶, а ты знаешь, что ты сейчас ходил, на два локтя поднявшись над землёй?

Епископ изумился и, выйдя вон, начал плакать горько: «Я отрёкся от Господа, однако Он меня не оставил. Его Божественная благодать ещё меня покрывает».

В ту же ночь он тайно удалился на Святую Афонскую Гору, где всю оставшуюся жизнь прожил в покаянии и самоотречении. О том, кто он, не знал ни один человек, кроме его духовника.

⁷⁶ *Папа́* (от греч. *παπάς* «священник, поп») – отец. *Эфёнди* – (от тур. *efendi* «господин») – вежливая форма обращения в Турции.

Пираты, которые почтили добродетель

Келия Янакопула, которая находится за пещерой святого Афанасия Афонского, стала называться так от слова «янакопеда»⁷⁷ – в память о женщинах и детях, которых выслали со Святой Горы и отправили на полуостров Пелопоннес после прихода Пресвятой Богородицы на Афон⁷⁸.

Вот в этой-то келии Янакопула очень давно жило братство добродетельных отцов. Однажды к келии приплыли пираты, чтобы их ограбить. Однако, увидев благоговение отцов, их смиренный внешний вид и поведение, пираты растерялись и, вместо того чтобы ограбить их, признались: «Мы приплыли сюда, чтобы сделать вам зло, но видим, что вы хорошие люди, и поэтому вас не тронем». Увидев, что отцы вынимают из печи хлеб, пираты попросили дать им хлеба. Отцы отдали им всё, что испекли, и пираты в благодарность заплатили им за хлеб золотыми монетами и уплыли. В этом случае исполнилось изречение: «Видя добродетель мужей, и супостат приходит в восхищение»⁷⁹.

⁷⁷ Греч, γυναικόπαιδα — доед, «женщины и дети».

⁷⁸ В I веке, ещё в Своей земной жизни, Пресвятая Богородица посетила Афон: судно, на котором Она совершала плавание, было отнесено волнами к берегам полуострова, тогда ещё населённого язычниками. Божия Матерь обратила жителей Афона ко Христу и пообещала, что будет «сему месту Заступницей и Ходатаицей о нём к Богу». По преданию, уже с V века женщинам не разрешается жить на Афоне, а самый первый Устав Святой Горы (972 г.) запрещал ступать на афонскую землю детям, отрокам и евнухам.

⁷⁹ «Добродетели бо весть чудитися и супостатъ». См.: Миния декабрь, 17-й день. Память святого пророка Даниила и святых трёх отроков. Стихиры на «Господи воззвах».

Добрая кончина послушника

Старец Хаджи-Георгий рассказал русскому архимандриту и духовнику отцу Макарию о кончине одного из своих учеников (монаха Гавриила) и о его предсмертных видениях:

«На днях скончался наш брат великосхимник Гавриил, которому было 26 лет. Перед кончиной он был болен всего две недели. За два дня до кончины ему было следующее видение. Явились четыре юноши, облачённые в диаконские стихари и препоясанные орарями. Эти юноши стали приглашать отца Гавриила отправиться с ними в путешествие. Он ответил им:

– О, как я хотел бы отправиться с вами в путь, куда бы вы меня ни повели! Но без благословения моего старца я не дерзаю переступить порог келии. Погодите немного, пока я возьму у него благословение.

Юноши согласились подождать. Отец Гавриил позвал меня и сказал:

– Отче, вот пришли забрать меня четыре юных диакона, облачённые в священные одежды. Они зовут меня отправиться куда-то с ними вместе. Дай мне благословение пойти с ними. Я вижу, что они очень хорошие люди, любят меня и хотят забрать туда, где живут сами. Куда бы они меня ни привели, вместе с ними мне везде будет хорошо и спокойно. Итак прошу тебя, отче, побыстрее разреши мне отправиться в путь вместе с ними.

Услышав это, я подумал, что, может быть, отец Гавриил бредит из-за своей болезни или, возможно, он находится в бесовском обольщении. Поэтому я сказал ему:

– Осени себя крестным знаменем, сотвори молитву Иисусову и ответь тем, кто пришёл за тобой: „Я не могу отправиться с вами, меня не отпускает старец, потому что ни он, ни я не знаем, что вы за люди“.

То что я велел ему сделать, отец Гавриил сделал немедленно, прямо перед моими глазами. Но явившиеся юноши ответили ему:

– Мы даём тебе ещё три дня срока, чтобы ты как следует подумал и подготовился к предстоящему путешествию. А через три дня, хочешь не хочешь, мы придём и всё равно тебя заберём.

Сказав это, юноши сделались невидимыми. Больной, передав мне их слова, был очень радостным и мирным, тихим, словно он совершенно выздоровел. И однако, несмотря на это изменение, я предчувствовал, что он долго не проживёт. Я попросил иеромонаха нашего братства совершить над ним таинство Святого Елеосвящения и ежедневно причащать его – и сам больной этого, естественно, хотел. На третий день после явления юношей отец Гавриил начал таять на глазах, в то время как дух его оставался мирным и тихим, как и раньше. Он не терял чувств вплоть до последнего издыхания. За час до его кончины один находившийся рядом брат, который живёт неподалёку от нас, попросил у отца Гавриила оставить ему что-нибудь в благословение. Больной ответил:

– Ну что я тебе дам? Ты же знаешь, что у меня нет ничего моего. Ну вот, если хочешь, возьми из того угла один из пяти маленьких камушков, которые я поочередно держал у себя во рту чтобы не празднословить.

Но другой брат, который стоял рядом с нами, заметил:

– Отец Гавриил, но ведь эти камни тоже не твои, они – Божии, и ты не можешь отдать ни один из них без благословения нашего старца.

– Тогда простите меня за своеволие, – ответил больной.

Сказав это, он начал дышать всё чаще и чаще, всё тяжелее и тяжелее. Его взор переходил то направо, то налево. Внимательно посмотрев на него, я заметил, что он улыбается. Потом мы все услышали, что он говорит:

– Вот пришли забрать меня те четыре диакона, а вместе с ними ещё один новый диакон. Поэтому сейчас прости меня, отче, и дай мне твоё благословение отправиться вместе с ними в путь.

– Сам Бог да благословит тебя, чадо, переселиться в вечную жизнь. Иди и молись там Святой Троице за нас, грешных, – ответил я ему.

Сразу же после этих слов, ничего не произнеся, отец Гавриил мирно и тихо отошёл ко Господу.

Блаженнопочивший отец Гавриил пришёл в нашу келию, когда ему было 16 лет, и почил о Господе на 26 году своей жизни. Все годы, которые он жил вместе с нами, он был очень кротким и послушливым, имел любовь ко всем, и все любили его. Бог да удостоит его Царства Небесного»⁸⁰.

⁸⁰ Этот рассказ был написан на русском языке иеромонахом Свяжского монастыря Пресвятой Богородицы отцом Михаилом, который был пострижен в монахи в монастыре святого великомученика Пантелеймона на Святой Афонской Горе. Отец Михаил был очевидцем и своими ушами слышал этот рассказ. Этот рассказ был напечатан в Петербурге с разрешения Цензурного Комитета 2 августа 1881 года. – *Прим. греч. изд.*

Сборище бесов

Много лет назад в келии Фалакру́ (это старая обитель недалеко от местности Колицу́) жил один добродетельный духовник. Однажды в полнолуние он услышал оживлённый разговор. Духовник поглядел, не идут ли люди. Однако никто не появлялся. Тогда он пошёл в сторону голосов и пришёл к роднику. Там он увидел сборище бесов. Добродетельный духовник спросил их, о чём они спорят. Один из бесов ответил: «Мы спорим о том, как лучше накинуть уздечку на игуменов, чтобы и все остальные монахи тоже последовали за нами».

Подвижническая пещера недалеко от Кариес

Диакон Дионисий Фирфирис, искуснейший певчий Святой Афонской Горы, рассказывал, что молодым монахом он вместе со своими старцами ходил петь Божественную Литургию в одну огромную пещеру. В этой пещере хранились останки подвижавшихся там отцов – возможно, среди этих останков были и святые мощи.

В житии преподобного Нифонта Дионисиатского, патриарха Константинопольского, говорится следующее: «Обходя скиты в Кариес, преподобный находил множество добродетельных мужей, и душа его радовалась... После он пришёл в пещеру под названием Крит, в которой обитали дивные подвижники, проводившие свою жизнь в великой тесноте. Подивившись их необычайному терпению, Нифонт провёл вместе с ними некоторое время, уча и учась, зарабатывая на хлеб переписыванием книг»⁸¹.

Устное предание древних святогорских отцов говорит о том, что недалеко от Кариес есть пещера, хотя непонятно, та ли это пещера, о которой говорит житие святого Нифонта.

Один мирянин, работающий на Святой Афонской Горе, свидетельствует о том, что он видел вход в эту пещеру. Он говорит, что этот вход находится ниже Панагуды, возле тропы, которая идёт из Кариес в Ивиرون. Старец Мелетий Сикиот⁸² рассказывал, что тоже видел эту пещеру. Недалеко от тропы, которая ведёт к Ивиرونу, рядом с местом, где растут масличные деревья, позади кутлумушской мельницы, у моста через поток была известковая печь. Как-то раз монастырские рабочие, заготавливая дрова для этой печи, нашли вход в пещеру. Они увидели явные признаки того, что пещера обитаема: кувшин с водой, сухари, чётки... Они попробовали дождаться отшельника, но никто так и не пришёл. По всей вероятности, услышав их голоса, он спрятался. Работники ночевали в келии Малаки и показали пещеру старцу Мелетию.

Об этой пещере знал и старец Павел Гавделас⁸³. Он рассказывал о ней своему послушнику отцу Агафангелу и говорил, что она находится недалеко от печи возле Иверского потока.

Старец Паисий Святогорец слышал от прежних отцов об этой пещере, знал примерно, где она находится, и собирался когда-нибудь пойти её отыскать.

В этой пещере 20 лет жил старец Фока-румын, и его кормил сухарями иеромонах Максим⁸⁴, иверский духовник, который следил за духовным состоянием отца Фоки и исповедовал его.

⁸¹ Новый эклогион / Сост. прп. Никодим Святогорец. Псков, 2008. С. 607. Память святителя Нифонта празднуется 11 (24) августа.

⁸² См. о нём: Новый Афонский патерик. Т. 2. С. 170–179.

⁸³ См. о нём: Там же. С. 187–189.

⁸⁴ См. о нём: Там же. С. 166–168.

Пресвятая Богородица учит монаха рукоделию

Старые святогорские отцы рассказывают, что некогда в Новом скиту жил один благоговейный подвижник. Однако не умея ничего делать своими руками, этот монах жил милостыней. И вот однажды ему явилась Пресвятая Богородица и сказала:

– Почему ты живёшь подаянием и не работаешь?

В страхе монах ответил:

– Что же мне делать? Ведь я не знаю никакого рукоделия.

– Вырезай ложки, – сказала Мать Божия и показала, как это делать. Затем Она вручила ему небольшой сундучок с инструментами. Этот сундучок хранится в Новом скиту.

Из этого случая ясно, что монах должен трудиться и зарабатывать себе на жизнь. Ему не подобает в праздности есть хлеб и жить милостыней, но надлежит самому благотворить другим.

Монах, изведший святой источник

В каливе Рождества Пресвятой Богородицы, которая находится в местности Капсала и принадлежит монастырю Пантократор, в старину подвизались четыре отца, по происхождению румыны. Их монашеская жизнь была добродетельной, но трое из них согласились между собой уйти и сменить келию, ссылаясь на то, что в келии, где они жили, не было воды. Они пытались убедить и четвёртого брата. Однако тот ни под каким предлогом не соглашался оставить место своего покаяния и монашеского пострига. Он побуждал других отцов помолиться всем вместе, чтобы Бог дал им немного воды, в которой они нуждались. Сам он постоянно молился об этом со слезами и просил помощи у Бога и Госпожи Богородицы, не желая, чтобы отцы уходили из келии. И вот Благий Бог, видя его боль и веру, услышал его моление. Брату явилась Матерь Божия и показала ему место, где надо копать. И действительно, отцы копнули и нашли источник, который существует до сего дня. Это известный святой источник келии Рождества Пресвятой Богородицы.

В конечном итоге те трое из них всё равно ушли. А имя чудесного монаха, удостоившегося помощи Господа и Пресвятой Богородицы, к сожалению, осталось неизвестным.

Труд и утешение монаха

Однажды юный монах встретил на афонской тропе сидящего старца. За плечами старца висел тяжёлый мешок, а в руке он держал чётки. Лицо его сияло, в глазах стояли слёзы. Измождённый старец был мокрым от пота, однако при этом его вид был радостным, светлым, сладким и божественно изменившимся.

– Благословите! – поприветствовал его молодой монах, положив старцу поклон.

– Господь благословит.

– Отче, кто вы? Где вы живёте? – дерзнул спросить юноша.

Старец сказал, что его имя Геронтий, и объяснил, где живёт. Монах изумился, поскольку оказалось, что этот старец был его хорошим знакомым, а он не смог узнать его в этом блаженном и необычном состоянии.

Видя множество трудов отца Геронтия (в 75 лет он носил тяжести более 40 кг), Пресвятая Богородица послала ему Свои утешения, радующие душу.

Дворец для монаха

Один старец-болгарин, который жил в келии преподобного Сергия Радонежского на Капсале, рассказал о бывшем ему видении старцу Геронтию. Ему явился ангел-хранитель и привёл его в дивное и прекрасное место, где стоял дворец. – Чей это дворец? – спросил монах.

– Твой, – ответил ему ангел. – Но поселишься ты в нём только через три дня.

Через три дня этого брата случайно застрелили пастухи, которые в тех местах пасли стадо и охотились. Предсказание сбылось. Видимо, этот монах был очень добродетельным подвижником, поскольку ему был уготован такой дворец.

Добродетельные наследники старца Хаджи-Георгия

Когда распалось братство Хаджи-Георгия, двое из отцов – Захария и Херувим – поселились в скиту святого Василия Великого. Они были добрыми монахами. Они унаследовали от старца Хаджи-Георгия хороший устав, постоянный пост и огромное понуждение себя. Их жизнь была постоянным крестношением. Через какое-то время отец Захария захотел переселиться в скит святой Анны для более высокой жизни. В келии, где он поселился, каждый вечер отцы шли ловить рыбу, и это отцу Захарии не нравилось. Он высказал им своё недовольство и с этого момента начал вести себя как юродивый. Отцы, не находя с ним общего языка, позвали его духовного брата – отца Херувима. Придя в скит святой Анны, отец Херувим сказал отцу Захарии: «Христа ради юродивыми становятся те, у кого есть мозги. А у тебя мозгов нет – зачем же ты изображаешь из себя юродивого?» Так отец Херувим убедил отца Захарию подчиниться старцу и оказывать ему послушание.

Отец Херувим, строя каливу в скиту святого Василия, носил вёдрами воду с Керасьи для того, чтобы делать цементный раствор. Хотя он мог собирать дождевую воду, стекавшую с крыши, он сделался «водовозом» и продолжал носить воду, причём не только для себя самого, но и для других живших по соседству отцов. Как только он приносил воду из Керасьи, отцы собирались и его вёдра быстро пустели. Отец Херувим вновь безропотно шёл вниз к Керасье, наполнял вёдра и опять поднимался к святому Василию. Когда в другие келии святого Василия приходили посетители, отцы посылали их к отцу Херувиму потому что считали его добродетельным и потому что у него всегда можно было найти свежую воду. Отец Херувим угощал посетителей лукумом, давал им свежую воду – и его вёдра снова становились пустыми. Руководием старца было изготовление деревянных расчёсок, которые он продавал очень дёшево.

О том, как сахар изгнал сладость молитвы Иисусовой

Старец Каллиник Исихаст⁸⁵ рассказывал: «В русском монастыре был один монах, который стяжал умную молитву. Однажды он попросил своего послушника сделать ему чай и положить в кружку две ложки сахара. Попив чаю, он пошёл молиться. Но на молитве он почувствовал необыкновенную тяжесть, сухость, никакого действия молитвы не ощущалось. Брат прилагал все старания, несколько дней провёл в молитве, после чего, беспокойный, пришёл ко мне спросить, что с ним происходит. Я попытался узнать у него, что он делал перед тем, как потерял молитву. „Ничего я такого не делал. Просто чайку попил“, – ответил он. Я велел ему полгода совершать некоторые аскетические упражнения и потом снова прийти ко мне. Когда он через полгода пришёл вновь, я понял, что причиной потери молитвы был сахар. Этот брат услаждался сладостью Божественной благодати, и поэтому ему надо было презреть человеческие сладости. Однако он уступил сладости сахара, и Бог на некоторое время лишил его Своего Божественного утешения. Другие могут есть сахар мешками, и при этом с ними ничего не происходит. А этот брат, питаясь сладостью Божественной благодати, захотел другого – вот благодать и отошла».

⁸⁵ См. о нём: Новый Афонский патерик. Т. 1. С. 24; а также Т. 2. С. 151–154.

Тайные делатели молитвы

Один молодой монах, живший в пустыне, сильно захотел научиться умной молитве. Он пошёл за советом к старцу Иосифу, затем к старцу Каллинику Исихасту, но те не приняли его себе в ученики. Так брат начал искать других учителей и, в конце концов, нашёл некоторых отцов, которые возделывали молитву Иисусову. Эти отцы, желая скрыть своё делание, вели себя как юродивые. Они не были охотниками и не ели мяса, однако развесили по стенам своей келии старые полуразвалившиеся кремнёвые ружья.

Познакомившись с ними, юный брат рассказал о своей цели их старцу. Отцы спросили, как он живёт, как совершает богослужение, и старец велел ему половину службы читать по книгам, а половину – совершать по чёткам. Увидев его интерес к молитве Иисусовой, старец дал ему некоторые наставления. Вернувшись в свою келию, брат старался применить на деле то, что ему сказали, и через какое-то время вновь пришёл к этим отцам. Старец спросил его, что он делал и видел ли он своего ангела-хранителя. Услышав в ответ «нет», старец сказал, что тот не годится для умной молитвы, и посоветовал продолжать совершать службу так, как совершал её раньше.

Этот старец был очень трезвенным и рассудительным. Однажды он пошёл на Божественную Литургию в одну келию. В этой келии отцы прочитали у святого Ефрема о прилюдной исповеди и перед каждым причащением исповедовали свои грехи всему братству. Старец сказал им, что это неправильно, потому что от слушания чужих прегрешений помысл монаха загрязняется. И отцы приняли этот совет.

Святые сорок мучеников спасают монахов от смерти

Старец Феофилакт (Нанопулос) из келии Типографов со слезами рассказывал: «В годы немецкой оккупации фашисты схватили меня и моего брата по плоти иеромонаха Пантелеймона и отправили нас в концлагерь Дахау. В одну из ночей нас вывели из барака во двор на расстрел. Была зима. С нас сняли всю одежду, и мы ждали своей очереди. Надежды на спасение не было. Тогда, вспомнив о святых сорока мучениках Севастийских, я сказал:

– Слушай, Пантелеймон, как начинается тропарь святым сорока мученикам? Ты помнишь его?

Отец Пантелеймон тут же запел на первый глас:

– „Болѣ-езньми святы́х, ѿмиже о Тебѣ пострада́ша, умоле́н бу́ди, Го́споди...“

Он ещё не закончил тропарь, как нас вдруг покрыло облако тепла, и мы не чувствовали холода. Это было явное присутствие святых, которых тоже мучили холодом. Так прошла ночь, а утром, когда мы ожидали смерти, вдруг пришёл приказ, что нас – двух монахов – расстреливать не нужно. Больше никто из толпы людей, стоявших рядом, не спасся, спаслись только мы двое. Однако и наши имена были написаны на одной из табличек в музее концлагеря Дахау».

Дьявол, принявший образ монаха

Во время Второй Мировой войны один солдат, находясь в опасности, дал обет – если он спасётся, то станет монахом на Святой Горе вместе со своими двумя сыновьями. Когда война закончилась, он, оставшись невредимым, не забыл о своём обете: взяв обоих детей, он отправился на Святую Гору. Они сели на корабль, но на море произошёл страшный шторм, корабль не смог доплыть до Афона, и поэтому они вернулись в свой дом. То же самое произошло и во второй раз. Они попробовали отправиться на Святую Гору в третий раз, и только тогда им удалось доплыть до Дафни. Из Дафни они пешком отправились в Кариес. Поднимаясь по дороге, они внезапно увидели, как по склону бегом спускается какой-то монах. Монах остановился перед ними и начал говорить отцу: «Куда же ты ведёшь этих маленьких детей? Неужели тебе их не жалко? Верни их обратно!» Отец в гневе сказал монаху: «Иди за мною, сатано»⁸⁶. Тот, кто казался монахом, тут же стал невидим, исчез у них на глазах. Так они поняли, что это был дьявол, который принял образ монаха и попытался отвратить их от богоугодной цели, от исполнения обета.

Благодатию Божией они исполнили свой обет и стали монахами. Один из детей бывшего солдата – в монашестве его называли Мина – удостоился стать священником и духовником. Они жили в одной из ватопедских келий и во всю свою жизнь ни разу не выехали со Святой Горы.

⁸⁶ Ср. Мф. 16:23.

Плод своеволия

Один старец рассказывал:

«Ко мне пришёл некий монах, живший по своей воле, и сказал мне:

– Хорошо, ты жил в послушании – так что, все мы должны так жить?

– Сынок, послушай, Святой Горе уже тысяча лет. Найди мне хоть одного святого, который жил так, как живёшь ты.

– Не осуждай меня, – ответил он мне.

– Я тебя не осуждаю, но я советую тебе быть внимательным, потому что такая жизнь до добра не доведёт. В монашескую жизнь не через форточку влезают, как делаешь это ты, а в неё входят через дверь.

– Ноя ведь занимаюсь рукоделием, даю милостыню...

– Оставь всё это. Это жертва лукавому. Разве у тебя есть старец, который говорит тебе: не молись по чёткам, а давай милостыню, – и ты это делаешь?

– Я ведь живу один и делаю то, что хочу.

– Послушай одну историю. Давно некий юноша, захотевший стать монахом, пришёл к старцу на Карулю. У этого старца, хотя он не был иеромонахом, были в дароносице Святые Дары, он причащался сам и причащал своих послушников. Ему дал Святые Дары один русский священник. Однажды старец сказал послушнику, что они будут причащаться, но послушник по каким-то причинам начал отказываться. Тогда старец так разгневался, что начал душить послушника, кричать страшным голосом, его лицо перекошило. Послушник прибежал ко мне в ужасе, рассказал всё это. Он был уверен, что его старец стал бесноватым. Старец впал в это искушение, потому что жил по собственной воле и никому не оказывал послушания.

Для юноши, который собирается стать монахом, имеет значение то, в какой среде он вырос и в какую эпоху жил. Станет ли он хорошим монахом? Станет ли он хранителем и продолжателем монашеского предания? Я заметил, что те, кто родился после 1970 года, с трудом становятся хорошими монахами, продолжателями дела монахов прежних. Они научились иметь своё собственное мнение по любому вопросу. Они имеют своеволие и с трудом подчиняются старцу.

Я вижу, что, к несчастью, дела идут всё хуже и хуже, куда ни ткни. Раньше мы совершали всеобщие бдения, и это были всеобщие бдения. Сейчас мы совершаем всеобщие бдения, но это не всеобщие бдения, а обмен базарными сплетнями. Собравшись на бдение, монахи хотят узнать все новости. Зачем это монаху? Мой блаженнопочивший старец говорил мне: „На бдениях ни с кем не болтай и не шепчись. У нас хватает своих собственных проблем. Зачем их усугублять?“»

Пресвятая Богородица утешает молодого монаха

Один старец со слезами рассказывал: «В 1950 году, когда мне было 14 лет, я пришёл на Святую Гору, в 17 лет стал монахом, а в 18 меня постригли в великую схиму. Однажды, поддавшись искушению, я сказал: „Вернусь к своим родителям!“ И вот, сидя на скамеечке, я – между сном и бодрствованием – увидел перед собой почтенную Жену, Которая сказала мне:

– Что с тобой?

– Искушение. Я решил вернуться в мир.

– А кто привёл тебя сюда?

– Мать Божия.

– Ну так если Я привела тебя сюда, то отчего ты поддаёшься искушению?

Вот и всё – тут же искушение закончилось, и я почувствовал облегчение».

Покров Пресвятой Богородицы над нищими

В прежние времена на Святой Горе жило много нищих мирян, которые не работали и жили за счёт подаяний от монахов. Как-то раз Священный Кинот принял решение выгнать нищих со Святой Афонской Горы. Их собрали всех вместе: набралось около полусотни человек. Один старый фотограф сделал их фотографию на память на фоне Протата. Когда он напечатал фотографии, то все увидели, что над нищими, как на иконах Покрова Богородицы, стоит Сама Божия Мать и покрывает Своим омофором этих людей. Фотограф удивился, недоумевая, как это могло случиться. Он показал снимок еписатам⁸⁷, и как только старцы увидели Мать Божию на фотографии, они сказали: «Давайте не будем выгонять нищих. Пусть они остаются на Святой Горе. Это знак того, что Мать Божия хочет, чтобы все эти люди оставались в Её саду».

⁸⁷ *Эпистит* (греч. «наставник») – один из четырёх членов, составляющих Священную Эпистасию – исполнительный орган при Священном Киноте, координирующий повседневную жизнь святогорских монастырей. Эпистаты ежегодно избираются из братии всех афонских монастырей.

Сокрытые святыи моци

Один старец из скита святой Анны рассказывал: «Пять-шесть ночей подряд я видел на склоне ниже соборного храма скита святой Анны некий сладкий мирный свет. Я никуда не ходил, никому ни о чём не рассказывал. Ещё несколько дней спустя я ночью услышал голоса отцов из келии, которая находилась чуть ниже соборного храма. Они меня позвали:

- Ну-ка, скорее иди сюда!
- Что случилось? – спросил я их.
- Посмотри! – сказали они мне и показали на свет.
- Давайте возложим всё это на Бога, и Бог объяснит нам, что происходит.

Наутро мы спустились в пропасть, из которой исходил свет. Всё это место было наполнено неизреченным благоуханием, подобным тому, какое исходит от святых мощей. Но мы не могли определить, откуда точно исходит этот аромат, он разливался везде, его ощущали и мирские люди, которые спустились с нами. Я говорю: „Отцы, не надо больше ничего делать, давайте оставим всё как есть. Если сам святой захочет, то он явит нам себя. Если Бог захочет нам его явить, то Он об этом нас известит. Давайте всё возложим на Бога“.

После этого случая прошло много времени, и света мы больше не видели».

Скорбь и покаяние иеромонаха за принятый помысл

Старец Ефрем Катунакский рассказывал: «Раньше среди насельников монастыря Дионисиат был очень добродетельный иеромонах. Он всегда служил Литургию с глубоким чувством и сердечными слезами.

Однажды в монастырь приехал митрополит Пирейский. Увидев этого иеромонаха литургисающим, он подумал: „Если бы у меня в епархии был такой священник, то скольким бы людям он помог!!“

Владыка позвал игумена – старца Гавриила⁸⁸ – и сказал ему:

– Святой игумене, можешь ли уступить мне такого-то батюшку для моей епархии?

– Ваше Высокопреосвященство, ну как же я Вам его „уступлю!“? Ведь он пришёл на Святую Гору, чтобы жить здесь монашеской жизнью. Кроме того, у меня нет такой власти, чтобы заставить его выехать в мир.

– Но, старче, знаешь, скольким людям мог бы оказать помощь один такой батюшка? – возразил владыка. – Ты только дай ему своё благословение, а всё остальное предоставь мне.

– Ну, раз это говорите Вы, Ваше Высокопреосвященство, то пусть будет, как Вы хотите. Только мы должны спросить его самого, хочет ли он.

Они позвали иеромонаха, и владыка сказал:

– Батюшка, гляди-ка, старец дал тебе благословение, чтобы я забрал тебя с собой. Ну, что ты сам-то думаешь? Церковь нуждается в том, чтобы ты оказал послушание.

Иеромонах оказал послушание и уехал вместе с владыкой в Пирей⁸⁹, где над ним была совершена хиротесия в духовника. Он продолжал служить с глубоким чувством и начал исповедовать людей. На 20-й день после приезда в Пирей к нему на исповедь пришла женщина, которая рассказала, что она в отчаянии: у неё нет детей, несмотря на то что она уже много лет замужем. В это мгновение благоговейный священник испытал приращение плотского помысла. Он принял этот помысл и почувствовал, как благодать Божия его оставляет. В тот же самый день иеромонах оставил Пирей и в покаянии вернулся на Святую Афонскую Гору. 20 дней подряд весь монастырь Дионисиат сотрясало от его рыданий. На 21-й день иеромонах умер от овладевшей им нестерпимой печали. Он отправился на Небо, оставив всех окружающих в изумлении и недоумении».

Возможно, таким образом Сам Бог устроил спасение этого иеромонаха, дав ему на покаяние равное количество дней с теми, что он находился в миру. Этот брат как рачитель чистоты и девства принес искреннее и невероятное покаяние в принятом им помысле.

⁸⁸ См. о нём: Новый Афонский патерик. Т. 2. С. 53–55.

⁸⁹ *Пирей*—пригород Афин, самый крупный порт Греции.

«Живая вода»

Один пожилой насельник Великой Лавры был болен и прикован к постели. Болезнь его была тяжёлой, длилась долго, и все ждали его кончины. Однажды он попросил своего послушника принести ему воды из святого источника преподобного Афанасия Афонского. Монах взял сосуд для воды, однако поленился идти на источник и, налив воду из ближайшего крана, подождал какое-то время, чтобы старец ничего не заподозрил, и, вернувшись к старцу, дал ему эту воду, выдав ее за воду из святого источника. Старец с верой принял эту воду, осенил себя крестным знамением, выпил её и, ко всеобщему изумлению, выздоровел. Тогда его послушник, обличаемый совестью, исповедовал свой грех. С того случая воду из этого крана в Великой Лавре стали называть «живой водой».

Терпеть и благодарить Бога подобно Иову

В келии святого Иоанна Богослова, принадлежащей монастырю Симонопетра, давно жили два брата по плоти – иеромонах Никифор и отец Арсений. Братья были родом из деревни Галатица на Халкидики. В те годы для того, чтобы получить келию, надо было дать значительную денежную сумму монастырю, который после подписания необходимых документов принимал на себя обязанность всю жизнь обеспечивать насельников келии сухарями, маслом, подрясниками и обувью.

Старец отец Арсений убедил своего брата отца Никифора принять сан, и в 28 лет тот был рукоположен в иеромонаха. Отец Никифор помогал монастырю Симонопетра и нёс там послушание седмичного⁹⁰. Он был очень хорошим певчим и необыкновенным иконописцем. Много лет отец Никифор страдал от грыжи: она была огромной. Для того чтобы встать, сесть или куда-нибудь пойти, он держал грыжу обеими руками. Кроме того, отец Никифор страдал страшными болями в глазу. Когда он выехал в Салоники к врачам, ему удалили один глаз. По прошествии какого-то времени ему пришлось удалить и второй глаз. Так в 36 лет он остался совершенно слепым. Передвигаясь по своей келии, он одной рукой ощупывал стену, а другой – придерживал грыжу. И несмотря на такие страдания, он в радости повторял: «Слава Богу! Слава Богу! Ничего, ничего. Пресвятая Богородица, я здесь потерплю, а там Ты меня спасёшь».

Отец Никифор был убеждён в том, что Бог попустил ему такие страдания за то, что он поддался уговорам своего старца и стал священником, несмотря на канонически недопустимый возраст⁹¹. Он говорил: «Мне надо было воспротивиться старцу и не поддаваться на его уговоры»⁹².

⁹⁰ *Седмичный* – иеромонах, ежедневно совершающий суточный круг богослужения и Божественную Литургию в течение всей седмицы.

⁹¹ Канонический возраст для рукоположения во иереи – 30 лет.

⁹² По святогорской традиции, единственное, в чём монах может не оказывать послушание старцу, – это в принятии священного сана.

Неизгладимость монашеской схимы

Старец Макарий родился в 1892 году в городе Аргос. Он был пострижен в монахи в обители преподобного Григория на Афоне, однако потом диавол смог изгнать его со Святой Горы, он вернулся в мир и женился. У него родился ребёнок. Отец Макарий жил, забыв о своих монашеских обетах, пока в один день Бог не дал ему знак, который привёл его в покаяние.

Однажды, когда он играл со своим ребёнком, тот вдруг спросил его:

– Папа, а что это у тебя на груди, красное такое?

Отец оглядел свою белую рубашку и с недоумением спросил малыша:

– Где сынок? Что ты видишь?

– Ну, вот этот красный крест с рисунками и буквами... Что это?

В ужасе отец снова посмотрел на свою грудь и понял, что ребёнок видит благодать великой монашеской схимы⁹³.

Отец Макарий пришёл в умиление от того, что благодать и любовь Божия не оставили его, несмотря на его отступничество, и тут же покаялся. Он обнял сына, поцеловал его и, не заходя домой, уехал на Святую Афонскую Гору. Вернувшись в обитель своего пострига, он стал для других отцов образцом покаяния. Он отличался кроткой серьёзностью, мудростью, молчанием, благородством характера и любовью, которая была особенно заметна, когда он выполнял своё послушание архондаричного.

После своего возвращения отец Макарий прожил много лет и скончался в 1975 году, оставив о себе память как о добродетельном монахе и образце покаяния.

⁹³ Изображение монашеской схимы см. на стр. 3.

Крайнее смирение игумена

Однажды игумен монастыря святого Григория отец Афанасий⁹⁴ беседовал в своём кабинете с одним монахом. Этот монах был очень раздражительным и гневливым, и, желая настоять на своём мнении, он дал игумену пощёчину. Вот тут-то и явилось величие добродетели отца Афанасия. Он не повёл и бровью, не вышел из себя, будто ничего и не случилось. Мирно, как обычно, он взял свой игуменский жезл, спустился в церковь (тогда уже началась вечерня) и пел с отцами на клиросе.

Отец Афанасий ничем не отомстил монаху, хотя, обладая властью игумена, мог даже изгнать его из монастыря. Однако он не сделал ему и самого малого замечания, а лишь усугубил за него свои молитвы.

Прошло много лет, и когда тот монах находился при последнем издыхании, Христос и Пресвятая Богородица не оставили его, потому что, несмотря на страсть гнева, которой брат был порабощён, он очень много трудился и много дал своей обители и всей Святой Афонской Горе. Этот монах пришёл в чувство и покаялся, он попросил, чтобы к нему позвали игумена. Когда игумен пришёл, монах положил ему смиренный поклон, поцеловал руку и попросил прощения за то, что дерзнул его ударить. Тогда отец Афанасий, желая ему помочь, сказал:

– Отче мой, всю свою жизнь ты положил на строительство монастырских стен, подво-
рий... Всё это хорошо, однако подготовился ли ты к той страшной минуте, которая наступила?

– Прости меня, прости меня, – повторял сокрушённый монах и, не переставая, плакал.

– Я простил тебя сразу, как только ты меня ударил. Но ты правильно сделал, что сейчас позвал меня. Давай я прочитаю над тобой разрешительную молитву.

Так брат сподобился доброй кончины: он почил в мире и покаянии.

⁹⁴ См. о нём: Новый Афонский патерик. Т. 2. С. 35–41, 227.

Извещение монаха о том, чтобы он не уходил

Один старец рассказывал: «Став монахом, я начал замечать в обители своего пострига вещи, которые мне не нравились, и решил уйти. Однако трижды, собираясь уходить, я встречал на своём пути препятствия и в конце концов понял, что воля Божия в том, чтобы я оставался здесь.

Намереваясь уйти в первый раз, я посоветовался с двумя старцами. Они спросили, пострижен ли я в великую схиму. Когда я ответил, что пострижен, они ответили: „Ты не можешь уйти из обители своего пострига. Единственное исключение – уход ради высшей, более аскетической и подвижнической жизни“. Тогда я подумал, что более аскетическую жизнь проводить не смогу, и вернулся.

По прошествии двух лет я снова испытал брань и собирался уйти. Я пошёл посоветоваться с одним рассудительным духовником, который ответил мне: „Ты думаешь, что уйти из обители своего пострига – это пустяк?“ После этих слов я почувствовал себя так, словно хотел сбежать из родительского дома. И так я снова вернулся.

Прошло ещё пять-шесть лет, и диавол воздвиг на меня эту брань с новой силой. Однажды ночью во сне я увидел себя стоящим на огромной площади. На краю этой площади были огромные ворота, сквозь которые было видно звёздное небо. Совсем рядом со мной зияла глубокая бездна, хаос. Люди падали в эту бездну и погибали. Возле ворот стояли два юных благообразных привратника, и они уже были готовы закрыть ворота прямо перед моим носом, поскольку я грешник. Я очень боялся, что они скажут: „Иди прочь, грешник!!“ – и выкинут меня вон, я упаду в пропасть и погибну. Но они ничего не сказали, я успел войти, и ворота закрылись за моей спиной. Я испытывал огромную радость и от этой радости проснулся. Проснувшись, я получил внутреннее извещение о том, что это были ворота обители моего пострига, вне которой я погибну, и о том, что Бог хочет, чтобы я оставался здесь. Так я остался в своей обители, и с этого момента помыслы об уходе перестали меня мучить. Однако тут же начались приращения лукавого другого рода! Ведь он, не сумев выгнать меня из монастыря, стал являться передо мной наяву в виде волосатой обезьяны. Он искушал меня и угрожал мне. Один духовник, которому я всё это рассказал, подтвердил: „Воля Божия в том, чтобы ты оставался в своей обители – вне её ты погибнешь!“».

Польза от молитвы за усопших

В монастыре святого Павла жил один пожилой монах по имени Констанций⁹⁵, родом с острова Кефалония. Был и ещё один пожилой монах, тоже кефалонец, родом из селения Пиргй, которого звали Димитрий. Мать отца Димитрия звали Мария. Однажды он получил письмо с известием о том, что его мать умерла. В те времена не было телефонов. Получив это письмо, он пошёл к отцу Констанцию и попросил его:

– Отец Констанций, от сердца прошу тебя, поминай сорок дней мою маму по чёткам.

– Хорошо, – ответил отец Констанций. Он был настоящим подвижником и все ночи проводил в молитве по чёткам.

В конце сорокоуста, когда отец Констанций сидел в своей келии и молился по чёткам, повторяя: «Господи Иисусе Христе, помилуй рабу Свою Марию», вдруг он увидел, как в его келию входит женщина (это была усопшая Мария) и очень вежливо говорит ему:

– Благословите, отче.

– Бог благословит. Как ты здесь оказалась?

– Не беспокойся, старче, Бог Сам прислал меня сюда.

– И что ты хочешь?

– Я ничего не хочу. Я пришла просто тебя поблагодарить за чётки, которые ты совершил о моём упокоении. Твои молитвы оказали мне огромную пользу, и моя душа обрела покой. Я благодарю тебя, старче, благодарю тебя... – На этих словах она исчезла.

⁹⁵ См. о нём: Новый Афонский патерик. Т. 2. С. 156–160.

«Если захочет Матерь Божия...»

Около 20 лет назад один старец с двумя своими послушниками пошёл в одну келию на бдение в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. В тот год Благовещение выпало на святую Четыредесятницу. После бдения и угощения отцы пошли обратно в свою келию. Когда они проходили через Кариес, один из послушников спросил старца, даст ли он благословение купить рыбы, поскольку это был единственный день святой Четыредесятницы, когда можно было её есть. Старец ответил: «Отче, если Пресвятая Богородица хочет, чтобы мы поели рыбы, Она Сама принесёт нам её». Вернувшись в свою келию, они увидели, что над дверью висит пакет с жареной рыбой и стоит банка с ухой, закрытая так, чтобы до неё не добрались кошки. Отцы прославили Бога и поблагодарили Пресвятую Богородицу за Её заботу.

Беснование за помысл гордыни

Старец Агапий Кавсокаливит пришёл на Святую Гору, чтобы стать монахом, когда ему было 20 лет, а скончался в 90 лет. Ни разу за всю свою жизнь он не выехал со Святой Афонской Горы. Он часто болел и много страдал, однако терпел. Старец был крайним постником и делателем трезвения. Он боролся с бесами, которые являлись ему наяву. Однажды в соборном храме скита совершали всенощное бдение, а старец о нём не знал. Он всю ту ночь в своей келии вёл брань с нечистыми духами.

Однажды у старца промелькнул гордый помысл: «А вот интересно, совершают ли другие отцы столько подвигов и молитв?» – и, к несчастью, старец принял этот помысл. Бог, желая исцелить его, попустил, что старец стал бесноватым и начал делать безумные вещи. Отцы закрыли его в лаврской башне. На одном из бдений в честь святых Архангелов служащий священник во время службы, встав в царских вратах, попросил отцов молиться по чёткам о старце Агапии. В то же самое время старцу Агапию явился архангел Михаил и изгнал из него беса. Когда утром ухаживавший за ним брат принёс ему пищу, отец Агапий мирно сказал ему: «В эту ночь ко мне приходил архангел Михаил, и он меня исцелил». После этого отцы освободили отца Агапия из башни, и он продолжил свои подвиги, однако уже совершал их с настоящим смирением.

Из своевольника монах не получится

Один образованный человек пришёл на Святую Гору, чтобы стать монахом, и старец некой келии взял его себе в послушники. Пойдя на панийгир⁹⁶ в другую келию, старец захватил с собой нового послушника. Идя по тропинке, они достигли места, где тропинка раздваивалась. Новый послушник побежал по прямой тропинке и достиг келии быстрее, чем старец, который шёл по тропе более длинной и более пологой. Дойдя до келии, старец увидел своего улыбающегося послушника, который похвастался: «Видишь, геронда, я пришёл быстрее тебя!»

По этой мелочи старец понял, что этот человек для монашества не годится. Старец сказал своему братству, что надо выгнать этого послушника, поскольку человек, который настаивает на своём мнении и живёт по своей воле, для монашества не годится.

Через два месяца послушничества старец прогнал этого человека, и тот пошёл в монастырь Эсфигмен. Отцам монастыря Эсфигмен новый послушник очень понравился, и они говорили его бывшему старцу: «Ты послал нам не человека, но ангела». Старец отвечал: «Очень хорошо, но давайте посмотрим, что будет дальше». Новый послушник преуспевал, и через два года его постригли сразу в великую схиму, однако прошло какое-то время, он сбросил с себя монашеские одежды, вернулся в мир и женился. Так исполнилось пророчество расудительного старца.

⁹⁶ *Панийгир* – всенощное бдение в честь престольного праздника.

Невидимые обнажённые старцы⁹⁷

Иеромонах Христофор родился в 1789 году в Греции в благоговейной семье. На Святую Афонскую Гору он пришёл в возрасте 48 лет и искал духовного наставника. Он обошёл много монастырей и келий и в конце концов стал послушником старца Захарии на Кавсокаливии. За своё совершенное послушание он быстро приобрёл дарование умной молитвы. Он имел любовь ко всем отцам скита. Отец Христофор был рукоположен в иеромонаха и стал духовником, после кончины своего старца он стал дикеем⁹⁸ скита. В скиту у него было много забот. Он ушёл из Кавсокаливии и ради большего безмолвия и нерассеянной молитвы поселился в исихастской келии Янакопула, напротив пещеры святого Афанасия. Отец Христофор взял себе трёх послушников-румын: Григория, Неофита и Хризостома. У них был исихастский устав. Всю ночь они совершали бдение и ежедневно служили Божественную Литургию. К отцу Христофору приходили и тайно причащались невидимые обнажённые старцы. Кроме того, он был их духовником.

Однажды, когда отец Христофор шёл их причащать, он прошёл мимо турок, но те не заметили его, так как он стал невидимым.

Составитель жития отца Христофора, иеромонах Иоасаф из Великой Лавры, когда подвергался большим искушениям, шёл к отцу Христофору. Он ещё ничего не успевал сказать старцу, как тот, видя, в каком состоянии находится отец Иоасаф, сам начинал утешать его, давал подходящий духовный совет и своим словом изменял его душу. Отец Христофор советовал: «Новоначальный монах должен со многою ревностью начинать возделывать умную молитву. Ему надо мало работать и много молиться».

За неделю до кончины отец Христофор уведомил о ней отцов Лавры. Они посетили его, он в последний раз попросил у них прощения и молитв. Вдруг его лицо просияло нетварным светом, и отцы, ужаснувшись, пали ниц, восклицая: «Господи, помилуй!» Отец Христофор скончался 22 декабря 1862 года в возрасте 73 лет, из которых 25 он прожил на Святой Афонской Горе. После обретения его честных останков его глава благоухала, и от неё совершались чудеса.

⁹⁷ О невидимых обнажённых старцах см. Новый Афонский патерик. Т. I. С. 31–32, 200.

⁹⁸ Дикей – настоятель в святогорских скитах, выбираемый или назначаемый на один год.

Старец Даниил из келии Данилеев рассказывал: «Примерно 30 лет тому назад один мирянин отправился из Лавры в скит святой Анны. Желая сократить путь, он пошёл короткой тропинкой напрямик – не через Катунаки и не через Малый скит святой Анны. По дороге он заблудился. Идя по каким-то запутанным и заброшенным тропинкам, он встретил сидящего монаха в разорванной рясе. Он спросил его:

– Отче, я иду в скит святой Анны и заблудился. Можешь ли ты мне показать путь?

Монах поднялся и объяснил дорогу. Мирянин хотел пить и попросил воды. Подвижник ответил:

– Пойдём, я налью тебе воды.

Мирянин пошёл за ним, и монах привёл его в пещеру, где молились ещё шестеро отцов в таких же разорванных рясах. Никто не проронил ни слова. Провожавший мирянина подвижник подвёл его к ёмкости с водой, рукой смахнул с поверхности воды грязь и сор, зачерпнул воду из глубины и дал ему пить.

Выбравшись из этих пустынных мест, мирянин пришёл в скит святой Анны. Зайдя в соборный храм скита, он начал спрашивать дикей:

– Отче, может быть, стоит дать немного пищи подвижникам, которые живут там в горах, в пещере? Ведь у них ничего нет.

– Какая пещера и что за подвижники? – удивился дикей и попросил его проводить к этой пещере.

– Конечно, проведу! – ответил мирянин. – Ведь я был там всего час назад.

Они пошли наверх, дикей при этом нёс рюкзак, полный продуктов для подвижников. Они нашли место, где была пещера, но вход в пещеру найти не смогли. Мирянин восклицал: „Но ведь я был здесь совсем недавно, и вот на этом месте была пещера! Куда же она делась?“ Так Бог покрыл Своих подвижников, и они остались неведомы».

Старец Павел Гавделас, будучи молодым монахом, встретил в горах подвижника в каких-то лохмотьях (возможно, это был один из семи так называемых невидимых старцев). На отца Павла произвёл впечатление внешний вид этого подвижника. Он начал расспрашивать подвижника, как его зовут, где он живёт и так далее, но тот рукой сделал ему знак молчать и скрылся в лесной чаще. Это произошло в районе, принадлежащем монастырю Дионисиат, высоко в горах. Отец Павел рассказал об этом случае одному румынскому старцу и тот в ответ поведал, что на каждую Пасху он приходит к этому месту и оставляет там шесть пасхальных красных яиц, а через несколько дней их не находит.

Некоторые дионисиатские монахи рассказывали старцу Паисию, что каждый год в ночь накануне праздника святых отцов, на Афонской Горе просиявших, в этом месте они видят свет, но последние несколько лет этого света не было.

Очень давно среди отцов Кавсокаливитского скита разгорелся спор о том, существуют ли невидимые обнажённые старцы. Одни говорили, что они есть, другие – что их нет. Тогда один иеромонах взял слово и сказал:

– Они есть. Я хожу к ним и помогаю.

– Да ладно тебе рассказывать сказки, – ответили ему. – Пойдёмте, я вам сам покажу, – ответил иеромонах. Они пошли к месту, где, по словам иеромонаха, была пещера, но не смогли найти даже вход в неё. А потом, когда иеромонах ходил на это место один и снова пытался найти подвижников, чтобы им послужить, он, по его словам, больше их не нашёл.

Давным-давно в Новом скиту жил старец со своим послушником. Как-то старец пошёл в соборный храм скита на всенощное бдение и оставил послушника одного в келии. Ночью кто-то постучал в дверь. Послушник открыл и увидел на пороге худого монаха в истрёпанном подряснике, который сказал ему:

– Я за тобой. Нас 12 монахов, и мы живём высоко в горах. Один из нас скончался, и сейчас мы ищем, кто мог бы занять его место. Хочешь жить с нами?

Немного подумав, послушник с сомнением ответил:

– Я не взял на это благословение старца.

Подвижник ушёл. Когда старец вернулся и услышал, что произошло, то сказал: «Ты потерял благоприятную возможность».

Один старец из скита святой Анны рассказывал: «Около 40 лет назад я нёс послушание дикья. Однажды вечером, как только начало смеркаться, я пошёл закрыть калитку у соборного храма. Как только я её закрыл, то услышал за калиткой приглушённый и мирный голос, который говорил мне:

– Не открывай калитку. У тебя в пекарне есть сухари. Положи их в мешок, принеси сюда и оставь тут. Мы нуждаемся в помощи. Нас несколько человек, и мы молимся за вас. Не надо любопытствовать и пытаться меня увидеть».

Я сделал всё, как велел мне этот неизвестный человек. Однако мне было любопытно посмотреть на него. Этот монах приходил раз в месяц, но я его не видел. Иногда я слышал его голос, когда находился в церкви или в подвале. Каждый раз я оставлял мешок с сухарями ночью в определённом месте, а на следующий день мешка не было.

Однако моё любопытство разгорелось до предела, и я решил посмотреть на этого монаха. Я сделал всё, как он мне велел, но скрылся за деревьями и стал ждать, чтобы увидеть, кто заберёт этот мешок. Ожидая в ночной темноте и никого не видя, я вдруг услышал прямо у себя над ухом голос:

– Я же говорил тебе не любопытствовать, а ты меня не послушал. Ты позволил любопытству победить тебя. Почему ты такой любопытный? Ведь за своё доброе дело ты имеешь мзду от Бога, Он воздаст тебе за милостыню. Будьте внимательными. Ведь монахи сегодня не имеют должной заботы о том, чтобы исцелить своего внутреннего человека. Они смотрят только на внешнее. Итак поскольку ты поддался любопытству, забирай этот мешок с сухарями и больше его сюда не приноси.

Я ушёл и вернулся в свою келию. Наутро я нашёл сухари там, где их оставил. После этого невидимый старец больше не приходил».

Рассказ игумена монастыря святого Павла старца Парфения: «Однажды мы пошли в горы вместе с ныне почившим иеромонахом Андреем. Мы наткнулись на две крохотные хижинки, сделанные из веток. Рядом была икона, перед которой теплилась лампада, но никого не было. Мы осмотрели всё вокруг, но никого не нашли, хотя было ясно, что хозяин или хозяйка недалеко: горела и лампада, и масляный фонарь, лежала раскрытая книга. Но ни одной живой души не было.

В другой раз в этой местности, чуть повыше, мы нашли ещё одну хижинку. Там, где заканчиваются обрывистые скалы и начинается лес, мы наткнулись на хижину и маленький рюкзачок с сухарями и какими-то вещами, но самого хозяина тоже не было. Куда он успел подеваться? Мы шли тихо, и услышать он нас не мог – он просто исчез. Мы искали повсюду, но найти его не могли. Вполне возможно, что он стоял перед нами, а мы его не видели.

И ещё одну каливу мы нашли тоже с отцом Андреем. Она была с другой стороны скал, но и там никого не было. Эти старцы, можно сказать, становятся невидимыми. Как это происходит? Это Божественная тайна».

Насельник скита святого Василия старец Дамаскин рассказывал, что иеромонах Савва-духовник причащал невидимых старцев каждый Великий Четверг. Они велели никому о них не рассказывать, и он свято соблюдал эту заповедь. Но вот однажды в скиту святой Анны начался спор о том, существуют ли невидимые старцы, и некоторые усомнились в их существовании. Тогда отец Савва был вынужден заговорить и рассказал всем, что они есть, что каждый Великий Четверг он их причащает. Более того, он сказал, что в следующий раз, когда пойдёт их причащать, по дороге оставит пометки, чтобы потом найти их пещеру и показать это место отцам.

Когда в следующий Великий Четверг подвижники пришли к отцу Савве, они сказали ему: «Отец Савва, мы больше к тебе не придём, потому что ты нарушил наш уговор». Отцу Савве стало стыдно, и он начал просить у них прощения, он не хотел терять общения с ними и не мог помыслить того, что больше их не увидит. Когда они уходили, он бежал за ними прямо до их пещеры, оставляя пометки, чтобы найти потом дорогу. Однако когда отец Савва пошёл туда с другими отцами, то не только пещеру, но и оставленных пометок он не нашёл».

Однажды иеромонах Ксенофонт-румын, живший на Капсале, шёл со своим послушником отцом Даниилом из Лавры к поклонному кресту. Недалеко от келии отца Исаии они увидели двух обнажённых подвижников, которые, не проронив ни слова, быстро побежали прочь. Рассказав о происшедшем старцу Дамаскину из скита святого Василия, отцы слышали, что, вероятнее всего, они увидели «невидимых старцев».

– Но мы же их видели! – удивлялись отцы. – И они были обнажёнными.

– Они, они... Это были они, – сказал отец Дамаскин.

Старец Варлаам из монастыря Ксенофонт рассказал, что он часто встречался с обнажёнными подвижниками. Зимой они спускались с афонских предгорий и селились в местности, принадлежавшей монастырю Ксенофонт, где климат намного мягче. Старец Варлаам нёс послушание лесника и приносил им всё, что им было необходимо. Подвижники были облачены в рясы, но настолько старые и разорванные, что больше походили на лохмотья.

Плоды преслушания

В старые времена в одном общежительном монастыре жил монах, который не слушался старца. Он приехал из Америки. Ещё в миру он подвергался бесовским воздействиям. Иногда это становилось особенно заметно. Говорили, что в Америке этот человек связался с масонами, что у него есть неисповеданные грехи и от этого лукавый имеет над ним власть. Монастырские старцы увещевали этого монаха пойти на одно послушание, а в ответ слышали:

– Нет, у меня и так полно послушаний. Я ведь и на верхнем огороде, и на мельнице...

Исправляться этот монах не хотел. В какой-то момент он пожелал стать делателем умной молитвы. Он говорил, что видит свет и ангелов, но всё это было плодом прелести, а не благодати. На *службу* он ходил редко. Так он окончательно впал в прелесть. Помысл стал говорить ему, что он не делает ничего доброго, что он не спасётся. Он исповедовал это игумену, и тот говорил ему, что надо терпеть и не отчаиваться. Однако этот монах, поверив своему помыслу, бросился в пропасть с одного из монастырских балконов. Отцы увидели, как на его разбившемся теле сверху сидела кошка.

Бесовские голоса

Рассказ современного святогорца: «Как-то мы с одним собратом-иеромонахом находились на метохе⁹⁹ нашей обители на Святой Афонской Горе. Когда начало смеркаться, мы пошли в келию и вместе совершали повечерие. Внезапно за дверью послышался какой-то напряжённый шёпот. Я подумал, что это какие-то прохожие, и ждал, что они постучат в дверь и мы им откроем. Но в дверь никто не постучал. Когда мы закончили повечерие, я спросил батюшку, слышал ли он этот шёпот. Он ответил, что слышал. Мы вышли на балкон, чтобы посмотреть, не видно ли кого на дороге, но никого не было. И вдруг зазвучал гул толпы, казалось, что одновременно говорят много людей. Язык был нам неизвестен, похож на арабский, и эти голоса шли из близлежащего оврага, по дну которого бежал поток. Мы поняли, что это бесовское искушение и начали молиться по чёткам. Тогда голоса умолкли, и снова послышался голос одного человека, который что-то шептал. Как только мы прекращали молиться по чёткам, шум толпы начинал слышаться вновь. Это повторялось снова и снова. Возможно, здесь в древности было идольское капище или произошло убийство, и поэтому лукавый имел власть над этим местом».

⁹⁹ *Мето́х*—хозяйственное подворье монастыря.

Принятие похвалы привело к прелести

В монастыре Дионисиат в прежние времена был один монах-подвижник. У него было послушание повара и просфорника. Он был очень ревностен к послушаниям и советовал одному из молодых монахов: «За всё, что ты делаешь здесь, ты получишь мзду от святого Предтечи». Этот монах совершал великие подвиги. Однажды он на исповеди сказал духовнику, что совершает тысячи земных поклонов, а духовник вместо того, чтобы его смирить, воскликнул: «Надо же, как много!» Так брат-подвижник принял похвалу и впал в гордыню.

Однажды на повечерии один из братии увидел, как брат-подвижник высоко задирает голову и с презрением смотрит на всю братию. В другой раз во время Божественной Литургии этот брат скинул с себя подрясник, вошёл в храм в одной майке и начал петь «Достойно есть» перед иконой Пресвятой Богородицы. Некоторые из братии видели, как изо рта несчастного выходят языки пламени; весь монастырь наполнился запахом серы. После этого случая его в смиренной рубашке и с остриженными волосами отослали в мир в сумасшедший дом. Там он смирился, пришёл в себя и, поняв своё заблуждение, непрестанно плакал и каялся. Потом он вернулся в монастырь и лежал в монастырской больнице, прикованный к постели, там он тоже непрестанно вспоминал своё падение и оплакивал его. В конце жизни его душа не могла отойти ко Господу, целую неделю он находился при последнем издыхании. В начале всенощного бдения в честь святых апостолов игумен благословил всей братии молиться о несчастном брате по чёткам, и перед началом Божественной Литургии он мирно скончался.

Беседа с Госпожой Богородицей

Один из старцев рассказывал: «Я пришёл на Святую Афонскую Гору в 1943 году в возрасте 19 лет. Однажды с братьями нашей келии мы пошли на Литургию в соборный храм скита, а наш старец, поскольку был болен, остался один в каливе. Я после Божественной Литургии вернулся в каливу первым, чтобы приготовить пищу. Открыв дверь, я услышал, что из церкви доносятся какие-то голоса. Я вошёл в церковь и увидел, что старец один. Несмотря на болезнь, он был очень радостен. Я поприветствовал его, поцеловал его руку, и он сказал мне:

– Видишь Госпожу Богородицу?

И старец продолжил говорить, обращаясь к Её иконе:

– Ну же, Госпожа Богородица, забери меня, хватит уже.

В это время пришёл ещё один насельник нашей каливы, иеромонах, и спросил старца, что происходит. Старец ответил:

– Я вижу лестницу, и по ней поднимается много людей. Куда идут все эти люди?

Через несколько дней старец попросил, чтобы мы совершили над ним таинство Елеосвящения. После он причастился Святых Христовых Таин, дал нам своё благословение и мирно почил о Господе.

Тогда мы жили в скиту монастыря Ксенофонт. Старца звали Иоаким, а иеромонаха – отец Анфим. Они оба были иеромонахами и братьями по плоти, родом из места Чанаккале».

Подействовавшее проклятие

Один послушник расстроил своего старца, и тот проклял его. К несчастью, старец послал ему проклятие умереть на дороге. Прошли десятилетия, и когда бывшему послушнику настало время умирать, проклятие его старца подействовало, и он, действительно, умер на дороге. Вероятно, послушник не приложил усердия к тому, чтобы примириться со старцем, а может быть, даже не попросил у него прощения или же вовсе не придавал значения этому проклятию. Несправедливое проклятие никакой силы не имеет. Однако если проклятие посылает человек, которому причинили боль и который прав, проклятие имеет силу, несмотря на то что мы никогда не должны никого проклинать. Надо быть внимательным, чтобы не давать поводов к проклятию. *Не даждь мѣсто чловеку кляты ты*¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Сир. 4:5.

Пощёчина от святого Павла

Один из старейших насельников монастыря святого Павла, иеромонах Павел (в миру Ксенофонт Дзамариас), постепенно перестал спускаться в храм на богослужение и сидел в келии. Игумен, видя, что всё чаще и чаще его нет на службе, однажды велел пономарям зажечь выносные свечи, облачился в чёрную мантию, взял игуменский жезл и в сопровождении пономарей со свечами пошёл в братский корпус к келии иеромонаха Павла. Постучав в его келию, пономари сказали отцу Павлу:

– Подымайся, тебя зовёт старец! Мы пришли, чтобы проводить тебя на службу. Пришли со свечами, чтобы оказать тебе честь, потому что без свечей и почестей ты на службу не приходишь.

Пристыженный отец Павел спустился на службу. Однако через какое-то время он вновь перестал ходить на богослужение. И вот однажды, когда он спал во время службы, перед ним явился преподобный Павел, основатель монастыря, и спросил:

– Спишь, брат? Может, на службу пойдёшь?

Подумав, что это кто-то из братии, отец Павел огрызнулся. В ответ святой дал ему пощёчину и тут же стал невидим.

Прельщённый автобиограф

На Катунаках жил один монах, который изображал из себя делателя трезвения. Он говорил, что его духовник – отец Варфоломей, однако ходил к нему крайне редко. Тогда Лавра отправила к нему иеромонаха Каллистрата, который сказал: «Или наладь свои отношения с духовником, или уходи из нашего скита»¹⁰¹. Так этот монах был принуждён пойти к духовнику, однако, по всей видимости, доброго послушания ему не оказывал. В старости его забрали в братство иеромонаха Матфея в скиту святой Анны, где за ним ухаживали. У него была скопленая какая-то сумма денег, и он отдал их отцу Матфею вместе со своим сочинением и связал клятвой после его кончины издать эту книгу. Это была его автобиография, повествовавшая о его великих подвигах, о «вкушении токмо кабачков единых, и ничесоже кроме них, год за годом, десять лет», о «видениях чудных и восхищениях до третияго небесе, аще в теле, аще кроме тела...». Подписано сочинение было так: «Смирения ради моего не дерзаю рукою моею многогрешною вывести имя мое истинное, егоже весть Бог. Посему подпишуся сице: Феогност¹⁰²».

Преподобный Павел Ксиропотамский

Иеромонах Матфей понял, что брат находится в прелести, и советовал ему поисповедоваться, однако монах отказывался, говоря: «В ин час грядет, емуже подобает исповедь мою послушати».

После кончины этого брата отец Матфей спросил у одного духовного человека, что делать с этой книгой, и тот посоветовал выбросить книгу в море, а на оставленные деньги издать какую-нибудь душеполезную книгу в поминовение души усопшего. Так после его кончины братство отца Матфея напечатало службу преподобному Никодиму Святогорцу.

К таким печальным результатам приводит жизнь по собственной воле. Брат действительно «вкушал токмо кабачки едины», но при этом с утра до вечера ругался со своим соседом и имел такое великое мнение о самом себе, что оно привело его в прелесть.

¹⁰¹ Скит Катунаки принадлежит Великой Лавре.

¹⁰² *Феогност* – греч. «Богом знаемый».

Старец, забывший мир

В каливе Успения Пресвятой Богородицы в Малом скиту святой Анны отец Герасим Песнописец застал древнего монаха отца Гавриила, который достиг такой меры забвения мира, что забыл, что такое женщины. Это стало известно, когда после одной из Божественных Литургий в разговоре кто-то упомянул слово «женщина». Старец Гавриил спросил:

- А кто такие женщины?
- Да ладно, отец Гавриил, ты что, не знаешь, кто такие женщины?
- Не знаю, – ответил старец, – а откуда мне знать?
- Ну хорошо, а кто такая Матерь Божия?
- Матерь Божия – это Матерь Божия, – ответил старец.
- Ну хорошо, а тебя самого кто родил?
- Меня родила моя мама.
- Ну вот, а кем была твоя мама?
- Моя мама, – твёрдо ответил старец, – была моя мама.

Услышав это, отцы изумились простоте и совершенному странничеству старца.

Старец Гавриил был добродетельным монахом. Однажды отец Герасим застал его читающим «Размышления»¹⁰³ блаженного Августина. Всё лицо старца было залито слезами. Когда отец Герасим спросил отца Гавриила, почему он плачет, тот ответил, что плачет о своих грехах.

¹⁰³ «Душеспасительные размышления с молитвенными обращениями к Господу Иисусу Христу и Пресвятой Богородице».

Уклонение от почестей

Рассказ одного старца: «Я пришёл на Святую Гору, чтобы стать монахом, в 1950 году. Первые три года старцы не разрешали мне никуда ходить, потому что у меня не росла ещё борода. Они сами ходили на всенощное бдение, а я в это время сидел в келии и молился по чёткам. Когда я вместе с ними был в келии и у входа звонил вдруг колокольчик, старцы говорили мне уходить в дальнюю комнату, чтобы я не смутил никого своим безбородым лицом. Когда они в первый раз взяли меня на бдение, я подумал, что отверзлись небеса – такую необыкновенную радость я испытывал. Потом, слава Богу, я стал монахом, и мой старец начал настаивать, чтобы меня рукоположили в священники. Я этого не хотел, боялся тяжести и ответственности этого служения. Однажды я вошёл в келию моего старца и увидел, что он плачет. Ему было около 80 лет, и он рыдал, как маленький. Я спросил, почему он плачет, и в ответ услышал:

– Неблагодарный! Ты столько лет живёшь здесь, и я хочу, чтобы ты стал священником, а ты отказываешься! Столько лет до сего дня я служил вам как иерей, а сейчас состарился и больше не могу служить...

Я задумался, мне стало больно за старца, жалко его, и я сказал, что бремя священства мне кажется тяжёлым, однако я не хочу его расстраивать, поэтому уступаю и принимаю его благословение. Мы пошли в Великую Лавру, положили поклон игумену, Духовному собору, и так я был рукоположен во диакона и затем – в иеромонаха.

После этого мой старец захотел сделать меня духовником, но я ему ответил:

– Старче мой, хватит с меня бремени священства. Духовником я становиться не хочу.

– Что ж, – вздохнул старец, – буду ночью молиться по чёткам, а утром дам тебе ответ.

Утром он сказал мне:

– Ты правильно решил, что не хочешь становиться духовником, – это великая ответственность. Оставайся-ка ты простым иеромонахом».

Ангелы напоминают о грехах

В прежние времена один 70-летний иеромонах из Нового скита приходил в монастырь святого Павла на послушание седмичного, потому что в обители тогда не хватало священников. Вместе с ним приходил его брат по плоти, насельник той же каливы. Ему было 90 лет. Однажды старший из братьев, находясь в монастыре святого Павла, почувствовал себя плохо и и попросил своего брата-иеромонаха пригласить из Нового скита духовника, чтобы поисповедоваться и причаститься. Пока ходили звать духовника, 90-летний старец впал в кому. Когда духовник пришёл, он попросил всех выйти. Поставив дароносицу со Святыми Дарами на стол, духовник преклонил колени и начал сильно молиться Пресвятой Богородице: «Владычице, прошу тебя: пусть он придёт в сознание хоть на одну минутку, чтобы причаститься, а потом забирай его».

И вот во время молитвы старец, впавший в кому, вдруг открыл глаза и сказал духовнику:

– Премного тебя благодарю, отче! Видишь, здесь стоят два ангела и вопрошают меня: «Куда тебя отвести? Ведь эти два греха очень тяжёлые. Почему ты в них не исповедовался?»

Этот старец забыл два своих серьёзных греха, о которых напомнили ему ангелы. Старец не скрывал их, просто они выпали из памяти. Когда он исповедовался в этих грехах, духовник прочитал над ним разрешительную молитву и причастил Святых Христовых Таин. После этого старец поблагодарил духовника и в радости, с облегчённой совестью, отошёл ко Господу.

«Какую же я почувствовал радость!»

Рассказ одного старца: «Я нёс послушание лесника и долго не причащался. Тогда у нас в монастыре вся братия причащалась каждые три недели. Я из-за послушания пропустил общий день Причастия, а потом мне захотелось причаститься. Я приготовился, попустился три дня и потом пешком два с половиной часа спускался с гор в монастырь. На службе я подошёл к игумену, чтобы взять у него благословение причаститься. Игумен немного раздражённо ответил мне:

– Нет благословения причащаться.

– Простите и благословите, – ответил я и отошёл в свою стасидию.

Однако внутри очень расстроился. „Я совершил такой труд, чтобы сюда прийти, постился, я не причащался так долго, – думал я. – Почему же он мне не разрешает? Боже упаси, я не осуждаю старца, он всё делает правильно. Господи, просвети меня: я не вижу, в чём я виноват. Благий Боже, для чего ты посылаешь мне такое испытание?“ Когда я так размышлял, мной овладели слёзы и я немного поплакал. Потом сказал себе: „Ну, ничего, это испытание для моего блага“.

Тем временем служба продолжалась, и началась Божественная Литургия. Незадолго до возгласа священника „Со страхом Божиим и верою приступите!“ ко мне подошёл игумен и велел мне причаститься.

– Геронда, простите, я не прочитал последование ко Причащению.

– Причащайся, а последование прочитаешь потом. Окажи послушание.

– Как благословите, – ответил я и подошёл к Святой Чаше.

О, какую же я испытал радость! Какую радость! „Ах ты, лукавый! – подумал я. – Это твои козни, ты хотел, чтобы я сказал что-то против старца и охладел душой, чтобы я и не причастился, и старца расстроил“. Слава Богу, я прикусил язык и не осудил старца. „Во всём виноват я сам, – говорил я тогда, – а старец не виноват ни в чём!“».

За похвалой следует искушение

Однажды на Святой Горе выпало много снега. Во дворе одного монастыря высота снега достигла полутора метров. Пономарь не мог пройти до церкви, поэтому он взял лопату, начал убирать снег и расчистил проход до храма. Он чистил снег больше часа. Когда игумен увидел это, он обрадовался, похлопал его по плечу и сказал ему: «Вот молодец!» Словно предчувствуя что-то, пономарь не обрадовался похвале и испугался, как бы за похвалой не последовало искушения. И точно – искушение не заставило себя ждать.

На следующий день пономарь подошёл к игумену, чтобы что-то у него спросить. Однако игумен в гневе и сильном раздражении прогнал его со словами: «А ну-ка, пошёл отсюда, свинья, осёл!» Игумен оскорблял его и другими словами, но пономарь не проронил в ответ ни звука. На службе они оба сидели недалеко друг от друга, и пономарь увидел, что старец сидит, опустив голову. Веря в то, что игумен нарочно подверг его испытанию, пономарь молился о нём по чёткам. Потом подошёл к старцу и сказал:

– Благослови, геронда! Ты меня прости, что я тебя расстроил. Я положу перед тобой сколько захочешь земных поклонов. У меня в сердце ничего против тебя нет. Прости меня, пожалуйста, чтобы я почувствовал себя легче.

– И я на тебя никакого зла не держу, – ответил игумен. Так невинный и смиренный монах успокоился, к нему вернулся мир. Брат не сказал старцу ни одного противного слова и ни в чём его не осудил. Любовь побудила его больше думать не о себе, а о своём старце, о том, чтобы тот не расстраивался.

Уход святителя Тихона Задонского

На Капсале есть одна принадлежащая монастырю Пантократор келия, храм в которой освящён в честь святителя Тихона Задонского. Старец этой келии, русский по происхождению, очень любил престольные праздники. То есть он очень любил устраивать пышные панигиры, чтобы на них приходило много народа, совершалась торжественная служба и тому подобное. Поскольку день памяти святителя

Тихона Задонского не очень известен на Святой Горе, на престольный праздник в его каливу приходило мало братии. Поэтому старец келии нашёл простое решение: сменить святого. Он пошёл в монастырь Пантократор, договорился с отцами и написал в омологии¹⁰⁴, что с этого дня храм его келии будет посвящён такому-то великому празднику. И вот следующей ночью этот старец увидел святого Тихона Задонского, в печали уходящего из его каливы. Старец побежал вслед за ним, догнал его и спросил:

– Что с тобой, святче Божий, почему ты такой понурый?

– А что мне делать? – ответил святой Тихон. – У меня была здесь одна каливка, и вот сейчас меня из неё выгоняют.

Старец тут же пришёл в чувство. На следующий день он направился в монастырь и снова написал в омологии, что храм его келии посвящён святителю Тихону Задонскому.

¹⁰⁴ *Омологий*—документ, выдаваемый монастырём монаху-келиоту и подтверждающий его право владения келией.

Нерассудительная ревность

В монастыре Дионисиат был один иеромонах-подвижник, которого прочили во игумены. Однажды в монастырь приехал один священник из мира, и ему дали послужить Литургию. У этого священника были подстриженные волосы, и иеромонах, о котором идёт речь, соблазнился, начал громко протестовать. Из-за возникшей ссоры он оставил монастырь и уехал в мир. Там он связался с зилотами и в конечном итоге снял с себя рясу и женился. Вот к чему приводит ревность не по разуму.

Монах, который стал бесноватым

В прежние времена в монастыре Кутлумуш при игумене Кирилле был монах N. Многие восхищались им, потому что он много молился, постился, почти не спал. Все его считали истинным подвижником. Лишь духовник говорил отцу Мелетию: «Будь внимателен к отцу N. Мне не нравится то, что он делает». Однажды отец N. причастился и, выйдя из церкви, начал громко петь. Спустя немного времени он налетел на одного из монахов, держа в руках крест и восклицая: «Я Бог, я Бог!» Тогда отцы поняли, что им овладел нечистый дух. Они пригласили отца Демоклита¹⁰⁵, связали монаха N. и послали его к психиатру. После он возвратился в монастырь, и игумен Кирилл решил прочитать над ним заклиательные молитвы, а тот повалил игумена на пол и сломал ему руку. Тогда его вновь связали и в смиренной рубашке отослали в психиатрическую лечебницу, после чего его следы потерялись.

¹⁰⁵ См. о нём: Новый Афонский патерик. Т. 2. С. 73.

Дьявольская брань из-за богослужения

Рассказ одного старца: «Ещё будучи юным монахом, я твёрдо решил никогда во время службы не садиться в стасидию. Я не чувствовал своё тело, оно было словно мёртвым. Меня не клонило в сон, меня не мучил голод, мне не хотелось пить, я никогда не выходил из церкви до конца богослужения. Однако диавол, который хочет, чтобы монахи выходили из церкви во время службы, мне позавидовал. Однажды я стоял на службе и молился по чёткам, и вдруг он явился и встал прямо передо мной. Он держал в руках корзину без дна и через неё стал дуть мне в ухо. Я почувствовал ледяной ветер и очень замерз, несмотря на то что на дворе стоял июль месяц.

На следующий день диавол нагнал на меня такую жару что я думал, сварюсь и умру. Однако и в том, и другом случае я вытерпел и из церкви не вышел.

На третий день я вновь молился в своей стасидии и вдруг увидел, что наша церковь наполнена множеством монахов. „Странное дело, – подумал я, – у нас в монастыре нет столько монахов, праздника тоже нет. Что же происходит?“

Служба шла, заканчивалась восьмая песнь канона. В тот день была память святой Марины. Священник пошёл кадить. Тогда я увидел, как толпа этих монахов, толкаясь, выходит из церкви, подобно отаре овец. Последний из них, проходя мимо меня, подмигнул и сказал:

– Дурачок, чего смотришь? Все уходят, а ты чего здесь сидишь?

– Слушай-ка, до отпуска я со своего места не сдвинусь.

Тогда он ушёл. Я увидел, что из восьмидесяти монахов, которые были в церкви, осталось не больше десяти. Ушедшие „монахи!“ были бесами, и они, будучи не в силах слышать имя Пресвятой Богородицы, исчезли, как только началось пение „Честнейшую Херувим!“».

Бесовские откровения во сне

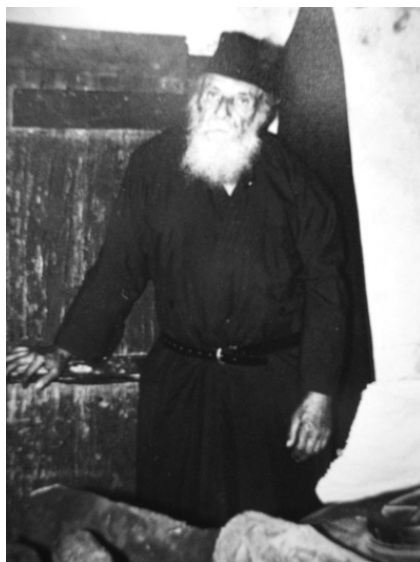
Рассказ одного старца: «Когда я был молодым монахом, некто начал являться мне во сне и предупреждать, что сегодня придёт такое-то количество посетителей. Я говорил старцу: „Сегодня придут два человека. Давайте приготовим побольше пищи“, – и они действительно приходили. Это повторилось два-три раза. Старец понял, в чём тут дело. Он велел мне не верить этим откровениям и, когда придёт этот некто, повернуться к нему спиной и не придавать никакого значения его словам. И вот через несколько дней, когда я вновь увидел его во сне, я поступил так, как заповедал мне старец, и повернулся к нему спиной. Утром я рассказал о сновидении старцу, и он ответил: „Вот увидишь, сегодня никто не придёт“. И на самом деле, в тот день никто не пришёл, и я перестал видеть во сне подобные откровения».

Пресвятая Богородица тушит пожар

Был праздник Успения Пресвятой Богородицы 15 августа 1985 года. Всенощное бдение в монастыре Ивирон было в самом разгаре. В три часа по полуночи поступило известие, что в районе Калягры в пределах монастырей Ставроникита и Кутлумуш начался лесной пожар. Многие монахи и миряне побежали тушить огонь, но не могли ничего сделать. Был сильный ветер и огонь быстро распространялся. Уже начал гореть лес и с противоположной стороны дороги на Ставроникиту. В тот год было очень сухо, а в местности этой обильно произрастает вереск, который обычно используют для растопки. Архиерей, приглашённый на бдение в Ивирон, пришёл на место пожара со святыми мощами. Всю ночь пожар разгорался всё больше и больше. Когда рассвело, прилетели пожарные самолёты, но и они не могли ничего поделать. Тогда в монастыре Ивирон прервали всенощное бдение и стали совершать молебный канон Пресвятой Богородице. Её ответ был скорым и чудесным, и чудо Её было великим. Внезапно пошёл ливень, который очень быстро потушил пожар. И чудо было в том, что в других местах Святой Афонской Горы, например в районе Великой Лавры и в районе Хиландара, не пролилось ни капли. В день, когда Святая Гора праздновала Успение Пресвятой Богородицы, Она показала Своё чудо и поделилась Своей радостью со всеми отцами, Её чадами, которые живут здесь, в Её саду, и становятся причастниками Её покровительства и неизмеримых благодеяний.

Благоговение перед Пресвятой Богородицей и любовь к Ней

Как-то раз ради душевной пользы и назидания один монах спросил старца Никиту из ставроникитской келии Казанской иконы Пресвятой Богородицы, какое он совершает монашеское правило. Старец ответил: «Мой старец в общежитии велел мне совершать шесть чётков Господу Иисусу Христу и шесть – Пресвятой Богородице. Я же совершаю все Пресвятой Богородице. Честь, воздаваемая Пресвятой Богородице, спасает. Господь радуется, когда мы почитаем Его Матерь. Тот, кто почитает Пресвятую Богородицу, Которая питала млеком Господа вселенной, в большей степени почитает Самого Господа. Пресвятая Богородица – это мама. Знаешь, что такое мама?» На этих словах старец не смог дальше говорить от рыданий, он выглядел подобным маленькому ребёнку, которого переполняла любовь к Пресвятой Богородице – его Матери. Это благоговение и девственная любовь, которая возжигает внутренний огонь в сердцах святогорских монахов, украшает и придаёт благоухание их монашеской жизни.

Старец Никита Капсальский

Старец Никита тоже горел этим сердечным чувством и любовью к Пресвятой Богородице. Он был рабом Пресвятой Богородицы и служителем Её Казанской иконы. В келии старца была чудотворная икона – одна из копий Казанского образа Пресвятой Богородицы. Перед этой иконой в келии старца горела неугасимая лампада с большим пламенем и почти всегда горела большая восковая свеча. Старец поставил икону Пресвятой Богородицы посреди церкви. Она занимала там почти всё место. Когда старец трудился в монастыре Пантократор и оставался там на ночь, то он шёл два часа пешком, поднимаясь в гору, чтобы добавить в лампаду масло, после чего возвращался в монастырь работать. Все свои заработанные тяжёлым трудом деньги он приносил в жертву Пресвятой Богородице, покупая масло, свечи и ладан. Уходя куда-то, старец никогда не закрывал свою келию на ключ. В районе Капсалы обворовывали много келий, и отцы спрашивали его, как он не боится, что его келию тоже ограбят. Старец ответил: «Я пришёл сюда, чтобы охранять Матерь Божию – или чтобы Она хранила меня?» И действительно, несмотря на то что его келия была день и ночь открытой, из неё ничего не пропало.

Старец, как чадо Пресвятой Богородицы, испытывал к Ней любовь и доверие, и Она ему помогала. «Однажды, – рассказывал он, – я заболел неизвестно чем и четверо суток не мог

пошевелиться, лёжа на кровати. Я не ел и не пил совсем ничего, потом кое-как слез с кровати и дополз до храма, где перед иконой Пресвятой Богородицы с плачем и многими слезами стал просить Её, чтобы Она меня исцелила и дала время на покаяние. Я чувствовал, что ещё не готов для великого путешествия. И Матерь Божия меня не оставила – ко мне начали возвращаться силы, после чего я поел и попил воды, а потом стал совершенно здоров».

Через много лет у старца случился инсульт, и его забрали в Ставроникиту, чтобы за ним ухаживать. Там старец изумлял отцов своим покаянием. Он просил после кончины надеть на него рваную рясу и бросить в углу двора, чтобы вся братия монастыря прошла по нему ногами. Икону Божией Матери Казанскую забрали в монастырь вместе с ним. Перед этой иконой он и испустил свой последний вздох, возлагая на Пресвятую Богородицу свою надежду. И мы уповаем и молимся, чтобы благоговение и честь, которые старец Никита воздавал Пресвятой Богородице, спасли его.

В заупокойном последовании есть один богородичен, который посвящён всем монахам, благоговеющим перед Госпожой Богородицей подобно старцу Никите: «Христа умоли, Твое Рождение, Мати Дево, прегрешений прощение дати рабу твоему, Тя Богородицу благочестно проповедававшему»¹⁰⁶.

Старец Никита часто называл Пресвятую Богородицу Панагией¹⁰⁷, Госпожой Богородицей, он постоянно был поглощён Её именем и Её благодатью. Сейчас по ночам не светится лампадка, которую зажигал некогда старец Никита перед чудотворной иконой Казанской. Однако возможно, на Небесах перед престолом Госпожи ангелов горит иная неугасимая лампада, которая хранит возжжённой любовь и благоговение старца Никиты к Пресвятой Матери Божией.

¹⁰⁶ Последование исходное монахов. Стихиры после 1-го антифона, богородичен 1-го гласа.

¹⁰⁷ *Панагия* (греч. Παναγία) – Всесвятая.

Благоухающая пещера

В 1985 году Великим постом один монах из ставроникитских келий уходил в лес по направлению к келии Честного Предтечи. В одном месте он почувствовал сильное благоухание. Пытаясь понять, откуда оно исходит, он пробрался сквозь кусты и деревья и увидел пещеру вход в которую был огорожен небольшой каменной стеной. Пещера была очень сырой. В ней когда-то вольно заточил себя ради любви Христовой некий неизвестный монах-затворник. Сейчас видны остатки той каменной стены, а неподалёку есть ещё и руины келии. Возможно, что где-то рядом покоятся освящённые останки этого затворника. Есть письменное свидетельство о том, что дикей румынского скита Честного Предтечи иеромонах Антипа – человек добродетельный, при котором скит достиг наивысшего духовного расцвета за всю его историю, – сложил с себя обязанности дикей и вместе со своим учеником стал проводить затворническую жизнь в одной из пещер недалеко от монастыря Ставроникита. Неизвестно, была ли это именно та пещера и идёт ли речь именно о том затворнике. Но кто бы он ни был, этот затворник – верный раб Божий, он освятился, и от его святости благоухает и пещера, и вся местность вокруг.

Последствия осуждения

Старец Савва Капсальский рассказывал, что давно в Дафни служил один полицейский, который хотел стать монахом. Однако глядя на монахов, он осуждал их, говоря: «Ну какие вы монахи? Вот когда я приму постриг, вы увидите, что такое настоящий монах!» Он повторял это часто, осуждая и унижая отцов. И он действительно стал монахом – в одной из келий на Керасье. Но вместо того, чтобы стать образцом монашеской жизни, как он надеялся, за свою гордыню и самомнение он стал образцом жалкого падения, чтобы другие не повторяли его ошибки.

Крестный ход с Иверской иконой Богородицы. 1927 год

Он повредился умом и, как потерянный, бродил по дорогам. Он изображал рукой перед собой какие-то знаки, похожие на крестное знамение, а его губы вместо молитв шептали какую-то несуслаицу. Он шёл, не зная, куда идёт, – зрелище, достойное сострадания и слёз. Бог да помилует его, а нас да сохранит от гордыни и от осуждения, чтобы мы не пали в ту же самую яму. Аминь.

Промысл Пресвятой Богородицы

Когда монастырь Ивирон был ещё идиоритмическим (до 1990 года), в какой-то год в монастыре закончились оливки, и поэтому отцы решили не давать оливок рабочим.

На следующий день после принятия этого решения к монастырской пристани подошло маленькое судёнышко, из которого выгрузили 40 огромных банок с оливками и крикнули монахам, чтобы они пришли их забрать. Монахи хотели пригласить этих людей в монастырь и поблагодарить их.

Однако судёнышко тут же уплыло, и братия так и не узнали, кто это был и кто пожертвовал им эти оливки.

Отцы за всем этим разглядели промысл Божией Матери от чудотворного Её образа – *Портайтиссы*¹⁰⁸. Этот промысл замечен на всей Святой Горе, а больше всего в посвящённом Ей монастыре, где совершаются непрестанные чудеса от Её иконы, где сама по себе перед этой иконой раскачивается лампада. Отцы убедились ещё раз в том, что Пресвятая Богородица не желает, чтобы прекратилось благословение и милостыня, раздаваемые Её обителью, и снова осознали, что Пресвятая Владычица имеет много способов дать братии необходимое.

¹⁰⁸ *Портайтисса* (что значит «Вратарница») – Иверская икона Божией Матери, которая с IX века находится в при вратах афонского монастыря Ивирон и является хранительницей этой обители.

Приобретение и потеря молитвы Иисусовой

Рассказ старца: «Однажды я пошёл в одну келию, чтобы помочь там подготовиться к престольному празднику. Старец келии был человеком стремительным, и в работе за ним было не угнаться. Он постоянно покрикивал на меня: „Так пошустрее! Не спи на ходу! Бегом, бегом! Из-за тебя, сонной мухи, сорок человек голодными останутся!./” Я не выдерживал такого напряжения, но всё старался делать с большой отдачей и оказывал старцу послушание. И вдруг в этом кухонном чаду в моё сердце вошла молитва Иисусова, и оно само, без моего старания, начало творить молитву. О, какую же я испытал радость! Я не могу её описать. Сердце творило молитву, а из моих уст исходило небесное благоухание. И всё это произошло потому, что я оказывал послушание – тем более не своему старцу, а малознакомому мне монаху. Так пришла благодать Божия, которая меня покрывала. Эта благодать находилась во мне около 15 минут. Я продолжал работать, и старец келии ничего не заметил. Вдруг к нам вбежал ещё один брат и грубо спросил меня:

– Это ты, такой-сякой, мою сковородку утащил?

– А ну-ка пошёл отсюда, бесноватый! Какую ещё сковородку я у тебя утащил? Мы тут задыхаемся от работы! – резко ответил я.

Как только я это сказал – всё: молитва внутри меня исчезла. На следующий день я пошёл к отцу Ефрему Катунаскому и рассказал, что со мной произошло. Он ответил: „Чадо моё, это была благодать Духа Святого, которая тебя осенила, однако ты не был её достоин, не был достоин, чтобы она осталась в тебе, потому что в тебе есть гордость. Если бы в тот момент ты ответил на грубость брата: «Прости, брат, это я забрал твою сковородку», то услышал бы, как бес, хрюкая, от тебя убегает. Этого брата прислал лукавый, и Бог попустил случиться искушению, желая испытать, достоин ли ты, чтобы молитва обитала и жила в тебе!“».

Диавол завидует певчим

Рассказ старца: «Диавол очень завидует нам, певчим. Однажды на Божественной Литургии в 1996 году после Трисвятого все мы, певчие, собрались на правом клиросе, чтобы всем вместе петь Херувимскую. Я стоял по правую руку от протопсалта, и вдруг увидел, что явился бес, похожий на скелет. Прыжками он приблизился к нам, протянул свою костлявую руку с длинными ногтями, пытаясь меня оцарапать. Я отшатнулся назад. Тогда, делая оскорбительные жесты, он кричал: „Вот тебе! А вот и вам!!“ – и при этом свистел отвратительным свистом. По всей видимости, его приводило в ярость то, что мы поём».

Диавол мешает покаянию

Рассказ одного старца: «Однажды я с тремя паломниками-мирянами сидел на балконе моей келии. Я собирался рассказать им об исповеди. Но диавол – злой завистник – не хочет, чтобы мы думали о Боге, говорили о покаянии и заботились о своём спасении. Когда мы начали беседу, вокруг келии собралось множество бесов, которые начали барабанить по стёклам, производя такой шум, что мы не могли слышать друг друга. А мирянин, который находился ближе всего к стёклам, даже закрыл лицо руками, испугавшись, что они сейчас разобьются и осколки полетят ему в лицо. Мы всё ждали и ждали, когда этот шум прекратится, но так и не дождались».

Святые архангелы посещают больного

В прежние времена в монастыре Великой Лавры жил один старенький монах по имени Марк. В миру он был жандармом. Потом он стал монахом и ему дали послушание погонщика мулов. Отец Марк любил иногда выкурить сигаретку и выпить винца, однако потом он покался и принял великую схиму. Впоследствии он заболел и оказался прикованным к постели.

Однажды февральским утром он увидел, как в больницу монастыря вошли два военачальника. Увидев их, отец Марк попытался подняться.

– Геронда, не вставай, – сказали они, – мы пришли тебя проведать и утешить. Как твои дела?

– Слава Богу, – ответил отец Марк.

– Ты всем доволен?

– Я славословлю Бога.

– Так и продолжай! Славь и благодари Бога, твори молитву Иисусову и причащайся. Да мы и знаем, что ты всё это делаешь. Мы пришли просто тебя проведать и сказать, что через три дня мы придём вновь.

– Благодарю вас, – сказал отец Марк, – да пребудет с вами Бог.

Когда они выходили из больничной палаты, в неё входил монах, прислуживавший отцу Марку. Отец Марк увидел, что они разминулись в дверях, и спросил брата, что это были за военачальники, которые его навестили. Брат с недоумением ответил, что никого не видел. Через три дня отец Марк скончался, и так все поняли, что это были чиноначальники Небесных сил – архангелы Михаил и Гавриил.

Всё это произошло с отцом Марком, потому что у него было смирение. Он считал себя ничтожным и жалким человеком, находился в безвестности и пренебрежении, был простым погонщиком мулов. Но одновременно с этим он славословил Бога за Его благодеяния и милость.

Страшная брань с бесами гордыни

Рассказ одного старца: «Однажды, когда я пел Херувимскую и дошёл до слов „и Животворящей Троице“, передо мной явились пять бесов и поклонились мне. Один из этих бесов был в высшем офицерском чине, он носил фуражку, какие-то бесовские знаки на груди, лампасы, а из-под фуражки торчали рога. А четверо других были маленькими, покрытыми шерстью. Все они упали передо мной на колени. Тот, что стоял в середине, похожий на офицера, стал на одно колено – как это делают католики. Он сказал мне:

– Ты восхитительный певчий! Удивительный! Никто из певчих даже рядом с тобой не стоял!

Он держал свою голову высоко, тогда как четверо склонили головы предо мной. Я начал повторять в себе: „Сейчас бесы заберут мой ум. Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Господу Богу нашему поклоняемся и Ему Единому служим“.

Тут же бесы стали невидимы. Всё это произошло во мгновение ока. Я внутри себя испытал очень сильный гнев и подумал: „Тот, кто не хочет поклониться Богу и сказать «помилуй мя, Боже», пришёл, чтобы поклониться мне и сделать соучастником своей гордыни?“

Я полыхал на них гневом и начал петь „Троице!“ Папаниколау¹⁰⁹. Когда я закончил, отцы начали говорить:

– Вот это Херувимская так Херувимская! Ты нам престольный праздник устроил!

– Да ладно, – отвечаю, – иногда само по себе так получается.

После трапезы я встретил во дворе монастыря одного святогорца не из нашей обители, который присутствовал на Литургии. Я поприветствовал его, и он сказал мне:

– Слушай, что это такое сегодня было?! Как ты пел! Ты нас на небо вознёс. Мы стояли и плакали.

– Это не я, – говорю, – это отец такой-то.

– Какой там ещё отец такой-то! Ты! Твой был голос! – и после этого монах наговорил мне много других похвальных слов.

Я поклонился ему и собирался уходить. И вот ко мне подходит сатана – я видел его своими глазами – и говорит:

– Когда я тебе говорю, ты слушай. Никто из певчих с тобой не сравнится. Это правда. Вот что: тебе надо поехать в мир и поступить в консерваторию, получить диплом и быть преподавателем византийской музыки.

– Отойди от меня, бес! – ответил я. – Эх, надо же было мне повстречать того монаха, который начал меня так нахваливать!

Я вышел из монастыря и направился к огороду. Дьявол шёл рядом со мной. Я видел дорогу, шагал по ней, но, не знаю как, сатана взял мой дух и вознёс меня высоко, очень высоко. Я видел землю и мир внизу, как муравейник.

– Нет, – говорил мне сатана, – ты человек необычный. Ты сам не осознаёшь, чем ты наделён.

– Что ты несёшь, сатана?! Чем ты наделён, тем и я. Уйди от меня!

„Боже мой, помоги мне! Что же сегодня за день такой? Сатана лишит меня ума! Господи Иисусе Христе, помоги мне!“

Я начал раздуваться от гордости, но при этом ещё немного понимал происходящее и сказал: „Боже мой, я не хочу таких возношений“.

¹⁰⁹ Папаниколау – сочинитель византийской музыки. Существуют музыкальные произведения, распеваящие только одно слово «Троице» внутри Херувимской песни.

Я увидел себя входящим в огород. Сатана шёл рядом. Он повторял своё, я повторял своё. Нет демона худшего, чем бес гордыни. Я пошёл вглубь огорода, ожидая, что он, может быть, отстанет. Но куда там! „Ну, всё, – сказал я себе, – я стану бесноватым“. Тогда прямо в рясе, в которой я был в церкви, я упал на землю и начал плакать. Я не придавал значения тому, что говорил мне сатана; он повторял своё, я повторял своё: „Господи Иисусе Христе, помилуй мя“. Я лежал посреди грядок на солнце два с лишним часа и повторял это не переставая. „Я не хочу, – повторял я, – таких возношений, таких помыслов. Я хочу, Христе мой, поклоняться Тебе, висящему на Кресте. Я грешный человек и ничего больше“. А сатана тем временем повторял своё. Земля подо мной стала мокрой от слёз, словно прошёл дождь. И вот в какой-то момент нависавшая надо мной чёрная туча исчезла, и вместе с ней исчез сатана. Я понял, что я „приземлился“. Я почувствовал; что мне необходимо подойти к Распятию и поцеловать ноги распятого Христа. Я поднялся; поблагодарил Господа и Пресвятую Богородицу сделал несколько поклонов и ушёл, плача.

После этого я подумал: раз столько бесов пришли искушать меня с такой силой; я дал им какой-то повод. По всей вероятности; я уклонился в сторону эгоизма. Поэтому необходимо внимание и смирение».

«Отец, ты сделал меня христианином»

Рассказ диакона Дионисия Фирфириса: «Однажды я поехал по делам в Салоники. Зашёл в одно кафе пообедать, снял скуфью, прочитал „Отче наш!“ и сел за стол. Рядом со мной сидела компания, один человек из которой дерзко сказал мне:

– Ну и что ты нам хочешь тут показать? Что за представление ты нам тут устроил?

– Слушай-ка, брат, – сказал я ему немного раздражённо, – помолчи лучше, чтобы я костью не поперхнулся.

Вскоре из-за стола, где сидела эта компания, послышался шум, и кого-то поспешно вывели на улицу. Я даже не повернулся посмотреть.

Прошло время, я вновь выехал в Салоники, и возле Белой башни ко мне подошёл один человек и поприветствовал меня, спрашивая:

– Ты не узнаёшь меня, отец?

– Нет, – ответил я.

– Неужели не помнишь? А ведь это ты сделал меня христианином.

– Нет, я тебя не помню.

– Помнишь, давно в одном кафе ты ел, и один человек сказал тебе то-то и то-то?

– Да что-то припоминаю.

– Ну вот, это был я! Погляди-ка на мою шею: я поперхнулся костью, она застряла у меня в горле и мне сделали операцию, чтобы её вытащить, – говоря это, он показал свою шею, на которой был шрам. – После этого я начал ходить в церковь, я исповедуюсь и молюсь. Благодарю тебя, отче, ты меня спас».

Послушание выше поста

Некий благоговейный мирянин приехал на Святую Гору, чтобы стать монахом. Он пришёл к одному подвижнику и спросил его:

– Геронда, я постоянно держу девятый час, я могу стать монахом?

– Нет, – ответил подвижник. – Мне нужно только послушание. Если можешь оказывать послушание, оставайся. Если не можешь, иди куда хочешь.

Молодой человек со смирением согласился, остался и начал свой любочестный подвиг. Вначале старец испытывал его. Он заставлял его есть два и три раза в день. Но увидев, что тот отсёк свою волю, дал ему благословение поститься. Однажды молодой монах был болен, у него была температура, а каливу завалило снегом. Старец сказал ему подняться, чтобы они пошли колоть дрова, и тот сразу же вскочил с койки. Видя его готовность и расположение к послушанию, старец обрадовался и сказал: «Ничего, иди ложись, поколем дрова в следующий раз». Такими уроками мудрый старец отсёк всё своеволие послушника, и тот стал хорошим монахом и преуспел в умной молитве. Все отцы в округе восхищались его послушанию, и его кончина была благой и мирной.

Несребролюбие отцов

Один благоговейный православный иностранец, который работал в Саудовской Аравии, приехал на Святую Гору со своим маленьким сыном в 1990 году, чтобы исполнить свой обет. Его сын был болен раком, и отец, молясь Богу, пообещал, что если ребёнок станет здоров, он приедет на Святую Гору и пожертвует кому-нибудь из отцов 1000 долларов. Он оставил деньги одному старцу, чтобы тот раздал их, кому сам посчитает нужным. Старец стал предлагать эти деньги бедным келиотам, но они, несмотря на то что у них ничего не было, отказывались брать эти деньги, исполняя монашескую акривию. Старец с трудом раздал деньги, но был очень рад и восхищался строгости и несребролюбию отцов, которые презирали материальное и искали духовное и небесное.

Привязанность к родным

Один старец, имея какие-то средства, построил для своей сестры дом, к которому пристроил одну маленькую комнату, чтобы никого не беспокоить, когда он будет выезжать в мир и там останавливаться.

Как-то раз он приехал, а его сестра с порога начала кричать ему, чтобы он забирал свои вещи, которые она выкинула из его комнатки на улицу. Она выгнала его и больше никогда не хотела его видеть даже как гостя. Это было «воздаяние» от сродников по плоти за его подарок. Ведь монах не имеет плотских сродников, и деньги, которые он даёт своим родственникам, превращаются в огонь, потому что на них нет благословения, как говорят об этом святые отцы¹¹⁰.

¹¹⁰ См.: Древний патерик. Глава 13, п. 14.

Страх из-за преслушания

В прежние времена в ксенофонтском скиту в каливе Успения Пресвятой Богородицы жил один послушник, который имел большую ревность к духовному. Он постоянно убеждал своего старца дать ему благословение пойти подвизаться одному в пещере, которая была над скитом. Старец же, зная, что послушник не готов к такой аскезе, воспрещал ему, говоря: «Когда ты будешь готов, я дам тебе благословение подвизаться в пещере». Однако послушник не внимал старцу и всё чаще и чаще просил его дать ему такое благословение. Наконец после многих убеждений старец уступил и благословил его идти, куда хочет. Вне себя от радости послушник собрал свои немногие вещи, взял инструменты для резьбы по дереву (это было его рукоделие) и отправился в пещеру. Придя туда, он разложил свои вещи, прочитал вечерню, повечерие и лёг спать. Однако вскоре его разбудил странный шум. Послушника охватил ужас, и он начал молиться. Но шум продолжался, и ужас овладевал послушником всё больше и больше. Будучи не в состоянии терпеть этот страх, он нащупал спички и зажёл лампу. Тогда в изумлении он увидел, что шум, который его так напугал, производили мыши, забравшиеся в коробку с инструментами, куда он положил недоеденную лепёшку. «Несчастный! – подумал послушник. – Ты мышей боишься, а представь, если бы это были не мыши, а бесы?»

И, придя в себя, послушник собрал свои вещи и возвратился к своему старцу. Он попросил у него прощения и, оказывая ему послушание, провёл прочие годы своей жизни в каливе своего пострига, где и отошёл ко Господу.

Брань и помощь иеромонаху

Молодой иеромонах, который подвизался один, подвергся воздействию сильной бесовской брани и, будучи не в силах выдержать плотскую брань, решил уехать в мир, снять рясу и жить, потворствуя своим страстям.

Однако благодать и милосердие Божие устроили для спасения брата следующее. Когда в Дафни он ожидал корабль, чтобы выехать в мир, то вдруг увидел неизвестного старца. Старец был весьма пожилым, он был одет в ветхий подрясник и бормотал себе под нос: «Батюшку, где же здесь найти батюшку? Мне нужен батюшка, чтобы поисповедоваться... А вот и он! Послушай-ка, батюшка, мне вот 80 лет, и я не могу понять, как со мной в таком возрасте происходят искушения? Я сделал то-то и то-то (при этом старец начал перечислять иеромонаху его собственные грехи), а по ночам не могу уснуть. Но что бы со мной ни происходило, я не отчаиваюсь. Нет! Я не отчаиваюсь никогда».

Он поцеловал иеромонаху руку, назвал его по имени и ушёл. Вначале иеромонах был очень растерян, потому что всё сказанное старцем относилось к нему самому. И он понял, что Бог открыл этому старцу его грехи и послал его исправить.

Придя в себя после изумления, иеромонах стал искать в Дафни этого богопосланного старца, но того и след простыл. Он начал описывать старца знакомым монахам и лавочникам, но никто не понимал, о ком идёт речь.

Тогда после сильного, нечеловеческого искушения иеромонах направился обратно в свою келию. На тропинке он встретил огромную змею, похожую на тех, что показывают в цирках, — а на дворе стояла зима, начало декабря. Такие змеи не водятся на Святой Афонской Горе, и брат понял, что это был диавол, принявший образ змеи. Это был началозлобный змий, прельщающий и искушающий монахов.

Старец Иосиф изгоняет искушение

Один иеромонах в общежительном монастыре нёс послушание огородника. Он ночевал в домике на огороде и каждую ночь просыпался от звона колокольчика перед калиткой в огород. Затем он слышал, как кто-то спускается по лестнице в подвал его домика, и по звуку понимал, что кто-то роется в садовых инструментах и удобрениях. Брат слышал эти звуки и одновременно умным зрением видел ночного посетителя, словно какую-то тень. После этих шагов и звуков дом начинал раскачиваться, как будто начиналось землетрясение, но впоследствии брат узнавал, что «землетрясение» было только на огороде, а в монастыре всё было тихо. Такое искушение происходило каждую ночь, и оно измучило брата. Игумен велел брату приглашать иеромонаха, чтобы в маленькой церкви, которая была в его доме на огороде, он совершал Божественные Литургии и водосвятные молебны, но всё это не помогало. В том в садовом домике долгое время жили неблагочестивые рабочие, и, по всей видимости, лукавый имел права над тем местом. По Божественному Промыслу в то время брату подарили частицу мощей старца Иосифа Исихаста. С благоговением он принёс их в огород и попросил: «Старче Иосифе, я хочу, чтобы ты мне показал, что имеешь дерзновение к Богу, потому что я очень долго мучаюсь от тени, которую вижу по ночам, от непонятных звуков и от „землетрясения!“». И вот в первую же ночь после того, как он принёс туда частицу мощей старца Иосифа Исихаста, все искушения прекратились. После этого случая брат-огородник убедился, что старец Иосиф имеет дерзновение к Богу.

Бесы мешают монашескому правилу

Один монах регулярно ходил в некую келию на Божественную Литургию. Эта келия находилась далеко от его калиты, и поэтому он приходил туда с вечера и ночевал. Однако каждую ночь к нему приходил лукавый и искушал. Брат слышал голоса и шум. Однажды бес сказал ему на ухо: «Мы всегда приходим в это время». После этого бесы начали тянуть его за рясу и дуть ему в лицо. Итак все ночи, которые брат проводил в этой келии, он оставался без сна и творил молитву Иисусову. Только в одну из ночей ему удалось поспать спокойно, потому что он принёс с собой и надел великую ангельскую схиму.

Братия этой келии тоже в два часа ночи слышали бесовские голоса. Именно в это время монахи-келиоты просыпаются, чтобы совершать монашеское правило, – бесы приходили, чтобы им помешать. А раньше, когда братия только переселились в эту келию, они во время вечерни часто слышали какие-то крики и удары, и казалось, что келия вот-вот рухнет. Так бесы пытались их напугать. Старый монах, живший по соседству, объяснил им, что давным-давно в этой келии жили некоторые старцы, которые дали диаволу права над этим местом, поэтому бесы туда и приходили.

Подвижник, впавший в прелесть

В скиту святителя Василия Великого жил брат, который вкушал только девять смокв в день и пил воду. Много лет он держал этот постнический устав. К несчастью, он впал в прелесть, потому что свой подвиг он совершал без смирения и ни с кем не советуясь. Брат пове-
рил, что он – пророк Илия. Он пошёл на исповедь и заявил духовнику:

– А ты знаешь о том, что я – Илия-пророк?

– Слушай-ка, не вынуждай меня, пожалуйста, чтобы я искал этому опровержение. Ведь ты помнишь, что Илия-пророк был обрезанным?

Но брата ничем нельзя было убедить. Позже в его келии случился пожар, после которого его тело не нашли. Скорее всего, он сгорел.

Благоухание от святых мощей прекратилось

Игумен Андрей¹¹¹, настоятель монастыря святого Павла, благоговел перед мощами святого Дионисия Олимпийского¹¹². Эти мощи всегда сильно благоухают. Когда отец Андрей был седмичным, то для паломников он в первую очередь выносил мощи святого Дионисия, потом – все остальные ковчеги с мощами. Обратно в алтарь мощи святого Дионисия он заносил в последнюю очередь.

Однажды отец Феоклит Дионисиатский¹¹³ пришёл поклониться в монастырь святого Павла с группой мирских людей. Они поклонились святым мощам, а когда отец Андрей стал заносить мощи в алтарь, он заметил, что мощи святого Дионисия перестали благоухать. Он расстроился и подумал, что виной этому он сам, потому что он, скорее всего, в чём-то согрешил и больше не достоин чувствовать благоухание. Несколько дней после этого он выносил мощи паломникам, и они не благоухали. От этого отец Андрей очень сильно расстраивался.

Затем мощи снова стали благоухать. А вскоре в монастырь святого Павла опять пришёл отец Феоклит и в беседе с отцом Андреем рассказал, что когда он приходил с паломниками в прошлый раз и вернулся потом в Дионисиат, оказалось, что один из паломников в той компании был некрещёный еврей. Тогда отец Андрей и отец Феоклит поняли, что мощи прекратили благоухать из-за присутствия некрещёного еврея.

¹¹¹ См. о нём: Новый Афонский патерик. Т. 1. С. 196–217.

¹¹² *Преподобный Дионисий Олимпийский* – почитаемый в Греции святой. День памяти 23 января (5 февраля). В месяцеслов Русской Православной Церкви его имя не включено. См. о нём: Синаксарь. Жития святых Православной Церкви: в 6 томах. Т. 3. М.: Сретенский монастырь, 2011. С. 356–361.

¹¹³ См. о нём: Новый Афонский патерик. Т. 2. С. 61–62.

Смирение тушит пожар

Иеромонах Филофей Григориатский, старый насельник этой обители, однажды с благословения своего старца решил сжечь кучу сухих ветвей, которые он срезал, очищая оливковую рощу в местности Парфениу. Когда он зажёл огонь, возможно, по попущению Божию подул очень сильный ветер, и помимо сучьев, которые лежали на земле, загорелись и масличные деревья. С деревьев пламя перекинулось на лес. Отец Филофей прилагал все усилия, чтобы потушить огонь, однако ничего не мог поделать – пламя разгоралось всё быстрее и сильнее.

Все братья монастыря побежали тушить пожар, но остановить его не могли, потому что огонь распространился на большой площади. Было очевидно, что и масличные посадки, и монастырский лес погибнут. Вместе с отцами, держа свой посох, побежал тушить пожар престарелый игумен отец Симеон. Будучи переполнен священным гневом, он поднял свой пастырский жезл, указывая на отца Филофея.

– Прости и благослови, геронда. Прости меня, я этого не хотел! – повторял отец Филофей.

– Ты сжёг мне лес и теперь повторяешь своё «прости и благослови»?

С этими словами игумен ударил отца Филофея жезлом.

– Прости и благослови, геронда. Прости меня, я ведь не хотел поджигать лес, – повторял отец Филофей и смиренно прибавил: – Геронда, человеческими силами мы с этим пожаром не справимся. Давай сейчас оставим спор, кто виноват, и прибегнем к Божественной помощи. Нас ничто не спасёт, кроме благодати Божией.

Они тотчас стали молиться, и – о чудо! – мгновенно над горящим лесом появилась туча, из которой пошёл ливень, потушивший пожар. На дворе был июль месяц. Лес был спасён чудом святителя Николая и Пресвятой Богородицы благодаря смирению иеромонаха Филофея.

Молитва на воздúсе

Старец Андрей Григориатский, один из старейших насельников монастыря, рассказывал отцу Ефрему, а тот в свою очередь старцу Арсению¹¹⁴, о кончине иеромонаха Филофея. Он рассказывал так: «Когда брат нашего монастыря иеромонах Филофей был близок к кончине – это было в начале XX века, – я пошёл его проведать. Мы уже давно перенесли его в геро-кóмий¹¹⁵. Вокруг него собрались пять отцов, и я в том числе. В какой-то момент он попросил нас ненадолго выйти из келии. Все мы вышли и закрыли за собой дверь. А я был человеком любопытным, и поэтому решил через окошко посмотреть, что он будет делать. И что же я увидел?! Отец Филофей встал на колени и начал молиться с воздетыми руками и взором, обращённым к небу. Я увидел, что его ноги и колени совсем не касались пола, его тело поднялось в воздух почти на локоть. У меня перехватило дыхание, и я не мог сказать ни слова.

Через какое-то время – не знаю, сколько прошло точно, – я немного пришёл в себя и услышал, что старец зовёт нас снова в келию. Мы нашли его в мирном состоянии духа, он лежал на кровати. Спустя несколько часов старец уснул сном праведных и преподобных».

¹¹⁴ См. об этих трёх старцах: Новый Афонский патерик. Т. 2. С. 16, 23-26, 98-100.

¹¹⁵ *Героко́мий* — монастырская больница для престарелых и немощных монахов.

Старец, который стал бесноватым

Один старец принял у себя в каливе бесноватого юношу, сочувствовал и сострадал ему, пытался как-то помочь. Старец очень сильно постился и почти совсем не спал. Однажды, когда он увещевал юношу, то увидел на его голове сидящего голубя. Старец немедленно подумал, что это Святой Дух, упал в ноги и поклонился ему. В то же самое мгновение он стал бесноватым. Он побежал в соседнюю келию рассказать братии, что с ним случилось. Старец умолял, чтобы над ним совершили чин изгнания злых духов. От телесного истощения он упал в обморок. К несчастью, старец действовал поспешно и нерассудительно, он не принял во внимание слово святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова: *Не всякому дѹху вѣрьте, но испытывайте дѹхов, от Бога ли они*¹¹⁶. Бог да будет милостив к брату. Аминь.

¹¹⁶ 1 Ин. 4:1.

Послушник, который не доставил покоя и радости своему старцу

У одного старца в пустыне было два послушника. Один жил по собственной воле и был преслушником, поэтому он не доставлял покоя и радости своему старцу. Когда наступил час кончины старца, послушники подошли к нему, чтобы взять благословение. Старец спросил первого послушника его имя. Он простил его и дал ему своё благословение. Когда к старцу подошёл брат, живший по своей воле, и назвал ему своё имя, старец не узнал его. «Я не знаю, кто ты. У меня послушника с таким именем не было», – ответил старец. Он так и не дал своему послушнику своё благословение.

Этот послушник впоследствии впал в прелесть и в ересь.

Русский монах, Христа ради юродивый

Давным-давно в монастырь святого Пантелеймона на Афонской Горе пришёл один офицер, служивший в царской армии на Балтийском море. Став монахом, он через какое-то время начал вытворять всякие сумасбродства. Однажды в полдень он забрался на высокую трубу дымохода и начал кричать. Его сняли с трубы и выгнали из монастыря. Отцы были убеждены в том, что он сошёл с ума. После изгнания из монастыря этот монах поселился в Кариес, где продолжал свои выходки. Некоторым людям он открывал тайны их жизни, а после опять начинал кричать и совершать юродства. Он пророчески говорил: «Пройдёт немного лет, и вы будете приезжать в Кариес не на мулах, а на других более быстрых средствах передвижения. Здесь кругом будет проложено очень много дорог».

Русский подвижник. Фото начала XX века

Один из лавочников в Кариес, господин Христос Зенгос, рассказывал, что однажды русский юродивый кружил по Кариес и сильно кричал и пел «Богородице Дево, радуйся...». Лавочник сделал ему замечание и попросил не кричать так громко в полдень, когда все отдыхают, на что русский ответил: «Господин Христос, я ещё три дня тебя побеспокою, а потом уйду». Когда прошли три дня и блаженного не стало видно в Кариес, люди пошли искать его и нашли лежащим на земле со скрещёнными на груди руками, с сомкнутыми устами и закрытыми глазами в полуразрушенной келии святого Иоанна Богослова, где он жил. Так этот человек уснул сном праведных.